

ББК 76
А 38

Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати

АЛЬМАНАХ

Выпуск 7-8 (182-183)
2021

Редакционная
коллегия:

В.В. Тулугов —
главный редактор
А.А. Кажикин
А.М. Шишлянникова
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
Ю.В. Лучинский
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
Е. Рязских

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
22.12.2021. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА Владимир Тулугов Юбилей как праздник и средство укрепления имиджа	2
ОТКРЫТИЕ НОМЕРА Пётр Киричёк Идейный маркер изящной словесности евразийской ментальности	5
ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА Сако Бекай, Виктор Хорольский Влияние религиозных конфликтов на современные СМИ Западной Африки	10
МЕДИА Александр Землянский Социальные сети как основной источник инфодемии:	16
Евгения Корнилова Медиаграмотность специалиста в государственной сфере и в сфере международной деятельности	23
ЯЗЫК МК Марина Новичихина Некоторые размышления по поводу одной неудачной номинации	28
РЕКЛАМА И ПАБЛИК РЕЛЕЙШНЗ Ле Ву Мань Тьонг Публичные выступления первых лиц государства как имиджевый инструмент	30
СООБЩЕНИЯ	32
ДАЙДЖЕСТ	37
КРАЕВЕДЕНИЕ	40
РЕЦЕНЗИИ	51
ТВОРЧЕСТВО НАШИХ КОЛЛЕГ	58
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	83

Владимир Тулунов Юбилей как праздник и средство укрепления имиджа

Факультет журналистики ВГУ отметил 13 ноября 2021 г., в традиционный День факультета, 60-летие журналистского образования в Центрально-Черноземном регионе и в Воронежском государственном университете.

Строго говоря, шестьдесят лет — не юбилей, поскольку последним считается торжество по поводу пятидесятилетия (столетия, тысячелетия), но в последнее время предприятия, организации и частные лица торжественно отмечают годовщины через каждые пять лет. Вспомним, что и «пяtilетки», «семилетки» советского периода также не только давали возможность подведения промежуточных итогов за довольно продолжительный период времени, но и помогали скорректировать стратегию и тактику деятельности, воздав должное лидерам производства. И вообще, подобного рода смотры с давних пор рассматривались как средство укрепления имиджа, повышающее лояльность внешней и внутренней среды. Здесь вполне уместно будет вспомнить необыкновенный свадебный карнавал, устроенный по приказу Анны Иоанновны, в ходе которого мимо императрицы прошествовали люди в национальных одеждах, с национальными инструментами и с животными тех краев, откуда приехали по два представителя всех племен и народов, проживавших тогда в России: «На одной площадке собрались весь север Азии и почти весь восток Европы...»¹. И сама императрица вдруг ясно осознала величие страны, коей ей выпала честь управлять.

Решение широко отпраздновать очередную круглую дату на факультете было принято по нескольким причинам: во-первых, важно было поделиться историей формирования воронежской научно-педагогической школы журналистики, актуализировать достижения профессорско-преподавательского состава, познакомить с новыми учебными направлениями факультета, отвечающими запросам времени.

¹ Лажечников И. Ледяной дом. М., 2014. С. 342.

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Во-вторых, необходимо было отдать дань благодарности и нынешним сотрудникам факультета, которые в современных условиях, кардинально изменивших медиапространство (глобализация, цифровизация, компьютеризация, конвергенция и др.), сумели оперативно перестроить учебный процесс, продолжая качественно готовить журналистов, рекламистов, пиарменов для сферы массовой коммуникации.

В-третьих, ситуация с коронавирусом, нарушившая привычную коммуникацию, в том числе между преподавателями и студентами, вынужденными уйти на дистанционное обучение, привела к потерям не только в профессиональной подготовке, но и в социализации обучающихся. Анкетирование, проведенное на дневном отделении факультета журналистики ВГУ, показало, что большинство обучающихся отрицательно относится к такой форме освоения дисциплин и справедливо полагает, что она разрушает атмосферу студенческой жизни и университетского братства. Вот почему было решено максимально нивелировать негативные моменты, связанные с карантинной ситуацией, создав программу полноценного праздника, обращенного ко всем поколениям журфаковцев.

В начале 2021 года инициативная группа работала тематико-организационный план мероприятий, который в результате был полностью выполнен, а именно: проведены две научно-практические конференции (майская Международная «Проблемы массовой коммуникации»², октябрьская Всероссийская «Проблемы массовой коммуникации: новые подходы»³); опубликована серия статей о подготовке медиаспециалистов в ВГУ⁴; изданы

² Коммуникация в современном мире. Материалы Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей массовой коммуникации (20–22 мая 2021 г.). Ч. 1 и Ч. 2. Воронеж, 2021.

³ Проблемы массовой коммуникации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов (29 октября 2021 г.). Ч. 1 и Ч. 2. Воронеж, 2021.

⁴ Тулунов В. В. Творческая специальность в классическом университете // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. 2021. № 2. С. 123–128; его же: Юбилей факультета журналистики // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Воронеж, 2021. № 1–2. С. 2–9; Научно-образовательная школа журналистики Воронежского государственного университета // Научно-педагогические школы

книги воспоминаний⁵; проведены Всероссийский фестиваль-конкурс студенческих работ журналистов, рекламистов и пиарменов «Жизнь в творческом полете»; областной конкурс спортивных журналистов «На старт!»; подготовлена целая подборка видеосюжетов о легендах журфака, о журфаке театральном, поэтическом, спортивном, выставленная на YouTube-канале факультета⁶.

В преддверии праздника в социальных сетях («Фейсбук», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Твиттер», «Инстаграм») проводились фотоэкскурсии по факультету, чтобы все желающие могли «пройтись» по коридорам учебного корпуса № 6 ВГУ, познакомиться с выставками фотографий ветерана факультета Михаила Вязового и пейзажной живописи декана Владимира Тулунова, с обновленными экспонатами Музея журфака и баннерами с фотографиями всех, в том числе новых, сотрудников трех кафедр: журналистики и литературы; электронных СМИ и речевой коммуникации; связей с общественностью, рекламы и дизайна.

Накануне Дня факультета в онлайн-формате состоялось традиционное 21-е заседание региональной секции Центральной и Черноземной России НМС по журналистике университетов Российской Федерации, в котором приняли участие преподаватели отделений и факультетов журналистики университетов Белгорода, Воронежа, Курска, Орла и Тамбова, прослушавшие выступления на актуальные темы⁷, в том числе доклад декана «О 60-летию журналистского образования в ЦЧР и ВГУ».

Шестьдесят лет с начала подготовки профессиональных журналистских кадров в г. Воронеже — значимое событие, с одной стороны, для города, с другой — для всей системы российского журналистского образования, которое активно развивается не только в столице, но и в регионах (в настоящее время в РФ насчитывается около 140 центров вузовской подготовки медиаспециалистов). По этой причине инициативная группа решила принять участие в конкурсе проектов премии в области развития общественных связей RUPOR2021 с заявкой «Жизнь в творческом полете». К сказанному выше, отраженному в официальной заявке, добавим характеристику целевых аудиторий, на которые был нацелен юбилей как специфическое

корпоративное мероприятие. Это В2Р: профессорско-преподавательский состав и сотрудники факультета, работавшие в разные годы; сегодняшние студенты и выпускники разных лет; В2В: коллеги из разных российских и мировых вузов, представляющие отделения и факультеты журналистики, департаменты и институты медиакоммуникаций, рекламы и связей с общественностью; российское академическое сообщество. Рекламные и PR-эффекты распространялись также на другие аудитории: В2С: абитуриенты, их родители; образовательные учреждения среднего, среднего специального и высшего уровней; В2В: бизнес-сообщество, представители работодателей — заказчики образовательных услуг факультета; бизнес-сообщество, потенциальные заказчики коммуникационных услуг факультета; В2G: федеральные и региональные государственные учреждения, формирующие государственный заказ на подготовку профессиональных кадров в сферах медиакоммуникации, журналистики, рекламы и связей с общественностью.

Поскольку одной из задач проекта было формирование особой атмосферы, подтверждающей статус ключевого образовательного учреждения в Воронеже, где готовятся и воспитываются кадры для творческих коммуникационных видов профессиональной деятельности, были определены и сформулированы соответствующие тактика и коммуникативные решения:

— основная тональность мероприятий в юбилейный год: ностальгическая нота, которую факультет журналистики уже давно проводит красной нитью в своей коммуникации; главным нервом всех сообщений, мероприятий, аудио- и видеоконтента стало формирование комьюнити единомышленников, объединенных общим настроением, памятью, общей лирикой и романтикой;

— тактические действия предполагали решение ценностно-ориентирующих задач, а также задач по дифференциации, выделению объекта продвижения в ряду реальных и потенциальных конкурентов: показ достижений воронежской научно-образовательной школы журналистики (шире — массовой коммуникации) по всем направлениям деятельности, принятой в вузах: образование, наука, издательская деятельность, общественная деятельность и др.;

— перманентное — в течение года — информационное воздействие на целевые группы, в т. ч. использование различных информационных площадок (сайт ВГУ, сайт факультета, Youtube, учебная пресса, ДОД и др.) и, прежде всего, социальных сетей («Фейсбук», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Твиттер») для активизации реакции корпоративного сообщества (выпускники, партнеры и др.)⁸.

журналистики в России. СПб., 2021. С. 245–259; Бебчук Е. М., Тулунов В. В. Юбилей научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации» // Язык, мышление, цифровизация: к 160-летию журнала «Филологические записки»: сборник статей международной научно-практической конференции. Воронеж, 2021. С. 319–324; Тулунов В. В. Научно-образовательная школа журналистики Воронежского государственного университета // Научно-педагогические школы журналистики в России. СПб., 2021. С. 245–259.

⁵ Тулунов В. В. Это было недавно, это было давно...: автобиографические записки Воронеж, 2021; Пономарев П. А. Автор и диалог. Искусство публицистики в работах профессора Льва Крочичика. Воронеж, 2021.

⁶ <https://www.youtube.com/channel/UCO-Nl1htbQqlg-69WILITig/videos> (дата обращения 20.11.21).

⁷ УМО-регион. Воронеж, 2021. URL: <http://jour.vsu.ru/izdaniya/zhurnaly-izdaniya/> (дата обращения 20.11.21).

⁸ См.: Корпоративные сайты российских организаций в условиях цифровизации коммуникационных каналов развиваются путем трансформации в социальную сеть корпоративного формата. Это повышает результативность внутренних PR-коммуникаций за счет интерактивных форм взаимодействия на межличностном и межгрупповом уровнях между руководством и сотрудниками и между самими сотрудниками. Также возможности соцсетей позволяют усилить работу с лидерами мнений, стимулировать

Вышеприведенное осуществлялось в рамках сформулированной коммуникационной стратегии, предполагающей продвижение бренда журфака ВГУ, повышение узнаваемости и информированности целевых аудиторий.

Основными показателями эффективности можно назвать следующие: рост участников научных, методических и научно-практических конференций и других форматов деловых мероприятий; тематические посты и публикации в СМИ и сетевых пабликах, личных аккаунтах; создание профильных групп, бесед и чатов выпускников в социальных сетях и мессенджерах (формирование комьюнити); совокупный просмотр видео, приуроченных к юбилею, на официальном канале Youtube и сетевых пабликах; полученные телеграммы от коллег из разных вузов.

К началу праздника в деканате скопилось много поздравлений, авторы которых высоко оценили вклад факультета журналистики ВГУ в развитие отечественной печатной и электронной журналистики, рекламы

производственно-ориентированные неформальные коммуникаций в интересах укрепления организационной лояльности (Волкова А. А. Корпоративные медиа как инструмент связей с общественностью в формировании лояльности сотрудников организации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. С. 11.

и связей с общественностью. Это Владимир Соловьев (Союз журналистов России), представители родственных факультетов Елена Варганова (МГУ), Анатолий Пую, Людмила Громова и Сергей Корконосенко (СПбГУ), Владимир Волкоморов, Владимир Олешко, Борис Лозовский (УрФУ), Ярослав Скворцов (МГИМО), Леонид Толчинский (Казанский (Приволжский) федеральный университет), Алла Беспалова (ЮФУ), Алла Калинина (ВолГУ), Анна Сивкова (БФУ), Светлана Ушакова и Александр Короченский (БелГУ), Владимир Силкин и Антон Назаров (Институт госслужбы и управления), Антон Фортунатов (Нижегородский госуниверситет), Степан Берил (Приднестровский ГУ), Евгений Гулянков (Курский госуниверситет), Сергей Худяков и Анатолий Иванов (Тамбовский госуниверситет), Валерий Перевалов (Московский политех), Гульфира Абдуллина (БГУ), ну и, конечно же, ректор ВГУ Дмитрий Ендовицкий, а также глава Воронежа Вадим Кстенин, начальник военно-учебного центра ВГУ Юрий Коренчук, уполномоченный по правам человека в Воронежской области Сергей Канищев, выпускники журфака и многие-многие другие, звонившие в дни праздника. Всем адресантам были отправлены ответные письма со словами благодарности от имени всего коллектива факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Пётр КиричѸк Идейный маркер изящной словесности евразийской ментальности

Аннотация: в статье производится системный историсофский анализ сквозного мегасюжета отечественной художественной литературы — архетипического рефлекса социального противостояния в российской повседневности, ставшего длительным и многовариантным объектом отражения средствами изящной словесности.

Ключевые слова: реальность, словесность, ментальность, почва, рефлекс, противостояние, мегасюжет, рефрен.

Это не рискованная гипербола из области литературной критики, а вполне допустимый исследовательский подход — определить в первом приближении сквозной мегасюжет русской изящной словесности, на роль которого претендует художественная летопись социального противостояния индивидуального, группового, классового свойства. В пределах историсофии его происхождение объясняется существовавшим во все российские времена дефицитом феномена социальной справедливости, входящего в качестве обязательного элемента в структуру русского менталитета. При этом специфика социального противостояния становится целиком зависимой от характера того общества, в каком на данный момент выстраивают собственное бытие российские люди, — при феодализме, капитализме, социализме, в условиях которых формируется и массовое сознание евразийского образца.

Итак, социальное противостояние в российской жизни во всех его фазисах и ракурсах, истоках и продолжениях, причинах и следствиях в креативном переложении на благодатные темы и типологические образы: в сухом остатке это был, есть и, наверное, будет идейный маркер отечественной литературы, или родовой тип её познавательно-преобразовательного отношения к окружающей действительности в наших необъятных палестинах. И творческим контрапунктом этого отношения литературы к действительности стал избрѸтѸнный классическими её представителями метод критического реализма. В самом деле, даже Золотой

век русской литературы XIX века, застолбивший место для страны на верхнем пределе мировой цивилизации, имел главной интенцией в адрес социальной реальности стойкое неприятие крепостничества, этой худшей отрубѸжки феодализма, продлившего в России свой, уже изжитый в Европе, период существования. Как заметил А. В. Караулов: «Судя по многим приметам истории человечества, его звериный оскал в борьбе за место под солнцем никуда не денется: он в природе. Но в природе человечества и всегдашний нравственный противовес этому звериному началу. Он тоже от природы» [1, 7].

В периметре социального противостояния. Рефлекс противостояния как главный творческий раздражитель лежит в сюжетной основе русской литературы и по сей день и час, правда, под окуляром креативного микроскопа оказывается теперь совсем иной исторический мегаперсонаж, с другими, в сущности, социальными антидостоинствами, которые являются противонацеленными неизменным составляющим евразийской ментальности. По утверждению Л. А. Данилкина, в атмосфере страны «главным источником беспокойства стали не угрозы будущего, а настоящее, уже наступившее: неприглядный капитализм. Он стал восприниматься как уже-свершившаяся катастрофа. Капитализм стало невозможно не замечать как некое попутное по отношению к «свободе» явление... Он стал вызовом эпохи, и писатели, сканирующее пространство в поисках подходящего материала, ответили на него, предложив определённого рода героев и определённого рода позицию» [2, 13–14].

Этот монстр индивидуализма, вторично вторгшийся в нашу повседневную действительность, до предела обостряет форму социального противостояния с разделением на сверхбогачей и нищих, однако на его проявления некогда бесстрашная русская литература сейчас реагирует, увы, не убойным, как прежде, неприятием — например, щедринской ядовитой сатирой, тургеневской проникновенной эмпатией, Некрасовской надрывной лирикой, Радищевской неистовой публицистикой. Нет, сегодняшний писательский цех России, беспочвенно лишѸнный при капитализме даже жетона профессии, предпочитает выражать своё недовольство малокалиберными художественными паллиативами: туманным иносказанием, шаблонным мифосочинительством, несбыточной романтизацией, «духлессным» отступничеством, антигламурной экзальтацией, пошловатым Ѹрничеством...

Об авторе: КиричѸк ПѸтр Николаевич, доктор социологических наук, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета, академик Российской академии естествознания, член Союза журналистов России, член Российского культурологического общества.

И как тут не вспомнить, что был в истории России период длиною в семьдесят с лишком лет, который, казалось, в принципе нивелировал источник социального противостояния в стране, поскольку заявлял на весь мир о том, что человек человеку не волк, а друг, товарищ и брат. Речь идёт о социализме, который тоже монстр, но — коллективизма: легально (записью в Трудовом кодексе) он признавал профессию «писатель», а также давал изящной словесности другие образцы людского жизнеустройства, обратные привычным «нормам» социального противостояния. Тем не менее, тогдашняя художественная литература, не страдавшая социально-нравственным дальтонизмом и знавшая мудрую истину «легко сказать да трудно сделать», в характерной для неё манере — симбиозе прямого выражения и прозрачного иносказания — подмечала: людское противостояние, как энергия в физике, нигде не исчезает, оно лишь переходит в другие формы человеческого бытия и об- условленного им сознания.

Эта наследственная почва евразийского свойства неизбежно порождает преемственность ментальной жизненной традиции, которая образует символическую прочность связующих окружающий мир историко-художественных нитей: сомневающегося Кондрата Майданникова из «Поднятой целины» М. А. Шолохова, по всей вероятности, ожидала судьба путаного Захара Дерюгина из «Отречения» П. Л. Проскурина, а мягущего Григория Мелехова из «Тихого Дона» — горькая доля изгойного Ивана Савельева из «Вечного зова» А. С. Иванова. В лучшем случае классовые баталии и их последствия предоставляли миру через призму литературы образ Ивана Дрынова из «Привычного дела» В. И. Белова, рядового человека «без костей», перемолотых жерновами противоборческой жизни. Итог людского противостояния вполне предсказуем — это кризис гуманизма: он, по словам Ю. И. Селезнёва, «с наибольшей определённостью, хоть и по-разному отразившейся в творчестве Шолохова, был (сознательным или бессознательным) отражением объективного развития сознания человечества, и в первую очередь нашего народа, прошедшего через всемирно-исторические катаклизмы XX века» [3, 16–17].

Кризис гуманизма, порождённый «демяновой ухой» крутых переломов, выпавших на долю одного народа, привёл российских граждан, особенно после Октябрьской революции с её великим материальным и духовным переделом, к новой жизни личного и общественного характера. И она наполнилась, по первому впечатлению, героико-романтическим смыслом, который заключался в постоянной борьбе с перманентными врагами — внешними и внутренними, а если выразиться поделикатнее: в вечном противостоянии её сторонников и противников. Эта жизнь, замешанная на тесте с дрожжами людского противоборства, повторилась и в конфликтной сюжетно-композиционном контексте отечественной прозы и поэзии. Отсюда духовно-классовый рефрен изящной словесности звучал на постоянном регистре, хотя и менял тембр сообразно облику врага: беляка с шашкой — кулака с обрезом — фашиста с автоматом...

С первыми, апологетами новой коммуитарной жизни, всё более-менее ясно — это Михаил Кошевой, Фёдор Подтѣлков, Семѣн Давыдов, Андрей Размѣтнов, Тихон Брюханов, Захар Большаков, Поликарп Кружилин, люди, по выражению В. В. Маяковского, «с Лениным в башке и с наганом в руке» [4, 398]. Со вторыми, противленцами новой жизни, ясно наполовину — в войну это тот, кто против нас, а в безвременье — это тот, кто не с нами, что ли? Но как это понимать, ведь основа для разделения на «мы» и «они» весьма зыбкая, даже эфемерная, ибо стояла в первую очередь на разнице личных житейских привязанностей, а потом уже на различии коренных интересов. Опять же непременно сказывалось отличие людских темпераментов. Одни, романтически пленѣнные социальными грѣзами, шли в новую жизнь по желанию, другие — поневоле, но тоже шли. И последние сначала пытались вписаться в новую жизнь в прежнем (старопорядковом) натуральном обличье, без социально-имущественных мутаций и хрипотно-бравурных криков «даѣшь!». Да и полного доверия к новой жизни, по обещанию хорошей, у них не было: мираж светлого будущего, как в пустыне, то возникал, то исчезал.

Тем не менее надежда на адаптацию в условиях коммуитаризма у несогласных с общественным устройством оставалась: в самом деле, если дворянина Александра Пушкина с его стихами новая власть берѣт в новую жизнь, а не сбрасывает с парохода современности, то неужели она не возьмѣт бывшего красноармейца, а ныне «кулака» Тита Бородина из «Поднятой целины» с его хлебом, мясом и молоком, добытым личным трудом в поте лица? Сия надежда содержала в себе столько же наивности, сколько и обречѣнности. Новая власть в лице сурового праведника Макара Нагульнова с личным оружием наготове, конечно, возьмѣт ... не Титка с имуществом, а имущество без Титка, подменив закон жизни революционной целесообразностью, которая отвергает даже намѣк на возможность конвергенции сельского уклада бытия по нравственно-трудовому ранжиру.

В своё время одиночный герой из высокой зарубежной классики, оказавшийся в ситуации локального семейно-монархического противостояния, решал вопрос: «Быть или не быть?» — духовно-нравственный по существу. Множественные герои масштабного постреволюционного противостояния в отечественной литературе решают вопрос: «Жить или не жить?» — биологический по существу. Ставка в этой смертной игре на выживание становилась максимально высокой, и её запредельную цену сполна ощущали как «белые», так и «красные». В боли и муках разламывалась прежняя вполне благополучная жизнь: отец шѣл с шашкой на сына, а брат с винтовкой — на брата. В таких обстоятельствах людское противостояние достигало абсурда, ибо заглушало голос родной крови как последней преграды перед обвалом социальной реальности в бездну человекоубийства.

Крушение человека из подполья. Это самый настоящий пик антигуманизма, чем логично заканчивался любой искусственный передел исторически достигнутого естества, такой характерный для нашей

страны, ведь, по утверждению Н.А. Бердяева, «русская душа — мятежная, ищущая, душа странническая, взыскующая нового Града, никогда не удовлетворяющаяся ничем средним и относительным» [5, 302]. При этом сам год — 1917-й или 1991-й — не имел принципиального значения. Социальной ситуацией командовала метаморфоза: одни граждане внезапно всё теряли, другие за счёт них приобретали. Одних передел мгновенно возвышал, других, наоборот, принижал. Одни волшебнo-сказочным превращением становились господами, а другие — изгоями. Крутой исторический выверт неизбежно порождает социально-политический каннибализм. У того, кто по-доброму не отдавал своё нажитое или не оставлял власть, отнимали решением ревкома или указом президента, подкреплѣнным танковыми залпами по парламенту в центре столицы. Ну, а самого противленца, чтобы не портил ауру новой жизни, отправляли на Соловки или заключали в Матросскую тишину за «гэкачепизм»...

Конечно, это видимая картина случившегося, возникающая на гребне передельного девятого вала. Иное, более драматическое, происходило на самой глубине бытия, под толщей мутно-политической воды. Там возникал напряжѣнно-озлобленный подпольный мир, рождѣнный всесторонним переделом и придавленный новым порядком. Его обитатели, выброшенные на обочину жизни, обретали непривычное для них состояние: они как бы проваливались в социальную невесомость. Материальная плоть, вот она: личное хозяйство с домами, быками, лошадьми, коровами, овцами, плугами, телегами, овинами и амбарами или торговая лавка с лампами, свечами, керосином, спичками, скобяными изделиями. Но близкая агония уже витала в воздухе, ибо «материя» неумолимо ускользала — не сегодня-завтра её заберут в торговую сеть или в колхоз, а владельца отправят на лесоповал...

Выбор у обитателей подпольного мира оказывался небольшой. Нутром раздвоиться и со средой слиться новые изгои в принципе не могли. Их ночные «советы в Филях» — наступать на власть или отступать перед ней — не шли, как у Фрола Рваного, дальше зубовного скрежета или одиночных выстрелов в партийцев, как у его сына Тимофея. Но малая часть прежнего уклада всё-таки сумела мимикрировать под новый социальный строй. Одни это сделали от безысходности, другие — с тайным умыслом. Штатский Яков Островнов у М.А. Шолохова и военный Константин Жуков (ставший Устином Морозовым) у А.С. Иванова представляли саднящие осколки старого мира, застрявшие в молодом организме утопически-чистой жизни, отторгавшей инородные тела не «своих» людей. Эти «осколки» другим людям наносили раны, но и сами по себе они являлись ранами, которым отказывали в социальном лекарстве. Одни осколки выходили быстро, как шолоховские офицеры Половцев и Лятевский, желавшие ударом пашки срубить голову гидре социального передела. Другие, как ивановский Жуков, сидели подолгу в тени и даже делали карьеру в колхозной иерархии.

Но в любом случае человек из подполья обрекался на раннее или позднее поражение, ведь он подвергался тяжкому испытанию — раздвоенной жизни: на улице —

радостно-коммунальной, как у всех, а на подворье — жѣлчно-индивидуальной, не как у всех. В результате он оказывался в плену духовной невесомости в судорожной попытке обрести материальную плоть с помощью морального притворства в неуверенной претензии на социальную устойчивость. Хотя временами он это делал не без успеха, когда отдельный момент мимикрии антигероя временно совпадал с общим движением социального бытия, подобно Луне, иногда уходившей в тень Земли: один «подпольщик» в колхозе становился завхозом, другой — бригадиром. А прежний владелец торговой лавки нередко переходил в ипостась мелкого совбюровского служащего (чиновника).

И, казалось, всё теперь было в порядке: цвет изменѣнной кожи антигероя полностью совпадал с колером окружающей среды. Но — нет: подпольная душа командовала брэнной оболочке, фаза совпадения проходила, тут и случался разрыв с уставом новой жизни. Завхоз песку в морозный день на лёжку коровам подсыпал, бригадир запасные стога соломы в бескормицу скрыл. Раз душа хотела, то и руки делали: за себя — но против среды, или за среду — но против себя. Коммунитарная среда, между прочим, была не только враждебной, но и доверчивой: явным врагам она кости перемальвала, а тайным... она их просто не распознавала. Бедная, но требующая достатка среда принимала в свои ряды состоятельного социального инородца за жертвенный выкуп — взнос в колхоз или госфонд. Раз не пожалел для общества свою скотину и инвентарь для колхоза или добровольно сдал сбережения и ценности государству, значит, уже перевоспитался, так что нет нужды отправлять его по этапу. И вообще он — культурный хозяин, без него колхоз многое бы потерял. Расплата, нередко смертельная, для носителей новой жизни обычно становилась неизбежной, как для шолоховских героев Давыдова и Нагульнова.

В замкнутом круге социального передела. Социальный передел, порождающий подпольный антимир, даёт ему возможность жить по своим законам, где даже голос родной крови мало что значит. Тот же шолоховский Островнов, глазом не моргнув, приговорил к мучительной смерти родную мать, не давши ей ни кусочка хлеба, ни капельки воды из боязни, что она ненароком проговорится о двойной жизни сына. Да и ивановский Жуков родного сына собственноручно застрелил в фашистском застенке. Казалось, это был последний перекал общего русла основной традиции русской жизни и её зеркала — художественной литературы, связанного с противостоянием «врагу» новой жизни. Беляка с пашкой в Стамбул выгнали, кулака с обрезом в Сибирь сослали, фашиста с автоматом в его логове в Берлине прикончили.

Ну, а дальше — деятельный тупик: без борьбы жизнь кажется неполноценной, а бороться теперь вроде бы не с кем. Делать же это с самим собой, чтобы стать лучше как личность, совсем не по-русски, о чём давно сказал В.В. Розанов: «Мы не должны этому удивляться: ведь бороться с собою — это так чудно нам, так непонятно в себе» [6, 194]. Значит, нужен новый тур междоусобицы, только с тебе подобными, в надежде на новый передел жизненного устройства, с возможным попаданием на бо-

лее высокий социальный этаж. И врага придумали своего, доморощенного: в 80-е им стал совпартократ с красным билетом, идейные братья которого на две трети полегли в смертельной схватке с коричневой чумой, а в 90-е — чиновник-бюрократ и олигарх-иждивенец, оба с набитой оффшорной мошной...

Какой-то вечно замкнутый круг получается. Может, он обуславливается тем, что Россию населяет неповторимый в мире народ — бинарно-ментальный, в котором в равных долях сочетаются европейское и азиатское начала. Когда россиянин, повёрнутый лицом на север, территориально находится слева от Урала, то он — евразиец, а если справа от хребта, то он — азиоп. И, вероятно, эта внутренняя борьба двух различных био-социо-психогенезов в народе имеет вектор бесконечности. Как в той не столь давней песне про революцию, у которой есть начало, но нет конца. Наступает одна эпоха — в общественных настроениях начинается доминировать европейское начало, и наших людей тянет в индивидуализм как жизненный принцип с его рыночным маркером, а приходит другая эпоха — в массовом сознании начинает побеждать азиатское начало, и россияне предпочитают коммунизм как приемлемый для большинства населения модус жизнеустройства.

Подобным образом и качается в российских пределах этот символический маятник, который то и дело ускоряется сменяющими друг друга властными элитами из одной крайности в другую крайность уже два с лишним тысячелетия. Ну, а если прибавить сюда невиданную в мире по масштабам территорию (от холодных льдов до горячих песков), да невиданную в природе разность земель (от дремучих лесов до топких болот), да ещё невиданную в климате полярность летне-зимних температур (от плюс 50 до минус 50), то нетрудно понять, почему в нашей стране возможность спокойной жизни постоянно подвергается крутым испытаниям, а именно: спорадически возникающему как у массы, так и у элиты стремлению к социально-политическому переделу во все времена, начиная с Киевской Руси и кончая Российской Федерацией.

В очередной раз большой передел в России произошёл в конце XX века, в ходе которого итоги революции 17-го сменила на противоположный знак так называемая революция 91-го. Многие перемены общественного характера в политике, экономике, культуре, которые случились в стране за короткий по историческим меркам срок, по истечении пяти-шести последующих лет вызвали у большинства населения стойкое разочарование: что имеем — не храним, потерявши — плачем. Ко всему прочему, в случившемся системном кризисе тоже проявилась закономерность, о которой раньше социологи и политологи скромно умалчивали: по словам Т. В. Воеводиной, «бывают и реакционные революции. Все революции в бывших советских республиках и странах соцлагеря были реакционные. Страны среднеразвитые, со своей промышленностью, наукой и образованным народом, стали в результате революций полуколониями» [7].

Действительно, поддавшись европоцентристскому соблазну и поверив либеральным мифам, большинство

россиян в те августовские дни 91-го поменяли прежний жизненный уклад с большим числом социальных плюсов и малым числом минусов, где принцип социальной справедливости воплощался в повседневной практике, на обратный вариант уклада — с большим числом минусов и малым числом плюсов, где этот принцип посчитали «совковым» пережитком. Суть перемен в минус осознали даже видные апологеты нового социального передела в либеральном варианте, а у некоторых из них, писателей и поэтов, хватило честности и мужества признать этот негативный итог — в частности, завсегда́тай либеральных митингов Е. А. Евтушенко высказал в более поздних стихах горькие слова: «Лишь бесчестье богатства / да глупая честная нищета. / Страшный выбор — безденежье или безродниѣ. / Где Россия? Прикончена бывшая. Новая не начала» [8, 481].

В дне настоящем расхождение вертикали (элиты и её интересов) с горизонталью (массой и её потребностями) во всех измерениях — политическом, экономическом, культурном — оказалось просто кричащим по сравнению с днём вчерашним. И самые большие потери страна понесла в духовной отрасли социального воспроизводства, поскольку в общественных настроениях стал господствовать дух материального потребительства. За прошедшие тридцать лет Россия утратила статус духовно-практического полюса мира, который в значительной степени обеспечивала перво-классная художественная литература, востребованная в больших тиражах многочисленной читательской аудиторией. Сейчас всё поменялось с точностью до наоборот: по словам С. И. Чупринина, «Россия на рубеже XX–XXI веков перестала быть самой читающей в мире страной, потеряла традиционный статус Империи Слова» [9, 10].

***

Парадокс, но сама активно поучаствовавшая в социальном переделе 90-х отечественная литература ничего для себя не выиграла, а наоборот, очень сильно проиграла — в части авторитета, попечительства, тиражей, гонораров. А в качестве содержания и формы она свалилась в такой коллапс, чей уровень убийственно характеризовал резонный вопрос Л. А. Аннинского: «Куда делась серьёзная художественная литература? Где “суровая проза”, где поэзия, претендовавшая на нетленность, где критика, надеявшаяся, что она формирует литературный процесс?» [10, 458]. Больше того, наша литература оказалась у последней черты с явным риском скатиться с эверестовой вершины русской мировой классики к выгребной яме наспех скроенных опусов: «Москва — Петушки» В. Ерофеева, «Голубого сала» В. Сорокина, «ЖД» Д. Быкова, «Empire V» В. Пелевина, «Негатив. Портрет художника в траурной рамке» Л. Тимофеева, «Двадцатая рапсодия Листа» В. Данилина, «Москва-ква-ква» В. Аксёнова, шокировавших общественный вкус вульгарными, расхристанными, мелкотравчатými идеями, сюжетами, образами.

Правда, социально-эстетический иммунитет отечественной изящной словесности оказался настолько высоким, что полного грехопадения в литературе всё-

таки не случилось. Ситуацию удержал классический противовес мысли и слова, заложенный уже в постсоветских произведениях «Пирамида» Л. М. Леонова, «Тайный советник вождя» В. Д. Успенского, «Непротивление» Ю. В. Бондарева, «Росс непобедимый» В. Н. Ганичева, «Мираж» Г. В. Пряжина, «Мой генерал» А. А. Лиханова, «Учебник рисования» М. К. Кантора, «Последний солдат империи», «Красно-коричневый», «Политолог», «ЦДЛ» А. А. Проханова: «Русский народ — божий народ. Через него в мир свет приходит. Он на себя все скверны мира берѣт и тьму претворяет в свет. Поэтому его мир ненавидит, что он укоризна миру. Русские — люди неба. Соединяют небо и землю. Через русских небо нисходит на землю и на земле торжествует» [11, 16].

Тем не менее риск тотального обрушения изящной словесности в сюжетно-тематическую «неклассику» с низкопробной лексикой, семантикой, стилистикой всё же остаѣтся, ведь длительная атака извне и изнутри на феномен русской духовности, или евразийской ментальности, со стороны примитивного по содержанию и форме масскультурного модернизма не прекращается. Как воздух, требуется теперь реверс русской литературы к исконным нравственным истокам, мобилизующим слово писателя на защиту простого человека с укоренением в повседневной жизни принципа социальной справедливости. Это может если не устранить рефлекс противостояния, то хотя бы смягчить в наших людях инерцию устройства общественных переделов.

Литература

1. Караулов А. В. Русский ад. В 2 книгах / А. В. Караулов. — М.: Аргументы недели, 2018. — Кн. 1.
2. Данилкин Л. А. Круговые объезды по кишкам нищего: Вся русская литература литература 2006 года в одном путеводителе / Л. А. Данилкин. — СПб.: Амфора, 2007.
3. Селезнѣв Ю. И. Мысль чувствующая и живая: Литературно-критические статьи / Ю. И. Селезнѣв. — М.: Современник, 1982.
4. Маяковский В. В. Хорошо / В. В. Маяковский / Собр. соч. В 12 т. — М.: Изд-во «Правда», 1978. — Т. 4. — С. 358–435.
5. Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения / Н. А. Бердяев. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
6. Розанов В. В. Уединенное: Сочинения / В. В. Розанов. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1998.
7. Воеводина Т. В. На воеводстве! / Т. В. Воеводина // Завтра. — 2016. — Август, № 33 (1185).
8. Евтушенко Е. А. Где дорога домой? Стихотворения. Поэмы / Е. А. Евтушенко. — М.: Астрель; Олимп; АСТ, 2000. — С. 480–482.
9. Чупринин С. И. Русская литература сегодня. Путеводитель / С. И. Чупринин. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
10. Аннинский Л. А. Какая Россия мне нужна / Л. А. Аннинский. — М.: Эксмо; Алгоритм, 2004.
11. Проханов А. А. ЦДЛ; Оплавленный янтарь: роман, стихи / А. А. Проханов. — М.: Вече; Наше завтра, 2021.

Сако Бекай, Виктор Хорольский Влияние религиозных конфликтов на современные СМИ Западной Африки

(политологический взгляд)

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции развития современной системы СМИ Западной Африки, особенно Республики Мали. Авторами анализируется медиаландшафт

Мали в связи с возрастанием влияния радикального ислама. Влияние французских СМИ по-прежнему является очень серьезным, хотя конкуренцию им оказывают RT France и панафриканский спутниковый франкоязычный канал Africa 24. Сделаны выводы о путях уменьшения влияния радикальных сил на СМИ, о специфике освещения политических событий, определяющих эволюцию национальных медиасистем и о путях развития СМИ Мали в конфликтном пространстве неустойчивого развития, что представляется достаточно новым в науке о мировой журналистике.

Ключевые слова: СМИ Западной Африки, медиасистема Мали, политические конфликты, ислам, туареги, цензура.

Введение. Западная Африка в наше время является зоной подавляющего влияния ислама. Но много лет назад христианство было в этом важном геополитическом регионе если и не доминирующим фактором влияния на культуру, экономику и политические отношения в особенности, то по крайней мере оно долгие годы оставалось для европейцев надежным инструментом колонизации [1, 52]. Этот очевидный факт важен для понимания истории африканских массмедиа. Миссионеры-католики стали первыми просветителями, они же привезли в Африку печатные станки и стали основоположниками местной печати. Есть в религиозной жизни Черного континента много противоречий, которые релевантны при обсуждении таких проблем, как цензура и самоцензура журналистов, государство и Церковь в пространстве медиакультуры, религия и трайбализм (трибализм) в связи с эволюцией языка

Об авторе: Сако Бекай, аспирант-соискатель журналистики, БелГУ; Хорольский Виктор Васильевич, д. ф. н., проф. каф. журналистики и литературы ВГУ.

СМИ и др. [3, 103–104; 4; 5, 429–434]. Католическая доминанта в духовной жизни колонизаторов ущемляла интересы местных религиозных культов, ограничивала в правах сторонников многобожия и язычества, оскорбляла чувства адептов шаманизма и стихийного атеизма. После завоевания независимости, в частности, как справедливо считают исследователи А. Малаховский, Ш. К. Сангаре и другие [6; 7, 344; 8, 34], после ухода французов, страны Западной Африки (Нигерия, Чад, Нигер, Буркина-Фасо, Мали, Сенегал и др.) обратились к авторитету арабо-мусульманской культуры, изучение воздействия которой на СМИ, особенно на культурологические медийные тексты (МТ), авторы данного исследования уже освещали [9; 10].

Цель данной статьи: обозначить и проанализировать конфликтные социальные ситуации, вовлекающие в свое магнитное поле массы верующих, уделив особое внимание бытованию журналистики в условиях Шариата. Особое место в обсуждении заявленной темы принадлежит СМИ Республики Мали. Эта страна добилась в начале этого века значительных успехов в продвижении новых медиа, но военные перевороты затормозили динамику эволюции СМИ. Военные конфликты с участием «джихадистов» [11; 12], изменили ситуацию и в медийной культуре общества. Политологический анализ журналистских дискурсов, как показывают российские ученые [13; 14, 79–87], актуален именно в аспекте анализа категории «событийность», в контексте «близких», непосредственных событий, породивших сегодняшний кризис, с одной стороны, но также и в удаленном контексте ретроспективного анализа значимых исторических событий, создающих долговременную культурную ауру и «реверберацию» МТ, что выводит интерпретацию на уровень более концептуальных обобщений, с другой. Естественно, необходимо рассматривать политические МТ в зоне междисциплинарной и пограничной, с учетом достижений социологов, политологов, культурологов и т. п.

В Западной Африке традиционно мусульманская религия воспринимается в буквальном смысле слова как «послушание» (покорность), о чем говорит и Шариат, что не нравится многим в Африке. Племена туарегов, например, приняв ислам, во многом трактуют его по-своему. Кровавое восстание туарегов 2012–2013 гг. в Азаваде (район на севере Мали) и усиление влияния

в регионе «Исламского государства в Центральной Африке», это отделение террористического псевдогосударства ИГИЛ (запрещено в РФ. — В. Х, Б. С.), по-новому заставили взглянуть на проблему свободы слова. Последовало ужесточение государственной цензуры, посыпались штрафы и другие наказания. Но никого не отравили и не повесили. Сейчас регионы Сахеля и Западной Африки являются примером наиболее успешных боевых действий ячеек ИГ в мировом масштабе. Поэтому власти вовлечённых стран, абсолютно не заинтересованные в активности на своей территории разномастных боевиков, стремятся выстраивать соответствующую стратегию борьбы с экстремизмом. Для африканских государств южнее Сахары в прошлые века, а во многом и сегодня, характерна слабая индустриализация, неразвитая инфраструктура, натуральное сельское хозяйство, традиционное скотоводство, бартерная торговля. В наше время сохраняется политическая нестабильность, которая способствует тому, что население живет в нищете, низкий уровень жизни отражается в высокой смертности, неграмотности и в недостатках систем здравоохранения и образования.

Север и Юг планеты веками были на разных полюсах развития как в экономике, так и в культурно-информационном поле. Дигитальный разрыв пока не преодолен, но Северу планеты выгодно расширение рынка, где легко продать инфотовар. Мировое сообщество признало, что необходимо работать над уравниванием и двусторонним характером направленности международных потоков в коммуникационной области, особенно в менее развитых странах, а также следить за соблюдением прав каждого народа на утверждение своей культурной самости в рамках сбалансированного коммуникационного потока как в рамках страны, так и глобально. Начало этих дискуссий во многом послужило определяющим фактором в вопросе возникновения и утверждения концепции нового международного информационного порядка, которая может быть описана как стремление к трансформации информационных отношений международного характера в рамках нацеленности на создание гарантий для развивающихся стран, касающихся интеграции в глобальное информационное сообщество на равных основаниях.

Медиасистема Мали как пример противоречивого прогресса медийной культуры в Западной Африке. Мали остается, как зафиксировано в документах, «светским мусульманским государством», где около 90% населения составляют мусульмане суннитского толка (впрочем, развитие ислама исторически тесно переплелось с традиционными языческими верованиями и шаманизмом и впитало некоторых их особенностей), среди оставшихся 10% граждан в основном христиане (католики и протестанты) и сторонники традиционных верований, примерно поровну [15]. Усугубление неравномерности распределения потоков информации как издержки и следствие информационной глобализации XXI века сочетается с более активной, чем когда бы то ни было, коммуникацией между отдельными странами разной степени развитости, продуктами культуры и материалами, оказывающими

бесспорное развитие на дискурс этих стран. Некоторые исследователи, касаясь этой проблемы, настаивают на применении термина «неоколониализм», прочие более осторожны.

С одной стороны, ведущие французские международные массмедиа по-прежнему являются в Мали самыми влиятельными (прежде всего, France 24, TV 5 Afrique, RFI), с другой — национальные СМИ делают всё, чтобы хотя в местной и региональной повестке перехватить инициативу. Повышается качество местной журналистской продукции, в основном за счёт кадров, подготовленных в России, Франции, Китае, а также бывших работников французских медиа. Вносят свой вклад в демократизацию местного медиапространства и блогеры. Это отражает общую тенденцию panaфриканизма и стремления к большей национальной независимости в Западной Африке. В стране издается множество газет, журналов, радиостанций и каналов, наблюдается активность блогеров в медиапространстве, международном и местном — все это на данный момент республика Мали в ее развитии. Среди тенденций можно отметить как позитивные факторы, отражающиеся в том числе в статистических данных по улучшению обстановки в регионе, так и сложности, без которых невозможно развитие страны, однако, несмотря на наличие проблемных точек, влияния Запада, в котором в определенной мере можно отметить черты неоколониализма, оно уравнивается процессами демократизации общества, идущими изнутри и поддерживаемыми силами стран международного сообщества. История дала Мали сильную национальную идентичность, на которую повлияло наследие великих западноафриканских империй, память о которых бережно хранится в народе, и иерархическое общество, в котором человеческие отношения строго кодифицированы — и в котором используется культура консенсуса, которая служит эффективным элементом инерционного регулирования. Политические режимы, сменявшие друг друга с момента обретения независимости, мало чем отличались один от другого, поэтому общий вектор авторитарного управления обществом сохранялся, что давало мало возможностей для развития индивидуальных свобод.

Уже в 1992 г. число периодических изданий в стране возросло до шестидесяти, среди которых два издания выходили ежедневно, тринадцать — раз в неделю, и столько же раз в две недели, около двадцати — раз в месяц. Остальные издания выходили раз в квартал, полугодие или были привязаны к определенным событиям. Как показывают результаты исследований ЮНЕСКО, уровень грамотности населения Мали постепенно, но уверенно рос и в 2011–2012 гг. до мятежа туарегов достиг пиковых значений (к которым, судя по статистике, страна не смогла вернуться за следующие пять лет), и этот пик сопровождался ростом количества прессы. К 2018 г. в Мали функционировало более двухсот тридцати газет, но регулярными можно назвать только одну пятую часть. Коммерческие независимые издания в основном выходили еженедельно. Абсолютное большинство печатных изданий выходили (и продолжают выходить) на французском языке.

Среди изданий на местном языке популярны Kibaru и Jèkaabaaga, которые выпускаются на языке бамбара (которым владеют около 90% от всего населения страны в качестве либо первого, либо второго языка) [16, 27]. Сельская газета Kibaru стала одним из результатов реализации программы ЮНЕСКО, помогающим развитию письменности на родных языках народов стран Африки и ликвидации неграмотности. Распространяется газета, как правило, преимущественно в отдаленных районах Мали, содержит комплекс материалов, среди которых история страны, информационные заметки о жизни Мали (иногда в упрощенной форме), водоснабжении, гигиене, а также литературные материалы (рассказы и прочее).

Правозащитники в организации по защите прав в сфере массмедиа (Media Rights Agenda, MRA), сотрудничая с вебсайтом IFEX, разместили в 2020 году следующий материал о положении журналистики в регионе:

Несмотря на ратификацию новых конституций, обеспечивающих, соответственно, соблюдение прав и свобод населения, не все страны смогли органично соблюдать эти права: так, в Гане и Нигерии до недавнего времени сохранялись достаточно жесткие ограничения на производство и распространение информации, возникают ситуационные проблемы — NBC (Национальная комиссия по радиовещанию) в 2006 закрывала одну из частных радиостанций Нигерии за нарушение Кодекса радиовещания страны и требовала выслать достаточно большой штраф. При этом никаких рекомендаций по дальнейшей деятельности радиостанции не дали, и конкретно не указано, как именно были нарушены правила — предполагается, что проблемой стали комментарии гостей ток-шоу радиостанции [17]. Думается, процитированное сообщение актуально и по отношению к СМИ других стран региона, в том числе и для Мали. Нарушения прав журналистов говорят о провале демократизации СМИ и об отсутствии независимого судопроизводства. Усиление ограничительной стратегии в СМИ вызвано в первую очередь неспособностью властей решать экономические проблемы и бороться с коррупцией.

Тематика малийских СМИ последних лет, в основном, отражает внутренние (развитие экономики, образования, медицины, инфраструктуры, внедрение новых сельскохозяйственных методов, борьба с бедностью), схожие региональные (добавляя борьбу с терроризмом, панафриканизм) и международные (отношения с Францией, Россией, Китаем, США) проблемы. Регулярные военные перевороты приводят к ожидаемой приостановке действия некоторых СМИ — на 48–72 часа, но затем они продолжают работать, как раньше, с понятной коррекцией на отношение к свергнутой власти.

К сожалению, политический плюрализм в Мали оказался вторичным по отношению к СМИ. Действия радикальных группировок на севере страны привели к разрушению системы коммуникаций, создав определенного рода информационный вакуум для местного населения, тогда как оставшаяся часть Мали оказалась в заведомо более комфортных для развития СМИ условиях. Как и во многих других странах, столица

Мали однозначно выделяется среди остальных городов страны в информационном плане: число игроков на рынке из иностранных государств растет, и растет инфраструктура города. Сменяется и вектор развития СМИ: первые десятилетия после 90-х годов рост средств массовой информации обеспечивали в основном местные предприниматели и политические активисты, в последние же годы значительную роль играют религиозные деятели, активность которых подпитывается такими странами, как Иран, Катар или Саудовская Аравия, в результате создаются религиозные каналы. Кроме уже упомянутых в стране с 2015 года было создано около 30 каналов, из которых около десяти — религиозные, и чуть меньше принадлежат политикам. Примерно то же число каналов на территории республики действует без лицензии правительства. Фактически только Africable и Liberté получили лицензию на деятельность официально. Не в последнюю очередь причина этого — слабый уровень законодательного регулирования деятельности телевизионных компаний. Доля неопределенности в плане регулирования эфирного времени привела к созданию каналов в хаотичном порядке. Контроль за каналами СМИ, особенно имеющими первостепенное значение в области влияния на население в условиях гражданской нестабильности, критически важен, а выработка четких правил и регламента должна создать систему, которая будет функционировать с большей упорядоченностью и позволит телевидению развиваться в легитимном пространстве.

Среди наиболее популярных радиостанций на данный момент станции ORTM, Mikado FM (радио миссии ООН в Мали), Radio Bamakan, Radio Liberté, Radio Kledu, Radio Kayira (последние три — частные коммерческие) и сеть станций Radio Rulare. Упомянутые выше станции — в основном столичные, однако общинные радиостанции тоже пользуются популярностью. ORTM как государственная станция старается охватывать всю страну. С момента, когда Мали перешла в XXI век, количество радиостанций в стране увеличилось по меньшей мере в три раза (учитывая и любительские радиостанции — много больше). Но несмотря на наличие явных успехов в техническом развитии радиовещания, нельзя сказать, что как часть СМИ радиовещание свободно от их проблем. Восстание 2012 года серьезно пошатнуло позиции радио, долгое время оставшегося, как и другие каналы СМИ, в руках мятежников, и спустя семь лет последствия этих событий отражаются на работе станций и восприятии информации населением. Разумеется, военный переворот 2012 года не мог не повлечь за собой изменений. Но усилия государства по стабилизации положения коснулись в том числе и вопросов регулирования сферы телевидения и СМИ в целом. С этой целью в 2014 году был создан *la Haute Autorité de la communication*, НАС, высший орган коммуникаций.

Сфера коммуникации и информации Мали, на данном этапе развития общества, может быть охарактеризована как развивающаяся достаточно стабильно, не в последнюю очередь благодаря помощи Запада. Внедрение ИКТ позволяет увеличить скорость реак-

рования СМИ и уровень их мобильности, что не может в результате не влиять на процессы, происходящие в обществе и системе СМИ в связи с производством информации, ее распространением и оценкой.

ТВ и Интернет в Мали: особенности и перспективы развития в свете возрастания роли ислама. Особенностью телевизионной сети стран Западной Африки является наличие панафриканских религиозных каналов, таких как «Суна» (*Sunna*) и «Шерифля ТВ» (*Cherifla TV*). Недавно появились новые частные каналы. Среди них «Энержи ТВ» (*Energie TV*), «Оронья ТВ» (*Horonya TV*), «Оризон ТВ» (*Horizon TV*), «Ренуво ТВ» (*Renouveau TV*), «Либерте ТВ» (*Liberté TV*). Но они еще не получили широкого распространения. Однако сам факт их появления важен. Появление и становление интернет-коммуникаций стало поворотом к новой эпохе в истории мировой культуры, в том числе и медиакультуры. На 2020 год в стране насчитывалось только 12% граждан, которые активно использовали Интернет. Однако стоит иметь в виду, что в начале века цифра была в 4 раза меньше. Естественно, не стоит преуменьшать усилия Африканского телекоммуникационного союза и его реформ, роль общинных проектов развития, которые с 2000 года способствуют увеличению числа мобильных телефонов и персональных компьютеров. Например, в 2012 г. насчитывалось 112 000 линий фиксированной телефонной связи, в 2020 г. их стало более 120 тысяч. Ведущие операторы мобильной связи (Ikatel, дочернее предприятие сенегальского концерна-монополиста Sonatel) и конкурирующая на рынке с монополистом Malitel (дочерняя компания государственной компании SOTELMA) при всей рыночной конъюнктуре сотрудничают с частными фирмами, в частности они соотносят свои проекты с электронными СМИ, скажем, с системой микроволновых радиорелейных станций, что расширяет и укрепляет медийное поле региона, меняя функции традиционного радио. Всё активнее используются интернет-ресурсы в работе спутниковых телестанций, где влияние глобализации и международного сотрудничества особо ощутимо: пример тому — деятельность канала 2 Intelsat, отражающая сотрудничество стран Западной Африки и их участие в «Глобальном альянсе ООН для ИКТ». Информационное Малийское агентство печати и рекламы АМАПП (Agence malienne de presse et de publicite, AMAPP), опираясь на Панафриканское информационное агентство (ПАНА), удвоило капитализацию. Сложно представить себе охват информационными технологиями и доступностью СМИ в масштабах планеты, и порой на основе «повсеместного» распространения кажется, что эра глобального всемирного доступа в сеть уже наступила, однако фактически глобальное покрытие составляет лишь чуть больше половины: 53% на 2018 год, а покрытие Африки отстает в среднем от Европы на 40% [18]. И хотя освещение усилий таких организаций в СМИ достаточно оптимистично, а сами СМИ активно предоставляют возможности для развития гражданского самосознания, иногда этого недостаточно для устойчивого и быстрого роста в сложившихся условиях.

Система СМИ Западной Африки, несмотря на активное развитие еще с середины XX века, продолжает

страдать от проблем, связанных со слабым развитием законодательства в части регулирования прав собственности и частного бизнеса, низким уровнем достатка граждан, недостатком образованности у специалистов, в том числе журналистов. Тем не менее рост числа пользователей в западноафриканских странах дает основания для осторожного оптимизма, особенно в Бенине и в Мали. Доля Интернета в валовом внутреннем продукте (ВВП) африканских стран составляет 1,1% — при показателе 3,7% в развитых странах. Интернетом пользуются в среднем по континенту лишь 22% населения. Значима проблема вирусов, киберпреступности, мошенничества в Сети. Развитие информационно-коммуникационных технологий меняет медийный ландшафт очень быстро, и система СМИ Мали в данном случае не является исключением. За последние двадцать лет интернет-СМИ, электронные издания очень быстро заняли свою нишу в медиасистеме республики. Большинство опрошенных интернет-пользователей — 60% — являются подписчиками Orange Mali, 32% — у Moov Africain Malitel. Причины выбора оператора — скорость, доступность и стоимость.

Одно из самых популярных во всей стране электронных СМИ — Mali Jet, основанный в 2008 году. Ресурс сосредоточен на рубрикационном освещении жизни страны и мира, актуальных новостях, всем, что может заинтересовать читателей (например, есть рубрика «Гороскопы»). Среди прочих информационных разделов: политический, посвященный выборам, краткие новости («одной строкой»), факты, новости международного порядка, общественные новости, экономические события, спортивные новости, региональные новости (подраздел — кризис на Севере — встречается почти на всех ресурсах, как полностью самостоятельных, так и версиях печатных изданий). Также на сайте размещены разного рода информационные виджеты (погодные, новостные) и есть возможность прослушивания онлайн-радиостанций, рекламируются курсы компьютерной грамотности, и появилась возможность обсуждений в комментариях, сортирующихся «по принципу плебисцита». Довольно знаменит более старый интернет-ресурс Maliweb (был создан в 2002 году), также размещающий как оригинальный контент, так и (большей частью) материалы из местной прессы и международных изданий со ссылками на источники. Как и предыдущий ресурс, maliweb позволяет прослушивать радиостанции онлайн и делит имеющиеся материалы на рубрики схожим образом: политика, север, экономика, спорт, здоровье, видео, радио, мир, факты. В разделе видео можно увидеть материалы основных телеканалов. Схож по структуре и содержанию с приведенными выше ресурсами MaliActu, основанный Séga Diarra, хотя и у него есть свои особенности: раздел «Актуальное» включает в себя список кратких новостей, новостей по стране и новостей международного порядка, есть раздел «репортажи», куда входят записи с ORTM и TM2, «радио», «общество», «политика» и проч. Ресурс сотрудничает с Presse Chine Nouvelle Xinhua и Agence France-Presse, довольно регулярно из-за репортажей, которые публикуются на сайте, он оказывается под

давлением, так, в 2013 г., по свидетельствам, вынужден был по приказу военных властей убрать часть статей. Набирает популярность Интернет-газета Malizine, запущенная в 2016 г. молодым журналистом Иссиакой Тамбурой (основателем еженедельника Le Soft и бывшим корреспондентом maliweb). Спустя два года после своего создания Malizine (www.malizine.com), регулярно модернизируется, его аудитория постоянно растёт: в 2019 г. его присутствие в социальных сетях было отмечено почти 500000 подписчиками только на Facebook. В 2018 г. сайт занял четвертое место в национальном рейтинге после maliweb, Malijet и MaliActu.

Недавние военные перевороты и сложный путь формирования плюрализма в СМИ, а также консолидация с силами других стран Африки и международного сообщества в попытках урегулировать межплеменные конфликты, которые долгие годы препятствуют развитию Африки, мешают распространению сетевых коммуникаций. Развитие новейших дигитальных технологий помогает журналистам преодолевать информационные барьеры, но для функционирования Интернета необходима сложная инфраструктура. Сегодня не всякая газета в Мали имеет свою онлайн-версию. Наиболее активно используют Интернет такие крупные газеты, как «Le Républicain», «L'Essor», «L'Indépendant», на языке бамбара издается интернет-версия универсальной газеты «Жамана». Новостной канал Le Journal du Mali, функционирующий на базе одноименной газеты, владельцем которой является корпорация Dangassa Médias SARL, владеющая также сайтом Journal du Faso, считается наиболее успешным в финансовом плане. В регионе много французских, а также малийских интернет-ресурсов («notrenation.com», «journalumali.com», «maliweb.net» и др.), которые активно влияют на ход выборов. Интересный материал поместили журналисты малийского портала Maluactu-Maliweb в сентябре 2021 года, посвященный присутствию солдат российской частной компании «ЧВК Вагнера». В статье Усмана Тангаре, озаглавленной «Наемники в Мали: Россия вступает в игру, Франция вступает в игру компании КУЛУБА.СОМ» читаем:

По сообщениям некоторых международных СМИ, Мали готовится передать свою безопасность на аутсорсинг частной российской компании, группе Вагнера. Отказ от помощи первых союзников в борьбе с терроризмом (т.е. французов.— С. Б.; В. Х.), это признание беспомощности правящих военных, которые, таким образом, вели переговоры о национальной обороне с неизвестными иностранными силами, что стало настоящим прыжком в неизвестность. По мнению ряда аналитиков, такая ситуация была бы «серьезным» унижением для Франции и, следовательно, для других ее союзников в Мали, особенно для Европейского Союза, который занимается обучением малийских военных, или для Соединенных Штатов Америки (материально-техническая поддержка) [19]. Как видим, автор занимает достаточно объективную позицию репортера, сообщаящего горячую новость. В то же время чувствуется ирония автора, осуждающего временного президента полковника Ассими Гоита, не способного сохранить стабильность в стране. Развивая свою

мысль о нежелательности присутствия русских «солдат удачи» в Мали, Усман Тангаре пишет о конфликте интересов Франции и РФ в Африке, подчеркивая «чуждость» интересов чужеземцев для малийцев вообще. В газете «Le Figaro» осенью 2021 года появилась статья «Mali: la France menace de partir si Bamako a recours aux mercenaires russes» («Франция угрожает прекратить своё присутствие в Мали, если Бамако прибегнет к помощи русских наемников»), отражающая позицию Франции и Европы в целом. Министр вооруженных сил Франции Флоранс Парли и министр иностранных дел Франции Жан-Ив Ле Дриан заявили о нежелательности присутствия в Мали «Группы Вагнера». Ответом стало выступление в ООН в сентябре 2021 года временного премьер-министра Мали, работавшего ранее в министерстве цифровой экономики, лидера «Патриотического движения за обновление» Шогеля Кокалла Майги, который заявил: «Нас предала Франция». Исламисты пользуются всё большим влиянием, имеют свои СМИ и занимаются ежедневной пропагандой законов Шариата. Светское государство не может пока ничего, кроме насильственной смены кабинета, противопоставить радикалам от религии.

Заключение. Африканские СМИ имеют явную религиозную специфику, связанную с постколониальными трудностями независимого развития. Нет должного доступа к информации как таковой. Военные перевороты нарушали Конституцию, но военные власти, вожди мусульманских организаций, как правило, не трогали частные СМИ, не преследовали журналистику как структуру и на словах защищали культуру информирования. Парадокс заключается в том, что в развитии СМИ Мали, даже после восстаний и переворотов, быстро происходит восстановление относительной, «контролируемой» свободы слова и плюрализма мнений. Страны Африки и республика Мали признают важность развития сектора ИКТ, не игнорируя факты отставания в развитии сетевых СМИ. Правительства Африки прилагают усилия к финансированию дигитального отставания: развивается электронное присутствие издателей газет в сети, увеличивается количество площадок для обсуждения насущных вопросов в сети, популярны Ю-тьюб, мессенджеры, социальные сети. Участие Мали в программе ООН «Соединим Африку» дает шанс увеличить количество пользователей сетевым контентом. Перспективы превращения Западной Африки в анклав радикальных исламистов есть, но европейские политики внимательно следят за ситуацией. Присутствие китайских специалистов в странах региона тоже не обещает исламистам и «джихадистам» легких побед. Но и игнорировать амбивалентные процессы в Африке, порожденные этно-конфессиональными конфликтами, историкам журналистики нельзя: выпрямление методологической линии чревато потерей специфики научного предмета.

Белгород — Воронеж

Литература

1. Media in West Africa: a thematic report based on data 1900-2012 // Richard Asante, Maavi Norman, Eitan Tzelgov, and

- Staffan I. Lindberg. V-Dem Thematic Report Series, No. 1, October 2013. URL: https://www.v-dem.net/media/filer_public/ba/69/ba693eb2-e80b-499b-8be1-3af5d90671d3/tr001__media_in_w_africa_v5.pdf (Дата обращения: 23.07.2021).
2. Косухин Н. Д. Политология развития африканских стран / Н. Д. Косухин. — Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2009. — 341 с.
  3. Кейта Кали. Влияние ислама на политику и СМИ в республике Мали/ Кали Кейта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 4, с. 103–106.
  4. Повстанцы на севере Мали возобновляют переговоры с правительством// URL: <https://ria.ru/20131006/968027110.html> (Дата обращения: 01.05.2021).
  5. Сако Бекай. Воздействие политических конфликтов на развитие медиасистемы Мали в условиях «контролируемой демократии» (2013–2021 годы) // Мир науки, культуры, образования. 2021, № 4 (89). — С. 429–434.
  6. Сако Бекай, Малаховский А. К. Особенности функционирования прессы Мали третьей республики // Медиапространство многополярного мира. Сборник научных статей. Москва: РУДН, 2017. 599 с.
  7. Сангаре Ш. К. СМИ Мали: структура, общественная значимость и тенденции развития // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. С. 34–47. URL: <http://www.mediascope.ru/2201> (Дата обращения: 02.06.2019).
  8. Сангаре Ш. К. Развитие законодательства о СМИ в Мали как фактор демократического развития в период третьей республики // Сборник статей международной научно-практической конференции: В трех томах. И. В. Вегера (отв. редактор). Новополюцк: Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», 2016. — С. 93.
  9. Хорольский В. В. (2013). «Событие» в журналистике и теории массовых коммуникаций: сходство и различия в подходах // Вестник Новосибирского гос. Университета. Сер 10. Журналистика. Т. 12. — С. 23–30.
  10. Сако Бекай. Воздействие политических конфликтов на развитие медиасистемы Мали в условиях «контролируемой демократии» (2013–2021 годы) // Мир науки, культуры, образования. 2021, № 4 (89). — С. 429–434.
  11. Сафронов Ю. Мали о пощаде. Российские наемники при поддержке МИДа осваивают новый «рынок» в странах Африки. Мало никому не покажется // Новая газета. 29.09.21. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/29/mali-o-poshchade>.
  12. Игнатченко И. Туареги перекраивают карту Африки // Независимое военное обозрение. 2012, 25 мая. — С. 4. Журналистика в мире политики: Исследовательские подходы и практика участия / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко (2004). — СПб.: Изд-во Михайлова В. А. — 448 с.
  13. Хорольский В. В. Медийность текстов в средствах массовой информации (исторические и теоретические проблемы). Монография. Воронеж: 2016, 244 с.
  14. Хорольский В. В. Медийность в текстах СМИ и понятие медийного модуля. Вестник Московского университета, сер. 10. Журналистика, — М.: МГУ, 2013. — № 4. — С. 79–87.
  15. International Religious Freedom Report: Mali. State.gov. Retrieved 4 May 2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2008/108379.htm> (Дата обращения: 15.05.2021).
  16. Le Baromètre des Médias Africains: Première analyse locale du paysage médiatique en Afrique(2012). Mali. Friedrich-Ebert-Stiftung (FES). Windhoek, Namibia. 2012, p.p.28–35.
  17. MRA/IFEX. Regulatory authority lifts restrictions on sanctioned radio station. International freedom of expression exchange (IFEX). URL: <http://www.ifex.org/en/content/view/full73920/> (Дата обращения: 24.07.2021).
  18. International Religious Freedom Report: Mali. State.gov. Retrieved 4 May 2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2008/108379.htm> (Дата обращения: 15.05.2021).
  19. Ousmane Tangara. MERCENAIRES AU MALI: la Russie entre dans le jeu, la France rouspète. URL: <https://maliactu.info/crise-malienne/mercenaires-au-mali-la-russie-entre-dans-le-jeu-la-france-rouspeete>.

Александр Землянский Социальные сети как основной источник инфодемии: особенности медиакоммуникаций и модели противодействия

Аннотация: статья посвящена анализу нового для глобального медиаполя феномена — инфодемии. В частности, автор прослеживает траекторию создания фейк-ньюс — от зарождения до финальной стадии — когда информация, опубликованная в СМИ или социальных медиа, влияет на принятие решений пользователей, например, о вакцинации от коронавируса. Также в статье дан анализ способов и инструментов распространения частично или полностью ложной информации и выявляются причины зарождения инфодемических нарративов. Проведенный анализ показывает, что созданная цифровой средой возможность мгновенно обмениваться информацией с помощью мессенджеров и социальных сетей, с одной стороны, позволяет заполнить дефицит информации, особенно в период острых кризисов, таких как пандемия COVID-19, с другой — порождают неконтролируемый процесс распространения фейковой информации. На фоне остальных соцсетей, в которых и зарождается основной массив фейков, автор выделяет Twitter как самую «плодовитую» площадку для распространения недостоверной информации и приводит факты, подтверждающие эту гипотезу. Для того чтобы противостоять инфодемии, требуются различные медиастратегии. Самые удачные, по мнению автора, анализируются в данной статье.

Ключевые слова: инфодемия, СМИ, пандемия коронавируса, фейк-ньюс, фактчекинг, социальные сети, Twitter.

Введение

Эпоха, в которую мы живем, парадоксальна. Мы имеем неограниченный доступ к информации и обмену ею, но такая свобода и оборачивается негативными последствиями для всего общества. Самый яркий пример — история с COVID-19. Как считает ВОЗ, мы перенасыщены информацией, причем как достоверной, так и ложной, что затрудняет поиск надежных источников [1]. Таким образом, COVID-19 — это не только

пандемия, но и инфодемия, которая только набирает обороты из-за бесконтрольности социальных сетей и неспособности традиционных медиа «переварить» всю информацию о новом заболевании и провести ее тщательный фактчекинг.

Впервые термин «инфодемия» был использован еще в 2003 году журналистом Washington Post Дэвидом Роткопфом [2]. Под ним он понимал искусственно созданные факты с целью манипулирования и вызова страха. Таким образом, инфодемия насчитывает уже десятки лет своего существования, но именно коронавирус масштабировал ее и обеспечил ей такой грандиозный размах.

Конечно, нельзя винить во всем исключительно одни СМИ или социальные сети. Источниками инфодемии также могут являться авторитетные личности и должностные лица. Вспомнить хотя бы бывшего президента США Дональда Трампа, который публично заявил, что принимает для профилактики разных болезней гидроксихлорохин [3]. Это заявление способствовало росту спроса на данное лекарство, несмотря на скудное количество научных подтверждений его эффективности и потенциальный вред, прописанный в инструкции. Причем инцидент с гидроксихлорохином послужил толчком для увеличения количества поисковых запросов на тему «чудесные лекарства от коронавируса». Исследование Корнеллского университета и вовсе установило, что президент Трамп «вероятно, является крупнейшим виновником инфодемии и дезинформации в контексте коронавируса» [4]. Согласно подсчетам, 37,9% дезинформации о пандемии во всем мире вызвано именно его сомнительными высказываниями. Такая «поддержка» дезинформации Трампом и помешала США своевременно отреагировать на вспышку коронавируса и сдержать распространение болезни, поскольку отсутствие достоверной информации препятствует адекватным действиям.

Итак, на данный момент больше всего фейков циркулирует именно в социальных сетях. Происходит это по той простой причине, что в мире не существует их аналогов, способных с той же скоростью публиковать информацию. Согласно исследованию журнала Science [5], в котором было рассмотрено 126 000 новостных сюжетов в период с 2006 по 2017 годы, был сделан вывод о том, что «мистификация» доминирует в информаци-

Об авторе: Землянский Александр Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

онном поле. Люди склонны верить фейк-ньюс, нежели достоверной информации, о чем сами не подозревают.

Нужно заметить, что эта проблема затрагивает все сферы жизни. Подверженные коллективному мнению, люди плохо отличают достоверные источники от недостоверных. Удивительно, но всякого рода «теории заговора» распространяются быстрее и живут в информационном поле дольше, чем проверенная медицинская и научная информация. Так возникает проблема «иллюзорной истины»: чем больше повторений и дублирований одного и того же материала, тем больше мы склонны принять его за правду.

Предпосылки и причины возникновения инфодемии

Проблема дезинформации возникала всегда, когда человечество сталкивалось с пандемиями и эпидемиями — от так называемой Юстиниановой чумы, бушевавшей с середины VI века и хорошо описанной в исторической литературе, до COVID-19. Так, например, вспышка атипичной пневмонии в 2003 году в Китае привела к стигматизации целых групп населения по расовому признаку. Согласно исследованиям, стигматизированные группы реже обращаются за медицинской помощью в силу своих страхов и стереотипов, что также приводит к летальным случаям.

А в 2019 году в Демократической Республике Конго была зафиксирована новая вспышка лихорадки Эбола. Дезинформация о заболевании привела к росту насилия, общественных беспорядков, недоверию к медицинским работникам и даже к нападениям на них. Аналогичные явления можно наблюдать и сегодня, в период пандемии COVID-19. Сейчас эта проблема стоит особенно остро по той причине, что развитию инфодемии способствуют современные информационные технологии и отсутствие рычагов контроля за ними. Сегодня все больше фальшивых новостей переплетаются с реальными фактами, в связи с чем получают огласку как в социальных сетях, так и в традиционных медиа.

Для того чтобы выявить механику инфодемии, группа исследователей из австралийского Университета Аделаиды отобрала поисковые запросы, собранные из базы данных Microsoft Bing. В итоге в выборку вошли 2311 различных сообщений о дезинформации из 87 стран мира на 25 языках, которые были затем разделены на три группы: 89% из них относились к слухам, 7,8% — к теориям заговора и 3,5% — к стигматизации. Также все исследованные сообщения разбивались на тематические категории, а именно: в 24% предметом обсуждения была сама болезнь, в 21% — политика национального правительства в отношении болезни, 19% — лечение и случаи излечения, 15% — летальные исходы. 1% был отнесен к категории насилия, возникшего в результате пандемии, а 20% были обозначены как «разное».

В результате 82% из рассмотренных сообщений всех категорий были расценены экспертами как ложные и лишь 9% признаны достоверными и подтвержденными официально. 8% из них содержали искаженные сведения, вводящие в заблуждение, а 1% проверить не удалось. Больше всего фейковых новостей было

обнаружено в США, Китае, Индии, Бразилии, Испании и Индонезии [6].

Коммуникационная среда претерпела сильные изменения за последние десять лет. Появились новые формы личного общения, например мессенджеры, новые разновидности социальных сетей и т.д. За 2020 год число пользователей смартфонов в мире достигло 3,5 миллиарда, то есть смартфоны имеются у 45% населения. Развитию интернета и альтернативным способам межличностного общения также способствовали карантинные меры в связи с пандемией COVID-19 и социальная дистанция. Так, чтобы компенсировать дефицит общения, люди начали уделять больше времени социальным сетям, в том числе поиску информации, что также способствовало инфодемии. В результате именно инфодемия привела к паническим настроениям в обществе и массовой скупке дезинфицирующих средств и продуктов питания, якобы помогающих не заразиться коронавирусом. Как следствие, это спровоцировало резкий рост журналистских и научных материалов, что, как ни странно, еще больше подстегнуло инфодемию, так как провести фактчекинг огромного потока информации о COVID-19 стало еще сложнее.

Медиаканалы распространения дезинформации

Для понимания дезинформации как явления необходимо провести черту между информацией и знаниями. Так, информация — это набор фактов, а знания — умение интерпретировать их и использовать. По этой причине наличие качественных фактов не гарантирует качественных знаний (то есть их грамотную интерпретацию). Сегодня производить информацию выгоднее и проще, чем трактовать ее, что также объясняет ее количество. Так знание стало более редким, но ценным продуктом.

Также важно различить два вида дезинформации: случайная дезинформация (созданная непредумышленно) и преднамеренная (созданная с определенной целью). Чаще всего встречается случайная дезинформация, и именно с ней специалистам здравоохранения в период пандемии приходится бороться чаще всего.

Случайная дезинформация возникает тогда, когда в мире обнаруживается новое заболевание. Пытаясь изучить его, специалисты проводят различные тесты и исследования, результаты которых могут различаться. В итоге они приходят к выводам, которые тоже разнятся между собой. По мнению исследователей в области фармакологии Арабеллы Симпкин и Рихарда Шварцштейна, подобная неопределенность — характерная и естественная черта медицины [7]. Также в погоне за финансированием исследований специалисты нередко выдают желаемое за действительное, чтобы угодить корпорациям. Это и запустило так называемый «упадок истины» не только в медицине, но и в других науках, как считает американский эпидемиолог Дэвид Майклз [8].

Исследование Университета Реджайны в Канаде утверждает, что лишь 25% людей, распространяющих фейковые новости, знают, что они фейковые. Социальные сети являются их рассадником: так, в 2016 году 10 статей из 20 в Facebook, посвященных раку, опериро-

вали ложными медицинскими утверждениями [9]. Все это вызывает у общества недоверие к медицине и науке, которая на самом деле не является источником подобной информации. Искаженная информация не только подрывает доверие к научному сообществу, принося пользу мошенникам и шарлатанам, но также усиливает нагрузку на систему здравоохранения, которая вынуждена тратить дополнительные ресурсы на борьбу с дезинформацией вместо того, чтобы тратить их на борьбу, например, с коронавирусом.

Итальянский исследователь Маттео Чинелли из Университета Ка'Фоскари исследовал пять платформ, чтобы выявить различия в способах распространения информации [10]. В выборку вошли Twitter, Instagram, YouTube, Reddit и Gab. Было проанализировано свыше 8 миллионов сообщений за 45 дней, с января по февраль 2020 года. 1,35 млн. из них — оригинальные сообщения, а все остальное — комментарии и мнения 3,7 млн. уникальных пользователей. В ходе исследования было обнаружено, что в данных социальных сетях относительно небольшое количество ненадежных источников: Reddit — 5%, YouTube — 7% и Twitter — 11%. Однако на платформе Gab 70% материалов носят сомнительный характер и взяты из неподтвержденных источников. Это было объяснено разницей в подходе к фактчекингу и контролю информации. Так, некоторые платформы (например, YouTube) минимизируют фейковые новости путем удаления контента и блокирования подозрительных каналов. А такие платформы, как Gab, практически не следят за пользовательскими публикациями.

Многие онлайн-платформы пытаются бороться с дезинформацией, проводя фактчекинг публикуемых материалов. Например, некоторые платформы удаляли материалы, посвященные созданию коронавируса в тайных лабораториях (после того как этот слух был опровергнут вирусологом Университета Тулейн Робертом Гарри, заявившим, что вирус — это не биологическое оружие). Конспирологические нарративы становятся «вирусными» и собирают больше всего лайков, комментариев и репостов. Как правило, дублируются подобные новости разными источниками ради повышения охвата и привлечения внимания к каналам, что и приводит к их распространению.

Также нередко источниками дезинформации выступают политики и общественные деятели. Например, президенты США и Бразилии, которые намеренно занижали риск распространения коронавируса в своих заявлениях и оспаривали его опасность. Семьи погибших от COVID-19 в США обвиняли в бездействии именно представителей власти. Спорные заключения и утверждения политиков, как правило, делаются ради краткосрочных побед или сиюминутных политических выгод. Способствуют дезинформации также противоречия между экспертами в области здравоохранения и политизация процесса разработки вакцины.

У невероятных темпов распространения фейковых новостей существует еще одна причина. В контексте COVID-19 это отсутствие эмпирических данных о вирусе и отсутствие налаженной связи между научными сообществами разных стран мира. Как считает директор ЮНЕСКО по вопросам коммуникации

и развития средств массовой информации Гай Бергер, «распространение ложной информации представляет собой угрозу для жизни людей и систем общественного здравоохранения во всем мире» [11].

В свою очередь, американский антрополог Хайди Ларсон подтвердила, что «противоречивая информация, дезинформация и манипулирование информацией в социальных сетях должны быть признаны угрозой для глобального общественного здравоохранения» [12]. Различные исследования выяснили, что причиной общественной паники в период пандемии COVID-19 является не сам вирус, а средства массовой информации. В комбинации с экспоненциальным ростом инструментов обмена информацией они оказывают колоссальное психологическое давление на людей.

Приложения и социальные сети, разработанные специально для обмена информацией, гарантируют свободный доступ к ней, но не гарантируют ее качества. Тревогу и распространение слухов можно считать общественной болезнью, являющейся «осложнением» коронавируса, а точнее, недостатка эмпирических данных о нем. Ведь там, где недостает общепризнанных научных знаний, люди начинают производить собственные представления о заболевании. Еще в 2019 году, до начала пандемии COVID-19, эксперт по кибербезопасности Брюс Шнайер также подчеркнул, что «когда придет следующая пандемия, распространение точной и достоверной информации будет не менее важно, чем эффективное лечение» [13].

Социальная сеть Twitter как главный генератор фейковых новостей

Исследователи из Южно-Калифорнийского университета считают, что социальные сети являются доминирующим каналом в сегодняшнем информационном поле, который используется для манипулирования общественным мнением [14]. Twitter и вовсе стал самым активным каналом для трансляции информации о коронавирусе. При этом редактор газеты The Guardian назвал Twitter «координационным центром для дезинформации о кризисе COVID-19» [15].

В исследовании социальная сеть рассматривалась с точки зрения видов циркулирующих в ней сообщений и источников информации. Было отобрано 9958 твитов и установлено около 14 000 взаимосвязей. Все твиты собирались по принципу наличия в содержании термина «инфодемия». После фильтрации осталось 12 613 уникальных связей, которые и были проанализированы. На их основе исследователям удалось визуализировать инфодемию в Twitter.

Было выявлено, что обсуждения в Twitter создают социальные группы с определенным набором тем для дискуссий — так называемые «кластеры» [16]. В каждом кластере можно выделить «инфлюенсера», который выступает ключевым источником тематической информации и новостей. В период инфодемии также появился кластер, внутри которого обсуждается дезинформация, и его размеры превосходят большинство других кластеров. В результате анализа самых популярных словосочетаний и эмоциональной окраски твитов было выявлено, что Twitter оптимально подходит для распространения

инфодемических материалов. Любая дезинформация здесь может усугубить этот кризис и оказать негативное влияние на общество и здравоохранение в частности.

Одно из исследований, посвященных Twitter, рассматривает данную соцсеть с точки зрения активности противников и сторонников вакцинации, которые также провоцируют инфодемию в интернете [17].

В рамках исследования было отобрано 2000 самых активных аккаунтов, в которых проходили активные дискуссии о вакцине. 17% из аккаунтов, которые выступали против вакцины, оказались ботами. Помимо этого, отобранные аккаунты также придерживались консервативной политики и распространяли посты о теориях заговора. Что касается сторонников вакцинации, то эту группу людей, как правило, представляли врачи, исследователи и организации здравоохранения.

Выборку составили твиты каждого аккаунта от 20 февраля 2020 года (в сумме набралось около 80 000 твитов). Были автоматически определены 35 различных тем, связанных с COVID-19. Все подразделялись на следующие категории: наиболее надежные (как правило, это были обсуждения и новости из области здравоохранения), менее надежные (обсуждение с участием простых пользователей) и ненадежные (открытая дезинформация). Дезинформация включала в себя такие темы, как теории заговора, слухи, пропаганда профилактики коронавируса и «чудодейственные» способы исцеления.

Источником самого большого процента дезинформации (35,4%) являлась группа противников вакцинации. Сторонники вакцинации генерировали 11,3% недостоверного контента. Пользователи проводили сравнительный анализ коронавируса с другими заболеваниями, в том числе с гриппом. Это также породило заблуждение, что «коронавирус не опаснее сезонной простуды». Помимо этого, именно противники вакцинации распространяли ложные заявления о происхождении вируса или методах его лечения. В сумме доля недостоверных сведений на тему вакцинации составила 54,1%, что само по себе является достаточно высоким показателем.

Достоверные твиты ссылались на организации общественного здравоохранения или делали ретвиты конкретных сообщений (пример: «Методы профилактики»). Самыми популярными темами были: количество заболевших, действия правительств в отношении сдерживания коронавируса, обновления статистики заболеваемости и смертности, а также новости о процессе разработки вакцины.

Также было выявлено 5 самых ненадежных тем: одна из них — теории заговора (сюжеты о государственных тайнах и корпорациях, якобы являющихся «теневыми правительствами», в чьих планах было при помощи коронавируса нанести населению умышленный вред, самый яркий из них — коронавирус искусственно создан в китайских лабораториях), три основывались на разного рода слухах, а еще одна — на нелегальном сбыте лекарств (т. е. на мошенничестве).

Таким образом, исследования подтверждают, что среди глобальных социальных медиа Twitter является ключевым каналом в распространении инфодемии.

Противники вакцинации в нем составляют отдельное сообщество, причем многоуровневое и сплоченное, самостоятельно генерирующее контент (преимущественно недостоверный). Конечно, нельзя сказать, что лишь противники вакцинации виноваты в тех темпах, которые набирает инфодемия в мире. Возможно, причина также в недостаточном количестве ученых и исследователей, участвующих в дискуссиях в Twitter. Являясь источниками достоверной информации, они тем самым могли бы препятствовать недостоверной, но, увы, находятся в меньшинстве, поэтому оказывают слабое влияние на информационное поле.

Негативные последствия инфодемии: «антиваксеры» и глобальные теории заговора

Сомнительные заявления нередко становятся вирусными в интернете, что впоследствии оборачивается хаосом и может нанести обществу непоправимый ущерб. Так, например, на территории Великобритании получили общественную поддержку слухи о связи с коронавирусом вышек 5G, которые якобы этот вирус и распространяют. В результате были зафиксированы случаи сожжения вышек. В основе всех этих ложных утверждений и предубеждений, конечно, лежат многочисленные «страшилки», к которым было особенно склонно прошлое поколение в возрасте 60–70 лет, настроенно относящееся к изобретениям современности.

Все мифы, порожденные интернетом, не исчезают до конца. Так, блогеры на YouTube, которые называют коронавирус «искусственно выращенным», когда-то так же называли и СПИД. Хотя этот слух о СПИДе и отошел на второй план, он по-прежнему жив, и на эту тему все еще периодически обнаруживаются публикации. Исследователи из Университета Оттавы проанализировали самые популярные видео на YouTube, затрагивающие тему COVID-19 [18]. Выборку составили 75 видеороликов, взятых из категории «топ» по поисковым запросам «коронавирус» и «COVID-19». В процессе фильтрации осталось 69 видео, которые в сумме просмотрели около 257 миллионов раз. Все они носили преимущественно характер «развлекательных новостей», что объясняется тем, что медицинская информация тяжело транслируется и объясняется через YouTube (в связи с чем эта информация намеренно упрощалась). Видео содержали ссылки на известные медиа, включая новостные, развлекательные и онлайн-СМИ. Так, из 69 видеоматериалов 27,5% содержали устаревшую информацию о коронавирусе, которая тем самым могла ввести в заблуждение. Любопытно, что исследователи из Университета Колумбии также сравнили дезинформирующие видеоролики на YouTube с достоверными и не выявили никакой разницы в количестве и тоне реакции аудитории [19].

Популярной темой для дискуссий в интернете также является обязательное ношение медицинских масок в общественных местах. Противники масок ссылаются на их неэффективность и выделение углекислого газа при утилизации, что наносит ущерб экологии. Уже сейчас можно заметить, что интернет способствует тому, чтобы противники масок объединялись с противниками других явлений, например с активистами,

выступающими против вакцинации или вышек 5G. В результате возникает общая группа, выступающая против правительства под «одним знаменем». Так, в августе 2020 года более 17 000 протестующих вышли на улицы Берлина. Подобное также наблюдалось в Лондоне, Мадриде и других городах.

Такая активная пропаганда отказа от вакцинации имеет масштабные негативные последствия для всего общества. Подобное уже наблюдалось в 2000 году, когда США было объявлено о начале вакцинации от кори. Двадцать лет спустя были снова зарегистрированы рекордные вспышки болезни (84 тысячи зараженных), что доказало, что многие родители в прошлом отказались прививать от кори своих детей.

В пандемию коронавируса проблема пропаганды отказа от вакцинации обострилась. Люди верят подобной информации по той причине, что конспирологические теории на тему здоровья предлагают наиболее простые объяснения сложных и пугающих явлений. Это дает иллюзорное чувство безопасности и компенсирует страх перед неопределенностью. При этом, согласно исследованиям, эгоцентричные и самовлюбленные люди чаще всего становятся жертвами пропаганды: все дело в их ощущении «элитарности и избранности», которое им дает якобы «знание правды».

Стратегии противодействия инфодемии

Для комплексной борьбы с инфодеммией на данный момент существует специальная информационная модель «Торт», автором которой является канадский исследователь в области здравоохранения Гюнтер Айзенбах [20].

Данная модель иллюстрирует четыре уровня инфодемии как слои торта. Их размер пропорционален объему информации, циркулирующей на конкретном уровне. Наука является самым «тонким» слоем торта с точки зрения объема информации, а также изображается вверху, так как дезинформация здесь составляет не более 0,1%. Ключевая проблема научного уровня не в ней, а в сложностях перевода достоверной информации на другие уровни для различных групп общества.

Социальные сети — самый последний и массивный слой торта, так как представляют собой нефилтрованный поток разнообразной информации, генерируемой множеством источников (в том числе и научными представителями, и самой общественностью).

Первый рычаг: облегчить точный перевод знаний

Чтобы противостоять инфодемии, необходимо наладить процессы перевода знаний между разными уровнями, то есть разными «слоями торта». Так как именно из-за неоптимизированности или отсутствия этих механизмов информация по пути к другим уровням и превращается в дезинформацию. В процессе на нее влияет слишком много неконтролируемых факторов: политическая повестка, коммерческие интересы, выборочная отчетность и т.д. Таким образом, первый шаг в победе над инфодеммией — это поддержка, упрощение и усиление достоверного перевода информации на различные языки, а также снижение количества искажающих факторов.

Второй рычаг: уточнение знаний, фильтрация и проверка фактов

На каждом уровне существуют свои алгоритмы уточнения знаний, а именно фактчекинг, проверка качества и т.д. Все они не видны обычному пользователю. Например, на научном уровне способом фильтрации является рецензирование научных работ, без которого работа не может считаться достоверной. Это значит, что внутри каждого слоя существует непрерывная цепочка: от сырой и сомнительной информации до исчерпывающей и проверенной. Таким образом, вторым шагом в управлении инфодеммией является стимулирование, ускорение и оптимизация процессов фильтрации и уточнения информации.

Третий рычаг: повышение грамотности в области здравоохранения

Под грамотностью понимается способность искать, находить, понимать и оценивать медицинскую информацию, поступающую из онлайн-источников, и применять полученные знания для решения проблем здравоохранения. В связи с новыми условиями хранения и обработки информации часть ответственности за выбор этой информации ложится на пользователя. Таким образом, третьим направлением борьбы с инфодеммией нужно считать повышение цифровой грамотности всех акторов процесса обмена информацией.

Четвертый рычаг: мониторинг, инфодемиология, инфонаблюдение

Чтобы взять инфодемию под контроль, также необходим непрерывный мониторинг информации в интернете и совершенствование моделей для обмена данными. Эту область можно назвать «инфонаблюдением». Как и в случае обычных эпидемий, необходимо своевременно выявлять вспышки инфодемии, определять, какая тема подвержена возникновению слухов, искажений и теорий заговора. Для обеспечения качественного инфонаблюдения необходимы центры по информационному контролю. Сам контроль же должен осуществляться и за качеством контента, и за метриками информационного спроса среди населения. Отслеживая самые популярные поисковые запросы, можно прогнозировать всплески дезинформации.

Помимо данной медиастратегии, существуют и другие. Например, создание общедоступной базы данных, которая бы включила в себя все достоверные и недостоверные материалы на тему коронавируса и регулярно обновлялась. Подобные материалы необходимо излагать максимально простым языком с указанием ссылок, чтобы любой пользователь мог проверить поступившую информацию, сравнив ее с базой фейков. Такую базу следовало бы активно пропагандировать в СМИ и, конечно, разрабатывать при содействии органов власти. На сегодняшний день подобные платформы уже существуют, пусть и не пользуются популярностью в связи с отсутствием той самой пропаганды в медиа. Например, «Энциклопедия фейков», созданная исследователями из РАНХиГС [21].

В качестве стратегии противодействия дезинформации можно рассматривать освещение самого понятия инфодемии, включая те угрозы, которые она представляет для общества. Для этого Институт изуче-

ния журналистики Reuters и Оксфордский институт интернета совместно создали новую дисциплину под названием «инфодемология». Планируется, что данная дисциплина будет изучать причинно-следственные связи распространения дезинформации и борьбы с ней.

Также необходима поддержка государства: борьба с дезинформацией должна осуществляться на глобальном уровне, что подчеркивает социолог Дэвид Букингом из британского Университета Лафборо [22]. По его мнению, принимать участие в стратегии противодействия дезинформации должны и граждане, и правительства, и СМИ. Последние обязаны взять на себя ответственность за контроль фейковых новостей, ввести санкции для журналистов, проводящих некачественный фактчекинг, и своевременно удалять фейковые материалы. Для этого также требуется выработать особые правовые меры в отношении СМИ как на национальном, так и на международном уровне.

Полезным было бы и содействие социальных сетей. Например, WhatsApp запустил программу «Как WhatsApp может помочь вам оставаться на связи во время пандемии коронавируса (COVID-19)» [23]. Она представляет собой подробное руководство для пользователей, как находить источники информации и фильтровать их. Facebook, Twitter, Instagram и YouTube также продолжают разрабатывать меры контроля за публикуемым контентом.

ООН также озабочена проблемой дезинформации в контексте коронавируса, в связи с чем предложила инициативу под названием Verified, нацеленную на своевременное информирование населения и снижение информационного шума [24]. Также можно отметить еще одну инициативу, запущенную ВОЗ совместно с Google. На страницы поисковика была внедрена информационная справка с рекомендациями из надежных источников (например, Министерства здравоохранения или Центра по контролю и профилактике заболеваний). Так первая информация, которую видит пользователь при поиске сведений о коронавирусе, точно является надежной и достоверной.

Еще одна стратегия противодействия дезинформации — это повышение медиаграмотности населения путем введения обязательного обучения в школах, университетах и иных образовательных организациях. В первую очередь такое обучение должно быть нацелено на развитие критического мышления. Все чаще в образовательных программах различных государств появляется предмет «медиаобразование», цель которого, помимо прочего, — научить будущее поколение распознавать фейковые новости.

Исследование группы ученых из американского Университета Джорджа Мейсона подтвердило, что обеспечение населения конкретными методическими и техническими инструментами, применяемыми для выявления недостоверных материалов, действительно способствует развитию критического мышления и снижает подверженность дезинформации [25]. Этот же вывод подтверждает еще одно исследование, которое было проведено на базе Университета Южной Калифорнии [26]. В ходе него случайной выборке интернет-пользователей был предоставлен список вопросов, на которые они

должны были ответить перед тем, как репостнуть или лайкнуть какой-либо пост в Facebook. Список содержал такие вопросы, как «Знаете ли вы точно, кто является автором поста?», «Опирается ли он на официальные источники?», «Какой у него стиль повествования?» и т.д. Все эти вопросы были нацелены на то, чтобы стимулировать человека к самостоятельному проведению фактчекинга.

Выводы

Сегодняшняя ситуация с инфодемией, вызванной пандемией коронавируса, не уникальна. Дезинформация сопровождает каждый глобальный кризис. Это доказывают исторические источники, в которых описываются эпидемии и пандемии. Возникновение фейк-ньюс во многом обусловлено потребностью людей в психологической стабильности и поиске ответов на неразрешимые (временно) вопросы.

У современной инфодемии, связанной с коронавирусом, есть, однако, и уникальные особенности, отличающие ее от инфодемий прошлого. Так, например, главным источником текущей инфодемии выступают социальные сети, являющиеся основным полем для появления, развития и распространения фейковых новостей. А в период самоизоляции соцсети показали уверенный рост на глобальном уровне. Самым популярным источником среди мировых соцмедиа для распространения инфодемии, согласно исследованиям, выступает Twitter, в котором формируются полноценные сообщества для обсуждения и генерирования ложного контента.

Вторым по значимости источником инфодемии можно считать авторитетных лиц, делающих сомнительные и непроверенные публичные заявления, которые впоследствии и приводят к возникновению фейков в медиапространстве. Развитию инфодемии также способствовали карантинные меры и, как следствие, дефицит общения.

Фейковые новости живут в информационном пространстве гораздо дольше, чем достоверная медицинская или научная информация. Отсюда и вера людей в различные теории заговора: человек склонен думать, что чем чаще и дольше повторяется какая-либо информация, тем выше вероятность, что она правдива.

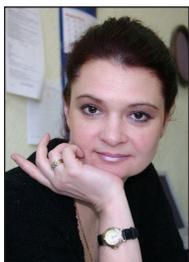
Можно выделить несколько инфодемических нарративов: это так называемые «теории заговора», конспирологически объясняющие происхождение коронавируса, и псевдомедицинские советы от несуществующих врачей. Возникновению теорий заговора способствовало то, что о новом вирусе было слишком мало сведений на первом этапе его распространения, но также и громкие заявления высокопоставленных политиков, уверявших, что пандемия — это рукотворное событие. Второй же сюжет, как правило, распространяли противники вакцинации, представляющие отдельное сообщество в социальных сетях. К ним призывали и селебрити, уверенные в том, что вакцинация приводит к необратимым последствиям в организме. Такой серьезный информационный шторм имел последствия: люди в разных странах стали отказываться от вакцинации, что, например, в России привело к срыву этого процесса на начальном этапе.

Решить проблему инфодемии можно только комплексно. Необходимо и дальше создавать и развивать инициативы по борьбе с дезинформацией, такие как проект Verified, запущенный ООН. Также необходимо, чтобы органы власти и правительства кооперировались с крупными представителями медиарынка, как, например, в совместной инициативе ВОЗ и Google по внедрению информационных справок в поисковик.

Инфодемии можно противостоять только в том случае, если наладить процесс взаимобмена достоверной информацией между разными слоями общества. Непрерывный мониторинг за процессом передачи данных позволит избежать их случайного искажения и проследить, чтобы они сохранили свой первоначальный вид. Так усовершенствование механизмов обмена информацией способно если не устранить инфодемию, то по крайней мере свести ее к минимуму.

Литература

1. Department of Global Communications. UN tackles 'infodemic' of misinformation and cybercrime in COVID-19 crisis // New York: United Nations. 2020. URL: www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-%E2%80%98infodemic%E2%80%99-misinformation-and-cybercrime-covid-19 (дата обращения: 12.08.2021).
2. David J. Rothkopf. When the Buzz Bites Back // Washington Post. 2003. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/05/11/when-the-buzz-bites-back/bc8cd84f-cab6-4648-bf58-0277261af6cd/> (дата обращения: 12.08.2021).
3. Коронавирус: Трамп принимает гидроксихлорохин, чтобы не заразиться // BBC News. 2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52717273> (дата обращения: 12.08.2021).
4. Evanega S., Lynas M., Adams J., & Smolenyak, K. (n.d.). Quantifying sources and themes in the COVID-19 'infodemic' // int.nyt.com. 2020. URL: <https://int.nyt.com/data/documenttools/evanega-et-al-coronavirus-misinformation-submitted-07-23-20-1/080839ac0c22bca8/full.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).
5. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science Magazine. 2018. URL: <https://science.sciencemag.org/content/359/6380/1146/tab-e-letters> (дата обращения: 12.08.2021).
6. Islam M. S., Sarkar T., Khan S. H., Mostofa Kamal A.-H., Hasan S. M. M., Kabir A., Yeasmin D., Islam M. A., Amin Chowdhury K. I., Anwar K. S., Chughtai A. A., Seale H. COVID-19-Related Infodemic and Its Impact on Public Health: A Global Social Media Analysis // The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene. 2020. URL: <https://doi.org/10.4269/ajtmh.20-0812> (дата обращения: 12.08.2021).
7. Simpkin A. L., Schwartzstein R. M. Tolerating uncertainty — The next medical revolution? // N Engl J Med, 2016.
8. Michaels D. The triumph of doubt: dark money and the science of deception. Oxford (UK): Oxford University Press, 2020.
9. Grimes D. R. On the viability of conspiratorial beliefs // Plos One. 2016. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0147905> (дата обращения: 12.08.2021).
10. Cinelli M., Quattrocioni W., Galeazzi A., Valensise C. M., Brugnoli E., Schmidt A. L., Zola P., Zollo F., Scala A. (2020). The COVID-19 Social Media Infodemic // Nature.com. 2020. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-73510-5> (дата обращения: 12.08.2021).
11. During this coronavirus pandemic, 'fake news' is putting lives at risk: UNESCO // UN News. 2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/04/1061592> (дата обращения: 12.08.2021).
12. Larson H. The biggest pandemic risk? Viral misinformation // Nature.com. 2018. URL: <https://media.nature.com/original/magazine-assets/d41586-018-07034-4/d41586-018-07034-4.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).
13. Stauffer B. We Must Prepare for the Next Pandemic // The New York Times. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/17/opinion/pandemic-fake-news.html> (дата обращения: 12.08.2021).
14. Bessi A., Ferrara E. Social bots distort the 2016 US Presidential election online discussion // Firstmonday.org. 2016. URL: <https://firstmonday.org/article/view/7090/5653> (дата обращения: 12.08.2021).
15. Hern A. Fake coronavirus tweets spread as other sites take harder stance // The Guardian. 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/04/fake-coronavirus-tweets-spread-as-other-sites-take-harder-stance> (дата обращения: 12.08.2021).
16. Smith M. A., Rainie L., Shneiderman B., & Himelboim I. Mapping twitter topic networks: From polarized crowds to community clusters. Pew Research Center, 20, 1–56. 2014.
17. David A. Broniatowski. Foreign and Domestic Online Manipulation of the Vaccine Debate // Knight Foundation to the GW Institute for Data, Democracy and Politics. 2020. URL: https://healthequity.ucla.edu/sites/default/files/Dr.%20Broniatowski_UCLA%20%281%29.pdf (дата обращения: 12.08.2021).
18. Li H. O.-Y., Bailey A., Huynh D., Chan J. YouTube as a source of information on COVID-19: A pandemic of misinformation // BMJ Global Health, 5(5). 2020. URL: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2020-002604> (дата обращения: 12.08.2021).
19. Basch C. H., Hillyer G. C., Meleo-Erwin Z. C., Jaime C., Mohlman J., & Basch C. E. Preventive Behaviors Conveyed on YouTube to Mitigate Transmission of COVID-19: Cross-Sectional Study // JMIR Public Health and Surveillance, 6(2). 2020. URL: <https://doi.org/10.2196/18807> (дата обращения: 12.08.2021).
20. Eysenbach G. How to Fight an Infodemic: The Four Pillars of Infodemic Management // Jmir.org. 2020. URL: <https://www.jmir.org/2020/6/e21820/> (дата обращения: 12.08.2021).
21. N+1. URL: <https://nplus1.ru> (дата обращения: 12.08.2021).
22. Buckingham D. Teaching media in a 'post-truth' age: Fake news, media bias and the challenge for media/digital literacy education // Cult. Educ. 2019, 31, 213–231.
23. How WhatsApp Can Help You Stay Connected during the Coronavirus (COVID-19) Pandemic // WhatsApp.com. URL: <https://www.whatsapp.com/coronavirus/get-started> (дата обращения: 12.08.2021).
24. Verified. URL: <https://shareverified.com/ru/> (дата обращения: 12.08.2021).
25. Murrock E., Amulya J., Druckman M., Liubyva T. Winning the War on State-Sponsored Propaganda: Results from an Impact Study of a Ukrainian News Media and Information Literacy Program // J. Media Lit. Educ. 10, 53–85. 2018.
26. Lutzke L., Drummond C., Slovic P., Arvai J. Priming critical thinking: Simple interventions limit the influence of fake news about climate change on Facebook // Sciencedirect.com. 2019. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2019.101964> (дата обращения: 12.08.2021).

Евгения Корнилова Медиаграмотность специалиста в государственной сфере и в сфере международной деятельности

Развитие цифровых технологий, возросшая роль мировых интернет-гигантов на политической арене, пандемия полностью изменили культуру медиапотребления, оказали влияние на всю публичную сферу.

Социально-политические процессы не только находят исчерпывающее отражение в сети, но и регулируются коммуникаторами. Коммуникационная трансформация общества обусловлена стремительным развитием новейших технологий. Президенты, депутаты, политики, журналисты, чиновники разных уровней, учёные, представители творческих профессий — все публичные люди используют социальные медиа и имеют свои аккаунты в социальных сетях, и именно там сегодня звучат самые громкие заявления. Если в начале 2000-х гг. мы были убеждены, что выборы выигрывает тот, кто владеет телевидением, то теперь, без сомнения, интернет оказывает влияние на все важнейшие события, происходящие в мире.

Исследования компании *Mediascope* показывают, что проникновение интернета в России в 2020 году среди самых молодых россиян (12–24 лет) приблизилось к 100%, среди людей до 44 лет — превысило 90%. В группе населения 45–54 лет интернетом хотя бы раз в месяц пользовались 84,2% россиян, а среди самых старших жителей страны (55+ лет) в интернет выходит половина — 49,7%. В среднем за день в интернет выходили 87,1 миллиона человек, или 71,1% населения России [1]. Таким образом, почти все граждане РФ пользуются Интернетом.

«Облик современного мира меняется до неузнаваемости под воздействием стремительно развивающихся информационных технологий. На современном этапе развития социума успешное решение политических, экономических и социальных задач всё больше зависят от уровня культуры общества, его социальной сознательности и активности, медиаграмотности и гражданской позиции каждого гражданина. Инновационные технологии в образовании сегодня выходят на первый план...» [2, 250].

Стремительное преобразование социально-политического ландшафта, обусловленное новой реальностью, предъявляет высокие и сложные требования к формированию образовательных программ. Особенно это касается тех направлений, профессиональные компетенции которых тесно связаны с публичной деятельностью и интернет-грамотностью: государ-

ственной и международной. Сегодня вузы реализуют широкий спектр образовательных программ в этой сфере. В частности, СПбГЭУ предлагает подготовку по направлениям: государственное и муниципальное управление, международные отношения, регионоведение и другим профессиональным модулям.

В данной ситуации разработка актуальных компетенций представляется ключевым фактором, обеспечивающим реализацию тех принципиально новых возможностей, которые появились в социуме и являются характерным явлением настоящего времени. В этой связи заслуживает внимание работа А. С. Ермака и Е. А. Кутергиной, в которой исследуется проблема востребованности современными государственными служащими ИКТ-компетенций, их иерархичности и приоритетности. Так, с целью определения наиболее актуальных компетенций государственных служащих по работе с информационными технологиями автором был проанализирован значительный пласт литературы, включающий в себя «международные стандарты аккредитационных организаций, цитируемые научные работы, нормативно-правовые документы, регламентирующие квалификационные требования к работе государственных служащих с информационными технологиями в зарубежных странах, существующие практики преподавания дисциплин, направленных на формирование информационной грамотности у студентов направления государственное управление... справочник квалификационных требований к претендентам на замещение должностей государственной гражданской службы и государственным гражданским служащим, подготовленный Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации» [3, 81–83].

Таким образом, матрица ИКТ компетенции государственных служащих, согласно исследованию, включает список уровней: базовый, расширенный, специальный. А компетенции распределены по следующему классам: технические (владение компьютером и выполнение вычислений), коммуникативные (использование коммуникационных возможностей информационных технологий) и управленческие (управление вычислительными возможностями и предоставлением услуг). Следует отметить, что коммуникативному характеру компетенций уделено менее всего внимания.

Базовый уровень:

- использовать ИКТ (электронная почта, социальные сети и мессенджеры) в качестве осуществления коммуникаций и обмена информацией;
- работать в команде посредством информационных каналов связи;

Об авторе: Евгения Евгеньевна Корнилова, профессор СПбГЭУ.

— работать в междисциплинарных группах и проектах.

Расширенный:

— коммуницировать со всеми категориями граждан, независимо от уровня владения информационно-коммуникационными технологиями;

— использовать ИТ для оперативного анализа и ответа на обращения граждан.

Специальный: по данному направлению отсутствует.

Нас, в частности, интересует вторая группа — коммуникативные. Очевидно, что она включает узкий круг компетенций, что представляется недостаточным, в то время как цифровые форматы стали неотъемлемой частью общественного развития.

Сегодня владеет миром тот, кто умеет управлять информационными потоками. Современный человек, постоянно находящийся в информационном поле заискивает от своего желания или потребности, вынужден взаимодействовать с различными источниками информации. Аудитории крайне трудно разобраться в постоянных потоках информации. И здесь особую важность приобретают современные подходы к образованию. Студенты должны не только разбираться в информации, её достоверности, видах, типах, направленности, актуальности и пр., но и уметь грамотно представлять, истолковывать, трактовать, доносить информацию, владеть digital-инструментами, уметь противостоять распространению негативных и заведомо ложных сообщений.

Представляется, что такие дисциплины, как «Медиаграмотность», «Информационная безопасность», позволяющие получить навыки и знания в данной сфере, должны быть включены в качестве обязательных в ОП тех направлений, которые напрямую не связаны с журналистикой, СО, медиасферой.

Будущие чиновники, дипломаты, люди творческих профессий, сотрудники органов государственной безопасности, переводчики и даже библиотекари — все сегодня включены в сферу новых медиа. Реальность такова, что в публичной сфере посредством социальных ресурсов присутствуют абсолютно и школьники, и президенты, однако такое присутствие при недостаточной подготовленности и неадекватности может иметь и негативные последствия.

Например, недавние события, связанные с американскими выборами, с одной стороны, вызвали волну негодования всего мирового сообщества, с другой стороны, продемонстрировали миру результативность интернет-ресурсов, а также власть интернет-корпораций в информационном поле, превышающую власть Президента США, а следовательно, — их безусловное влияние на политическую ситуацию. Следует согласиться с публицистом и журналистом А. Вассерманом, утверждающим, что «эта угроза довольно велика, потому что первую свою кампанию Трамп выиграл в основном усилиями в интернете. Сейчас это направление деятельности открыто блокируют. Вообще, если бы кто-то мог раньше предположить, что американские средства массовой рекламы, агитации и дезинформации могут заблокировать высказывания американ-

ского президента, еще лет пять назад это бы сочли абсолютным бредом, сейчас это очевидный факт» [4].

Содержательные и структурные изменения в образовании должны поспевать за стремительно преобладающей действительностью. Более того, они должны учитывать прогноз завтрашнего дня, когда выпускнику предстоит войти в профессиональную сферу деятельности.

Повышение медиаграмотности обусловлено тем, что выпускник должен уметь работать с информацией, воспринимать её критически, владеть инструментами и логикой информационного противостояния, знать основы информационного влияния. На смену контртерроризму и кибербезопасности пришли вопросы противодействия пропаганде и дезинформации как в области внутренней, так и внешней политики. На первый план выходит информационное PR-сопровождение социальных и политических решений в системе государственного управления. Так, в диссертационной работе «Информационное и PR-сопровождение политических решений в системе государственного управления» Е. А. Плешакова приходит к выводу о том, что в обеспечении информирования населения в совокупности с доступностью информации для его широких слоев «роль СМИ как источника получения информации является ключевой в процессе PR-сопровождения на протяжении всего периода принятия и реализации решений в сфере государственного управления» [5, 20].

Ознакомление в открытом доступе с различными актуальными вакансиями государственных гражданских служащих (сотрудников органов исполнительной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований, международных институтов и отделов) позволяет выявить основные квалификационные и дополнительные требования, предъявляемые к кандидатам на замещение вакантной должности:

- подготовка писем, протоколов, справок, докладов, презентаций и иных материалов по вопросам реализации социально-экономической политики в регионе;
- ведение деловой переписки, формирование базы документов и материалов, связанных с реализацией социальных, политических, международных проектов;
- анализ информации и подготовка информационно-аналитических материалов;
- подготовка докладов, выступлений, презентационных материалов;
- освоение опыта коммуникативного сопровождения проектов по организации деловых международных и/или межрегиональных мероприятий;
- владение навыками деловых переговоров и международной коммуникации;
- участие в планировании, организации и проведении специальных мероприятий различного формата: образовательно-просветительские, фестивали, семинары, круглые столы, выставки, конференции и пр.;
- подготовка ежемесячного информационного дайджеста;

- работа в корпоративных аккаунтах в социальных сетях, размещение и наполнение информацией, фото, инфографикой и прочее в социальных сетях и на сайте организации и пр.

Накануне выборов исследователи отмечают повышение активности в сетях губернаторов и глав администраций. Следовательно, даже снятия ограничений, вызванных распространением COVID-19, и выход из самоизоляции не смогут уже сократить количество обращений граждан и контактов с ними официальных лиц через сеть. Надо отметить, что новые условия, вызванные пандемией, стали серьезным драйвером цифровизации во всех сферах. «Государство тратит на информатизацию различных сфер все больше. В среднем объем инвестируемых средств увеличивается на 5–6% в год. Госсектор по-прежнему остается крупнейшим ИТ-заказчиком. Национальная программа «Цифровая экономика», стартовавшая в октябре 2018, дала мощный импульс цифровизации госсектора. Нацпрограмма подразумевает полный переход к цифровым решениям на всех уровнях — от государственного управления до отдельных отраслей» [6].

Единицы глав регионов и другие официальные лица сегодня не имеют персональные аккаунты, блоги, благодаря которым они обращаются к населению, а граждане — к ним. Коммуникационное ядро существует благодаря постоянному возобновлению контактов людей. И в этом плане заменяет всю коммуникационную структуру общества, что, в свою очередь, меняет и структуру последнего.

Люди «ушли» в он-лайн, соцсети, которые, по мнению многих, стали эффективной площадкой для коммуникации. Тенденция последнего времени такова: о многих важных решениях аудитория узнаёт из интернета — со страниц официальных лиц и только потом — из официальных источников.

Новые условия требуют новых умений и знаний для тех, кто представляет законодательную и исполнительную власть. Очевидно, что руководители должны решать проблемы регионов и городов и сообщать о возможных предполагаемых путях их решения, принимаемых мерах по заявленным вопросам, не делая акцент на собственном позиционировании, оперативно реагировать на обращения граждан, разъяснять, помогать, принимать во внимание интересные идеи и предложения. Главное — наладить прямой диалог с людьми и получить обратную связь, мнение жителей. Кроме того, интернет-коммуникации позволяют усилить борьбу с коррупцией, сделать работу чиновников более эффективной и открытой, быстрее решать проблемы ЖКХ, экологии, реагировать на нужды малообеспеченных и незащищенных слоев населения. Digital-коммуникации — альтернатива хождению по кабинетам. Официальные лица, особенно работающие на избираемых должностях, должны уметь активно пользоваться интернетом, создавать и вести аккаунты, что обусловлено двумя причинами.

Во-первых, для осуществления диалога с избирателями, так как соцсети и социальные медиа — это способы взаимодействия с жителями и важный канал

коммуникации, при помощи которого можно пропагандировать свою деятельность, узнавать реакцию людей.

Во-вторых, такое взаимодействие способно сблизить чиновников с гражданами для наиболее оперативного решения проблем.

В то же время официальные лица рискуют получить не только адекватную критику, но и большое количество несправедливых и даже оскорбительных замечаний и комментариев, но они должны уметь грамотно и эффективно коммуницировать с людьми. Ведь профессионализм как раз и заключается в том, чтобы грамотно и корректно воспользоваться обратной связью, которая является основой системы управления.

Именно таким коммуникативным навыкам необходимо учить будущих специалистов в сфере государственной и международной деятельности, начиная со студенческой скамьи.

В опросе «Новая цифровая реальность: какими будут коммуникации в 2021» руководители разных уровней отмечали следующее:

1. «Работа с микрокризисами превращается в рутину — с этим просто нужно жить, она же требует усиления digital-компетенций, поскольку такие скандалы в первую очередь распространяются в цифровых каналах. Кроме того, пора на 100% осознать, что работа со скандалами — это не мастерство реагирования, а мастерство подготовки, заблаговременного нивелирования рисков и создания «альтернативных» коммуникационных потоков, которые помогают выдерживать баланс в информационном поле.

2. Работа с негативом и возможными инцидентами неизбежна в будущем, а количество подобных информационных поводов будет расти. Технологии и социальные медиа стали ключевым вызовом — быстрые вбросы, быстрые реакции, боты и вредоносные программы, отсутствие этики и ответственности в новых медиа, анонимных телеграмм-каналах, все это серьезные проблемы как для компаний, так и для самих коммуникаторов.

3. Пришло время, когда нет времени присматриваться и откладывать принятие решений — новые форматы и каналы нужно осваивать сразу, когда они только появились. Экспериментировать, искать партнёрство, запускать проекты — если раньше изменения в медиа занимали годы и месяцы, то теперь месяцы и недели. Подкасты, видео, кросс-медийный контент, виртуальные пресс-туры и онлайн-мероприятия — это то, что стало must have в 2020 году. Кроме того, есть еще сопутствующие тренды — O2O (Online to offline), DTC (Direct to client), BI (Business Intelligence), CRM и контент-маркетинг.

4. Именно на стыке маркетинга и PR, аналитики и менеджмента, внутренних и внешних коммуникаций в цифровых средах будут возникать новые форматы и инструменты коммуникаций. Стали нужны фасилитаторы встреч и штурмов — надо учить существующих менеджеров управлению на удаленке, кроме того стало сложнее коммуницировать философию и цели; меняется регулярный менеджмент и технологический поворот от другой инфраструктуры коммуникаций до data-based решений по определению и предупреждению выгорания» [7].

Сегодня произошли необратимые изменения в процессе сбора, обработки и распространения информации в условиях развития современных цифровых технологий. Мы наблюдаем новые формы медиапотребления, которые требуют принципиально иных навыков и форматов, инструментов для успешной практики профессионалов в сфере медиакommunikаций.

Все вышеизложенное приводит нас к ряду умозаключений. Так, знания, навыки и умения, которыми сегодня должны обладать специалисты в сфере государственной и международной деятельности, должны включать:

- информирование населения в совокупности с обеспечением доступности информации для его широких слоев;

- информационное сопровождение деятельности в соцсетях, форумах, аккаунтах, других интернет-ресурсах, ведение корпоративных блогов;

- вовлечение граждан в осуществление изменений, принятия решений по социально-политическим проблемам;

- работу с негативной информацией, с дезинформацией, критикой и пр.

- эффективное информационное сопровождение на протяжении всего периода принятия и реализации решений;

- демонстрацию текущих и предъявления окончательных результатов реализованного решения с оценкой его эффективности;

- мониторинг СМИ с целью качественного и количественного анализа публикаций;

- формирование пула СМИ, организацию и проведение пресс-мероприятий;

- подготовку материалов с дальнейшим размещением их в интернете;

- формирование активного делового имиджа и поддержки деловой репутации;

- анализ официальных сайтов, социальных медиа и сетей, комментариев, обращений, настроений, мониторинг вовлеченности потребителей, обзоры видеозаписей, быстрые опросы, а также использование других инструментов, позволяющих управлять информационными потоками.

К негативным факторам образования специалистов в сфере государственной и международной деятельности на современном этапе прежде всего следует отнести недостаточный уровень подготовки кадров, обусловленный отсутствием необходимой совокупности дисциплин, обеспечивающих получение системного образования, предоставляющего разнонаправленное знание в обозначенной отрасли, что безотлагательно влечет за собой неготовность органов государственной власти к применению эффективных технологий управления и организации взаимодействия с гражданами, хозяйствующими субъектами, зарубежными партнерами, СМИ.

Очевидно, что существует еще целый ряд факторов, не входящих в круг задач настоящего исследования, таких как несовершенство нормативной правовой базы, разработавшейся без учета современных

условий, отсутствие целостной информационной инфраструктуры, эффективной информационной поддержки, высокий уровень монополизации сетей связи и пр. В связи с этим вузы как одну из приоритетных должны рассматривать задачу разработки комплексной программы, направленной на выработку компетенций, которые позволили бы студентам в их будущей профессиональной деятельности владеть актуальными знаниями, умениями и навыками.

Вместе с тем недостаточный состав профессиональных компетенций ОП создает препятствия, во-первых, для профессионального развития государственных гражданских служащих, а во-вторых, для широкого внедрения и эффективного применения возможностей, обеспечиваемых ИКТ, в госсекторе и международных отношениях. От разработки и реализации таких программ зависят не только технологические, но и социальные и идеологические процессы, конкурентоспособность страны в целом, развитие демократических институтов и судьба каждого гражданина в частности.

«В данной ситуации разработка компетенций служит ключевым фактором, обеспечивая реализацию тех принципиально новых возможностей, которые появились в социуме и являются характерным явлением настоящего времени» [8, 37]. Необходим комплекс теоретических и практических аспектов изучения данной проблемы, направленный на развитие медиаграмотности, определенных коммуникативных ориентаций, навыков.

Данный анализ показывает, что необходимы новые подходы к организации образования и к формированию профессиональных компетенций специалистов в сфере государственной и международной деятельности. Изменения в медиасреде происходят настолько стремительно, что создание уникальной концепции по внедрению коммуникативных компетенций в ОП даже на несколько лет вперед представляется проблематичным. Однако совершенно очевидно, что профессиональные стандарты образования должны быть актуализированы в соответствии с требованиями современного общества, функционирующего в условиях роста зависимости от новейших коммуникативных технологий и цифровых медиа, которые играют все более значительную роль в жизни человечества, теперь уже в политическом, экономическом, технологическом и социальном плане.

г. Санкт-Петербург

Литература

1. Результаты исследования «Почти все граждане РФ 12–24 лет пользуются Интернетом» // Ежедневное онлайн-издание Digital Russia.— URL: <https://d-russia.ru/pochti-vse-grazhdane-rf-12-24-let-polzujutsja-internetom-issledovanie.html> (дата обращения 6.11.21).
2. Корнилова Е. Е. Патриотическое воспитание в образовательном процессе: актуальные коммуникативные стратегии / Е. Е. Корнилова // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Коммуникации в условиях цифровой трансформации» (CDT-2020). — СПб, 2020.

3. Ермак А. С. ИКТ-компетенции в сфере государственного управления: вызовы современности / А. С. Ермак, Е. А. Кутергина // Интернет и современное общество. Труды XXI Международной объединенной научной конференции: сборник тезисов докладов. — СПб.: Изд-во: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 2018.

4. Правительство США или корпорации? Кто правит мировым интернетом // Рамблер. — URL: https://news.rambler.ru/other/44770830/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 6.11.21).

5. Плешакова Е. А. Информационное и PR-сопровождение политических решений в системе государственного управления. Дис. ... на соиск. уч. степ. канд. полит. н. / Е. А. Плешакова. — Саратов, 2006.

6. ИКТ в Госсекторе: «Цифровая экономика» в действии // CNews. — URL: https://events.cnews.ru/events/ikt_v_gossektore__cifrovaya_ekonomika__v_deistvii.shtml (дата обращения 6.11.21).

7. Новая цифровая реальность: какими будут коммуникации в 2021 // vc.ru — платформа для предпринимателей и высококвалифицированных специалистов малых, средних и крупных компаний. — URL: <https://vc.ru/marketing/190831-novaya-cifrovaya-realnost-kakimi-budut-kommunikacii-v-2021> (дата обращения 6.11.21).

8. Потехина И. П. Развитие информационно-коммуникационных технологий в условиях глобализации / И. П. Потехина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, № 2 (41). — Саратов, 2012.

Марина Новичихина Некоторые размышления по поводу одной неудачной номинации

Аннотация: работа посвящена проблеме позиционирования объекта или явления номинативными средствами. Обсуждается эффективность использования номинации «образовательная услуга».

Ключевые слова: номинация, позиционирование, услуга, образование, образовательная услуга.

Нами уже неоднократно отмечалось, что чрезвычайно важную роль в процессе коммуникации играет так называемое позиционирование [1, 114]. Позиционирование можно рассматривать как своеобразное «выпячивание» тех характеристик и особенностей объекта, в которых наиболее заинтересована аудитория. Ведущую роль в процессе позиционирования объекта или явления играет языковая номинация.

Тот или иной способ номинации способствует достижению определенной цели в процессе коммуникации, позволяет один и тот же факт интерпретировать необходимым номинатору или желательным для аудитории способом. Совершенно очевидно, что используя номинации *бандформирования* — *повстанцы*, *спекулянт* — *предприниматель*, *украсть* — *экспроприировать*, *главарь* — *лидер*, мы формируем принципиально различное отношение к объекту номинации.

Возможности коннотативно различающихся синонимов широко используются в средствах массовой информации, публичной речи политиков и журналистов, в художественных текстах и представляют собой вариант языкового манипулирования.

Следует заметить, что в литературе предпринималась попытка разработать стратегию эффективной номинации, которая может использоваться при позиционировании объекта или явления (см., например, публикацию И. В. Дегтяревой [2, 64]).

Стоит, однако, с сожалением констатировать, что эта стратегия постоянно игнорируется нашими чиновниками. Мы уже писали об очевидной неудачности таких используемых в наши дни номинаций как *возраст дожития* и *пенсия по старости* (см.: [3]). Сегодня же обратимся еще к одной неудачной номинации, «изобретенной» в постсоветский период — к номинации *образовательная услуга*.

Об авторе: Новичихина Марина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна Воронежского госуниверситета.

Становится очевидным, что в случае с данной номинацией явно игнорируется упомянутая стратегия эффективного позиционирования: наши чиновники не приложили абсолютно никаких усилий для того, чтобы сформировать более адекватный образ номинируемого феномена. Можно сколько угодно говорить о том, что «образовательная услуга» — понятие, удобное для законодателей. Но смотреть следует глубже: использование этого понятия есть и отражение восприятия обсуждаемого явления в обществе, и формирование этого восприятия одновременно.

Да и само сочетание слов «образовательная» и «услуга» вызывает очень много вопросов.

В статье 2 Федерального закона РФ «Об образовании в Российской Федерации» предложена следующая трактовка понятия «образование»: образование — единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [4].

Таким образом, видим, что образование — это, с одной стороны, процесс обучения, а с другой — совокупность знаний и т. п., полученных в ходе этого обучения.

В контексте обсуждения номинации *образовательная услуга* целесообразно сосредоточить внимание на первом из перечисленных толкований. При этом нельзя не заметить, что в том же самом тексте Закона говорится о том, что образование представляет собой процесс, являющийся общественно значимым благом. С нашей точки зрения, такая трактовка понятия «образование» вступает в очевидное противоречие с сочетанием «образовательная услуга» в целом и с понятием «услуга» в частности.

Услуга, с точки зрения Ф. Котлера, — это любое мероприятие или выгода, которые одна сторона может предложить другой и которые в основном неосвязаемы и не приводят к завладению чем-либо [5, 638].

Как видим, такое понимание услуги и, как следствие, понимание образовательной услуги, уводит нас в чисто экономическую плоскость.

Подход же к образованию как к услуге превращает отношения «ученик — учитель», «студент — преподава-

тель» в отношении между потребителем и поставщиком услуг. Этот подход не просто принижает роль педагога в обществе, но и ставит само образование в один ряд с другими услугами, такими как транспортные услуги, услуги по ремонту чего-либо, услуги по кредитованию и т.д. и т.п.

Вспомним строчку из песни: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет». Может быть, используйте другую номинацию, и отношение к педагогам поменялось бы, да и сами педагоги стали бы по-другому воспринимать свою деятельность: ведь нести благо и оказывать услугу — это совсем не одно и то же!

Справедливости ради следует заметить, что в канун нового (2021–2022) учебного года во время общения со школьниками президент РФ В. В. Путин поднял вопрос о целесообразности использования понятия «образовательная услуга». Позже, по итогам заседания президиума Государственного совета РФ (по вопросу о задачах субъектов Российской Федерации в сфере общего образования), президент поручил рассмотреть вопрос об исключении из законодательства об образовании обсуждаемого понятия.

Будем надеяться, что правительством РФ, которому адресовано это обращение, наконец-то будет решен вопрос со столь неудачной номинацией.

Автору же, преподавателю с большим стажем, будет приятно осознать, если к моменту выхода этого текста он уже не будет считаться поставщиком образовательных услуг.

Литература

1. Новичихина М. Е. Факторное исследование эффективности позиционирования номинативными средствами в тексте СМИ / М. Е. Новичихина, Н. С. Самойленко // Вестник ВГУ.— Сер.: Филология. Журналистика.— 2017.— № 4.— С. 113–118.
2. Дегтярева И. В. Роль номинации в позиционировании объекта или явления / И. В. Дегтярева // Коммуникация в современном мире.— Ч. 2.— Воронеж, 2010.— С. 62–64.
3. Новичихина М. Е. О роли номинации в процессе коммуникации (или о «пенсии по старости» и «возрасте дожития») / М. Е. Новичихина // Акценты. Новое в массовой коммуникации.— 2012.— № 3–4 (106–107).— С. 39–40.
4. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации».— Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/2/> (дата обращения: 26.10. 2021).
5. Котлер Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер; пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. Е. М. Пеньковой.— М.: Прогресс, 1990.— 733 с.

Ле Ву Мань Тьонг

Публичные выступления первых лиц государства как имиджевый инструмент

Аннотация: в настоящее время выступления первых лиц нередко являются определяющим фактором для конкурентоспособности компании, организации или даже государства. Успех выступлений зависит от процесса подготовки к ним. В данной работе публичные выступления будут рассмотрены как инструмент PR.

Ключевые слова: имидж, национальный имидж, личный имидж, имидж политика, легенда, публичное выступление, подготовка к выступлению.

В настоящее время выступления первых лиц нередко являются определяющим фактором для конкурентоспособности компании, организации или даже государства. Успех выступлений зависит от процесса подготовки к ним. В данной работе публичные выступления будут рассмотрены как инструмент государственного PR и имиджмейкинга. Эмпирическую базу составили выступления лидеров Вьетнама в 2010-е — 2020-е годы. Метод анализа — социокультурный.

Имидж государства строится с помощью официальных документов, данных статистики, материалов в СМИ, мнений туристов и т. п. Имидж, как известно, это «набор смыслов и значений, при помощи которых люди описывают, запоминают и формируют свое отношение к объекту. Это результат взаимодействия человеческих убеждений, идей, чувств и впечатлений об объекте» [1, 23]. Имиджология как наука, ориентированная на практику и непосредственные человеческие отношения, тесно связана с медиариторикой. Работая над корпоративным и личным имиджем, особенно над имиджем страны или региона, необходимо уделять внимание таким факторам, как правдивость информации, доверие потребителя, адаптивность и эмоциональность имиджа. При построении и продвижении национального имиджа страны, что важно и для внутреннего и для внешнего рынка, имидж политического лидера (политический имидж) является одним из ключевых факторов. Естественно, имидж главы государства — важная часть коммуникативного процесса, участниками которого являются как сам политик, так и его избиратели. На имидж политика влияет множество факторов, среди которых очень важную роль играют

публичные выступления, интервью, конференции, прямые линии и т. п. Публичная речь — это основной компонент ораторского искусства. Она представляет собой элемент речевой деятельности, возникающий во время общения между оратором и публикой. Пример выдающегося мастерства оратора и имиджмейкера продемонстрировал Барак Обама. Миф о великой стране США часто подкрепляет речи политика. В таких случаях многое зависит от проникновенной интонации говорящего, что в речах Обамы, если обратиться к аудиозаписям, выглядит привычно и естественно. Бросается в глаза пристрастие оратора к красочным эпитетам. Эпитеты делают высказывание более экспрессивным, иногда метафорическим и иносказательным: *improbable experiment, a profoundly distorted view, incendiary language, unyielding faith, unequivocal terms, stalwart allies* и т. д. В его политических речах типичны следующие моменты: метафоризация речи, использование прецедентных текстов и особенно крылатых фраз и выражений, наличие большого числа терминов (*carbon pollution*) и книжных слов (*interconnectedness and openness so essential to our prosperity*), передающих политический или научный колорит дискурса. Его ключевыми лексемами во время выборов были: *change, challenge, promise, belief, dream, hope, security, peace, liberty* [2, 274–277].

Приведем пример из выступления генсека ВКП Нгуен Фу Чонга от 30 марта 2020 года по случаю борьбы с пандемией COVID-19: «В последнее время под руководством партии и государства, Национального комитета по профилактике и борьбе с эпидемическими заболеваниями COVID-19... было реализовано множество мер как предотвращающих, так и ограничивающих распространение эпидемий. При этом было обеспечено выполнение задач социально-экономического развития, социальной защищенности и безопасности. Первоначально было получено множество положительных результатов, свидетельствующих о силе национальной солидарности, решимости всей партии, всего народа и всей нашей армии в борьбе с пандемией, признанных и высоко оцененных в мире» [3]. Товарищ Н. Ф. Чонг призывает еще решительнее защищать народ от пандемии, используя армию и силовые структуры. Он указывает на причины успехов и поражений, используя статистику, терминологию медиков, интонации непринужденной беседы. Речь политика осуществляется в рамках взаимодействия модератора с воспринимающей человеческой средой.

Об авторе: Ле Ву Мань Тьонг, магистрант Воронежского государственного университета.

Об этом писал С. Пожарский: «При этом выступающее лицо берет на себя особую роль. Оно сознательно стремится воздействовать на среду, в том числе намеренно передавать информацию, знания, оказывать эмоциональное влияние, побуждать к определенному действию. Публичное выступление представляет собой некоторым образом подготовленный и спланированный контакт с группой внимающих людей» [4, 563].

Вождь партии провозглашает: «Мы должны эффективно контролировать ситуацию; нам не нужно слишком паниковать, но нельзя быть субъективными и расслабленными; мы должны делать прогнозы и оперативно разрабатывать эффективные меры по контролю и предотвращению распространения инфекции. Каждое агентство, подразделение, организация и каждый населенный пункт должны следовать указаниям своего начальства, проявлять инициативу и более тесно сотрудничать для осуществления профилактики и контроля эпидемий; надо правильно расставить приоритеты в ресурсах, времени и усилиях для этой важной работы» [3]. Данный отрезок речи связан с призывом сохранять спокойствие и выполнять просьбы врачей. Официальные СМИ, тиражируя такие речи, имеют в виду и международный аспект: мир знает, что Вьетнам добился определенных результатов в борьбе с COVID-19, производство не снизилось, туристический поток не уменьшился.

Приветственная речь президента Нгуен Фу Чонга на церемонии открытия 37-го саммита АСЕАН тоже посвящена проблеме пандемии: «Вспышка пандемии COVID-19 унесла жизни миллионов людей, нарушила жизнь людей во всем мире и серьезно повлияла на социально-экономические показатели... 2020 год завершается масштабными и сложными изменениями в мире. Более чем когда-либо страны и народы нуждаются в мире, стабильности, сотрудничестве и развитии... Это возможно только в том случае, если конфликты интересов, различия в мышлении и подходах разрешаются на основе взаимного доверия и доброй воли» [5]. Призыв к миру и сотрудничеству, к народовластию и доброй воле в речи президента Нгуен Фу Чонга говорит о том, что Вьетнам — открытая страна, далекая от тоталитаризма. Те же интонации и слова мы находим и в выступлениях в 2017–2018 гг. экс-президента Вьетнама Чан Дай Куанга. Например, бывший президент Чан Дай Куанг отмечал, что «героическая традиция страны за тысячи лет истории сформировала поколение детей, у которых сильна любовь к стране,

труду» [6]. Чан Дай Куанг подтвердил, что забота, образование и защита детей является стратегическим вопросом, о чем он писал и в своих статьях. Он подчеркнул, что дети — это будущее страны. Такие статьи и выступления создают позитивный имидж страны и ее руководителей.

Итак, сделаем некоторые выводы. Структура публичного выступления практически не отличается от структуры других текстов. Она состоит из трех частей: введение, основная часть и заключение. Самый большой блок в любом публичном выступлении — основная часть, которая занимает 60% времени. Введение и заключение примерно равны по объему, и на них выделяется по 20% времени. В речах политиков Вьетнама заметно стремление создать положительный образ страны, готовой к сотрудничеству со всем миром. Забота о людях является стратегией партии и правительства. Медиарилейшнз помог сплотить народ и показать всему миру успешность Вьетнама в борьбе с коронавирусом.

г. Воронеж

Литература

1. Овчинникова А. М. Основы имиджологии: конспект лекций / А. М. Овчинникова, Н. В. Шульга. — Омск, 2019.
2. Спиридовский О. В. Речи американских президентов в зеркале национальных ценностей и ориентиров / О. В. Спиридовский // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. науч. тр. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — С. 274–277.
3. Обращение Нгуен Фу Чонга к народу и воинам страны и нашим зарубежным соотечественникам. — Режим доступа: <https://www.thiennhien.net/2020/03/31/tong-bi-thu-keu-goi-toandan-chung-suc-chong-dich-covid-19/> (дата обращения: 01.11.21).
4. Пожарский С. О. Формирование умений публичного выступления на профессиональную тему: защита ВКР / С. О. Пожарский // Молодой ученый. — 2016. — № 14 (118). — С. 562–564.
5. Приветственная речь президента Нгуен Фу Чонга на церемонии открытия 37-го саммита АСЕАН. — Режим доступа: <https://www.24h.com.vn/tin-tuc-trong-ngay/tong-bi-thu-chu-tich-nuoc-phet-bieu-chao-mung-hoi-nghi-cap-cao-asean-37-c46a1198578.html> (дата обращения: 01.11.21).
6. Президент Чан Дай Куанг: Забота, образование и защита детей — это стратегические вопросы (2018 г.). — Режим доступа: <https://dantri.com.vn/chinh-tri/chu-tich-nuoc-cham-soc-giao-duc-va-bao-ve-tre-em-la-van-de-chien-luoc-20160530152847284.htm> (дата обращения: 01.11.21).

Православная вселенная – от слова к артефакту

Современные периодические издания духовно-религиозного содержания представлены широким выбором журналов, меньше — газет. Часть из них в полной мере актуальна для музеев, особенно исторического и художественного профиля. Важной составляющей работы музейщиков всегда были публикации, в том числе и на темы православия. С появлением интернет пространства, создания официального сайта учреждения, статьи научных сотрудников музея стали более востребованы, круг читателей значительно расширился.

Начиная с 90-х годов прошлого века, для научной и культурно-просветительской работы Острогжский музей выписывал несколько популярных изданий духовного формата: «Воронежский епархиальный вестник», «Наука и религия», «Свет. Природа и человек», «Путь к себе». Материалы этих журналов расширяли представления о религиозной культуре различных конфессий, но в большей мере — православия. Целый ряд постоянных рубрик был и остаётся созвучен с музейными экспозициями, которые знакомят посетителей именно с православной жизнью острогжцев.

Примечательно, что, занимаясь духовно-просветительской и краеведческой работой, священнослужители Острогжского уезда в XIX–XX веках писали статьи, объединяя их в альманахи и календари. Интересным образцом такой работы является Острогжский братский календарь на 1908, 1909, 1911 годы, изданный Острогжским Кладбищенским Братством во имя Преподобного Серафима. «Братский календарь», как и «Воронежский епархиальный вестник», в основном были ориентированы на описание событий в нашем крае, а также на библейские сюжеты, биографии духовных лидеров разных исторических эпох и памятные для Православной церкви даты. Несмотря на отсутствие аналитики, очерков, редкие интервью эти издания имели очевидную ценность, информируя верующих о происходящем в православном пространстве губернии и уезда.

Другое дело — популярные журналы, в частности «Наука и религия», «Фома», которые за последнее десятилетие эволюционировали настолько, что представляют интерес для самой широкой аудитории. Качественный уровень материалов, широкоохватность тем, и, что немаловажно, личный духовный опыт, мастерски описанный авторами, делает публикации настоящими событиями: побуждает анализировать поднятые проблемы, открывает неожиданные грани общеизвестных православных понятий, впечатляет и настраивает на обретение собственного духовного опыта.

Высоко поднятая планка журналистского мастерства не только помогает музейщикам в освещении подобных тем, но и задаёт тон их публикациям.

Ведь перед хранителями древностей стоит непростая и вместе с тем захватывающе интересная задача — рассказать о постоянной или временной экспозиции и об артефактах так, чтобы привлечь внимание гостей к культурному наследию (духовному и материальному), разжечь искру любознательности.

Насколько это важно и сложно, можно судить по названиям выставок, связанных с религиозной тематикой, проходивших в Острогжском музее за последние несколько лет. С яркой самобытной личностью глубоко верующего человека, живописца Василия Павловича Криворучко знакомила выставка его работ «Русь изначальная» (февраль 2020 год). Утончённым эстетизмом отличалась временная экспозиция «Михаил и Ольга со чадами». Её создательница — москвичка Ольга Владимировна Колганова — посредством семейных реликвий (рисунков, документов, фотографий, писем) знакомила с духовным миром её предков, уроженцев Острогжского уезда. Большим культурным событием в жизни района стала выставка «Шедевры Палеха», значительную часть которой составляли православные иконы.

Немаловажно, что религиозная тематика проходит красной нитью и по стационарным экспозициям музея. О зачатках религиозного сознания повествуют жертвенник и антропоморфные фигурки из глины (III–IV века до нашей эры) для проведения обрядов. Облачение священника, иконы, церковная утварь, богослужебные книги и фотографии старинных храмов открывают перед гостями неисчерпаемую тему «Острогжска православного». И даже в картинной галерее, среди полотен живописцев XIX века, одна из самых зрелищных работ — «Гимн пифогорейцев восходящему солнцу» Ф. А. Бронникова — знакомит зрителей с потрясающе красивым обрядом последователей древнегреческого ученого Пифагора, исповедовавших язычество. Жемчужина художественной коллекции музея — «Иуда Искариот в Гефсиманском саду» И. Е. Репина — прямо отсылает зрителя к библейскому сюжету, который по-своему переосмыслил писатель Леонид Андреев в одноименном рассказе.

Весь этот богатейший материал должен найти отклик в сердцах и умах разных поколений, особенно молодежи. Для них встречу с умным и прекрасным миром нужно сделать интересной, а ещё лучше — проникновенной. И журналистика в таком деле — та самая основа, что способна стать мостиком между артефактом и пониманием его значения. Для убедительного, легко читаемого текста с глубокой фактурой музейщику, как и журналисту, необходимы основательные знания по истории, филологии, искусству, религии, философии... Венчать столь многосложный список должна всепоглощающая увлечённость.

В материалах, размещаемых музейщиками на сайте и в периодических изданиях, мало одной информативности. В тематических публикациях сочетания слов — именно они рождают в тексте ассоциации — должны дать слову необходимые оттенки смысла, создать эмоциональность. И если это удаётся, то над текстом витает ещё некоторый сверхсмысл, придавая ему, что тоже важно, художественную ценность.

Дотянуться до такой планки в рамках религиозной тематики бывает непросто, однако можно говорить об удачных примерах гармоничного соединения артефакта со словом. Так, выставка «Неколебимый камень церкви», посвященная патриаршему местоблюстителю Петру Федоровичу Полянскому, митрополиту Крутицкому, которая прошла в октябре 2017 года, дала музейщикам замечательный опыт.

Одним из знаковых экспонатов этой экспозиции была тюремная дверь — огромная, металлическая, черная с маленьким решетчатым окошечком. Именно она стала отправной точкой для возникновения ряда ассоциаций, описанных в тексте: «За этой темной и тяжелой громадой закончилось все... В прошлом остались Духовная семинария и академия, пение в храме (у Полянского был мощный низкий голос), монашеский постриг, многолетняя служба и бремя величайшей ответственности на посту местоблюстителя патриаршего престола. Леденящий душу скрип, сырость и холод тюремной камеры, в которой мир сузился до бледного светового пятна в оконце. И это стало прологом к его крестному пути...»

Выставка «Шедевры Палеха» предоставила гостям музея замечательную возможность познакомиться с высокохудожественными образцами икон. Ознакомительные тексты написали для разных возрастных категорий. Вот небольшой фрагмент обращения к взрослой аудитории: «Когда смотришь на образ Богоматери Владимирской, невольно задумываешься о месте, которое принадлежит в христианской традиции Матери Иисуса, поражаешься дерзновенному, удивительному сочетанию несоединимого. Уникальность личности Богоматери в том, что, оставаясь полностью человеком, она носила под сердцем «Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого»... Носила Вездесущего Бога, который наполняет все, но которого не может вместить Вселенная».

Разумеется, что тексты на религиозные темы для детей — задача более сложная, поскольку несколько поколений потенциальных гостей музея и читателей сайта воспитаны в духе атеизма. И хотя в последние годы наши земляки повернулись лицом к православию, ситуация осложняется неподготовленностью юной аудитории, незнанием библейских сюжетов, классических литературных текстов. В этом случае публикации для детей и молодёжи, просто и занимательно объясняющие суть предмета, приравниваются к особой миссии — достучаться, заинтересовать, подвигнуть...

Такое утверждение в полной мере согласуется с утверждением крупнейшего учёного-гуманиста Дмитрия Сергеевича Лихачева, который считал, что отказаться

от религии легче, чем войти в большую семью верующих. «...Отсутствие чего-то всегда обедняет человека, а от богатства легче отказаться, чем его приобрести. Религия же — именно богатство. Религия обогащает представление о мире, позволяет верующему ощутить значительность всего происходящего, осмысливает жизнь человека, объединяет людей в выполнении определённых религиозных обычаев, обрядов, таинств, составляет самую убедительную основу нравственности».

Интересным опытом приобщения молодёжи к религиозной журналистике стала акция из цикла «Приходите на них посмотреть», проведенная с учащимися Острогжского филиала Горожанского кадетского корпуса. Научный сотрудник предложил написать статью-презентацию по копии картины Ивана Николаевича Крамского «Христос в пустыне» (1872 год), выполненной его сыном Анатолием Ивановичем Крамским. Вдохновляющим зачином для ребят стал ответ И. Н. Крамского на письмо литератора Всеволода Михайловича Гаршина. В этом послании автор нашумевшей работы объяснил своё понимание образа Христа.

Задание на стыке журналистики и искусствоведения побудило ребят к размышлениям, которые большинству удалось изложить последовательно и своеобразно. Лучшие работы будут представлены на музейном сайте ко дню рождения И. Н. Крамского.

Публицистика — одна из граней таланта Ивана Николаевича Крамского — яркий ориентир для журналистской деятельности музейщиков. Его искусствоведческие статьи, и в первую очередь, публикация, посвященная картине Александра Иванова «Явление Христа народу» («Художественный журнал», январь 1881 г.) находили живой отклик у современников.

Объясняя истоки магнетизма картины А. А. Иванова, среди совокупности факторов И. Н. Крамской назвал темперамент: «...т.е. чтобы человек по натуре своей ничего бы не любил больше искусства, чтобы ни одна страсть не перетянула человека в сторону». Именно это определение могло бы стать одним из важнейших ориентиров для журналистов, освещающих религиозные темы, а также для хранителей древностей, популяризирующих артефакты (в том числе православные святыни), и связанные с ними истории.

Евгения Изотова, научный сотрудник Острогжского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского

Литература

1. Крамской И. Письма и статьи в двух томах / И. Крамской. — Том 1. — М.: Из-во Искусство. Москва, 1966.
2. Крамской И. Письма и статьи в двух томах / И. Крамской. — Том 2. — М.: Искусство, 1966.
3. Лихачев Д. Письма о добром. Письма к молодым читателям / Д. Лихачев. — СПб: Азбука-классика, 2014.
4. Острогжский братский календарь на 1908, 1909, 1911 годы. Острогжское Кладбищенское Братство во имя Преподобного Серафима.
5. Подшивки журналов «Воронежский епархиальный вестник», газет «Острогжская жизнь» и «Коммуна».

Проблема выстраивания диалога в общественно-политических ток-шоу

Сегодня все чаще при оценке деятельности СМИ мы слышим такие характеристики, как «речевая агрессия», «язык вражды», «негативизм» и прочие. Подобные претензии высказывают и медиаисследователи, и главный адресат — аудитория. Это, в первую очередь, относится к телевидению, где ежедневно транслируются политические и социальные ток-шоу и ведутся бесконечные дискуссии, редко похожие на конструктивный диалог («Время покажет», Первый канал; «60 минут», «Вечер с Владимиром Соловьевым», Россия-1 и др.; «Пусть говорят», «Мужское/Женское», Первый канал; «Андрей Малахов. Прямой эфир», Россия-1 и проч.). Преобладают негативные факты и ситуации, неразрешимые споры, т. е. конфликт как таковой становится основным в повестке дня.

Безусловно, на общую картину коммуникации оказывают влияние социальные медиа, где аудитория в большей степени является равноправным участником процесса, и за счет их природной интерактивности оперативно включается в обсуждение, выносит социальные оценки. При этом культура комментариев под публикациями находится на невысоком уровне, и конфликтность в такого рода общении преобладает в виртуальных беседах. Сегодня «битвы в коментах» из социальных сетей перешли и на телеэкраны.

Конфликт мы понимаем как отсутствие согласия между сторонами. Однако выражаться он может в разных формах: либо оппоненты не сходятся по принципиальным вопросам, либо они изначально не настроены на разрешение конфликта. И последнее проявление сегодня, к сожалению, закрепляется в виде тенденции и становится доминантой современной массовой коммуникации. В итоге мы имеем дело с видимостью коммуникации, фантомом диалога. В свое время французский философ Жан Бодрийяр в статье «Войны в заливе не было» пришел к пессимистическому выводу: «...В современной коммуникации нет больше собеседника»¹. Но ведь необходимо переломить данную ситуацию.

Внешние факторы конфликтности в медиапространстве сводятся к следующим проявлениям: муссирование ведущими СМИ, особенно федеральными, одних и тех же фактов и тем; навязывание и продавливание позиций, изначально обозначенных модераторами псевдодискуссий; невнятное комментирование, нацеленное не на разъяснение ситуаций, разрешение конфликтов и проблем, а на нивелирование истинных выводов, что приводит к вымыванию сути социально важных фактов, и как итог всего этого — лишь призрачный плюрализм мнений и иллюзорная свобода слова, трансформирующаяся в свободу злоупотреб-

лений словом и оскорблений (это особенно заметно в политических ток-шоу на современном российском телевидении).

Конечно же, подобный подход к подаче информации объясняется не только непрофессионализмом или зависимостью журналистов от их владельцев/рейтингов и т. п., но и, как мы говорили выше, широким распространением социальных сетей, влияющих на стиль работы традиционных СМИ: преобладание субъективного комментария над объективным фактом; пониженный градус ответственности за высказывание; использование непроверенной или полужурналистской информации из сомнительных источников информации.

Сегодня, опять же благодаря соцсетям, и аудитория активно включена в процесс производства массовой информации, часто представители СМИ активно привлекают ее к созданию оперативного контента (уже вошли в наш повседневный профессиональный сленг такие понятия, как «мобильный репортер», «гражданская журналистика»). Однако ключевая проблема здесь заключается в том, что зачастую нарушается технология обработки (в первую очередь, верификации информации), не осознается на должном уровне ответственность за достоверность транслируемой информации, что приводит к широкому распространению фейков (в том числе и непреднамеренных), порождая в дальнейшем конфликтную ситуацию. Стиль общения приобретает характер уличного разговора, причем эту манеру «успешно» перенимают и журналисты.

Но все вышесказанное — лишь одна сторона проблемы, связанная с внешним влиянием, вытекающим из новых условий развития современной коммуникации. Большого же внимания, на наш взгляд, требуют так называемые внутренние факторы, а именно язык СМИ: форма журналистского высказывания, избранные речевые стратегии, которые зачастую даже по своей манере преисполнены конфликтности.

Возьмем, к примеру, общественно-политическую журналистику, которой изначально присущ политико-идеологический модус. При этом сам по себе термин «идеология» (греч. *idea* — «мысль, понятие» + *logos* — «слово, учение») обозначает учение об идеях, то есть не несет ни положительных, ни негативных коннотаций. Понятие «идея» понимается как *знание*, соединенное со стремлением к *действию*. Именно в этой сфере журналисты чаще всего не просто «несут» знания в массы, занимаясь своеобразным ликбезом в сфере политических идей, а используют «насилованные» тактики убеждения и даже манипулирования.

Главным действующим лицом массовой коммуникации в рамках СМИ является автор как инициатор диалога с аудиторией. И ответственность за выбор той или иной коммуникативной тактики ложится

¹ Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр // Художественный журнал. — 1994. — № 3. — С. 33.

на его плечи. Эта проблема относится к сфере этики и ценностных установок личности журналиста. Исходя из этого, автор медиатекстов выбирает приемы подачи информации и их «эстетической обработки». И чаще всего выбор журналистов падает на «готовые оценки» и «некритическое восприятие», не предполагающие диалога. Диалог может проявляться внешне, когда журналист, модератор дискуссии демонстрирует поиск истины в споре, но в реальности он придерживается манипуляции, при которой инициатор не ставит себе задачи сконцентрировать внимание на акте эффективной коммуникации с реципиентом. Это лишь имитация диалога вовне, здесь нет попытки разрешения спора, поиска компромисса или хотя бы нескольких путей развития ситуации с учетом интересов разных сторон. Журналист создает мнимое впечатление конструктивного разговора. Как правило, он убежден в своей правоте, у него — своя точка зрения, и его не интересуют мнения других (А. Шейнин, В. Соловьев, О. Скобеева и др.). Причем это касается как самого модератора, так и других активных участников спора в рамках ток-шоу. Так снижается порог ответственности за объективность передаваемого сообщения.

В теории современной массовой коммуникации до сих пор остро стоит проблема разграничения понятий убеждения и манипулирования. *Убеждение* — это воздействие, оставляющее адресату возможность выбора; *манипуляция* воздействует на адресата без осознания им этого воздействия, то есть навязывает с помощью определенных языковых приемов авторскую точку зрения как достоверную и единственно возможную. Учитывая тот факт, что СМИ обладают высокой степенью воздействия на аудиторию, вопрос о разграничении методов убеждения и внушения, используемых в массовой коммуникации, всегда остается открытым. Сегодня к тому же заметна такая опасная тенденция, как заведомое использование скрытых оценок, которые побуждают не к со-размышлению, как должно, а к некритическому восприятию предложенной информации.

Коснемся и форм, а вернее манеры выражений. Современные журналисты продолжают активно использовать приемы постмодернистской эстетики. Прежде всего это проявляется в скепсисе и циничном тоне, которые буквально пронизывают медиакommunikation. Всеподавляющий сарказм, перманентный стеб, высмеивание на грани фола направлены на всех без исключения, так что о диалоге говорить не приходится. Тотальная, агрессивная ирония становится характерной чертой современных текстов и передач.

Современная политическая журналистика — солидарная с властью или находящаяся в оппозиции к ней — сверхэмоциональна, и в этом нет ничего предосудительного, это-то как раз нормально и естественно для обозначения позиции. Но важно при этом осознавать ответственность за произнесенное слово, соблюдать меру в использовании сарказма и иронии, даже в отношении оппонентов. Необходимо просто помнить, что эти средства не всегда и не везде уместны. Скептический взгляд на мир в эстетике постмодернизма — это не только защитная реакция человека на проявления внешней действительности, но и четко определенная позиция личности, находящейся в конфликте с окружающим миром. И сегодня это явление стало модным. Но подобная манера подачи материала (мнений, оценок) все чаще сказывается негативным образом на эффективности и действенности процесса коммуникации, так как аудитория либо раздражается, уставая от постоянного давления, либо вообще не воспринимает информацию.

Таким образом постмодернистский дискурс проповедует наивысшую степень свободы автора от диктата идеологии, стиля и даже морали, что чревато нарушением эстетических и этических норм. Так, абсолютная свобода зачастую провоцирует злоупотребления ею, именно поэтому необходимо осознавать ответственность перед аудиторией за собственное высказывание. И этот нравственный принцип должен оставаться ключевым для профессионального журналиста в любые времена.

Признано, что сегодня идет настоящая информационная война, и как говорил классик, поле битвы — сердца людей, а мы добавим и умы. По этой причине «противники» со всех сторон порой не брезгают ничем, особенно это ярко проявляется в обсуждении российско-американских и российско-украинских отношений. Конечно, важно защищать свои национальные интересы в рамках горячих дискуссий, особенно когда приглашенные оппоненты открыто глумятся и намеренно провоцируют конфликт. Но журналист-модератор должен держать марку и сдерживать ответную реакцию, которой порой и добиваются участники таких диспутов. Трудно, но необходимо. Это и есть профессионализм, подкрепленный этикой.

Ксения Марчан, к. ф. н., доцент кафедры журналистики и медиакommunikation Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета

Подкасты – новое направление развития мультимедиа во Вьетнаме

Подкаст — особая форма потокового аудио, дающая возможность «слушать газету», становится новой технологической тенденцией, в том числе во Вьетнаме.

Термин «подкаст» представляет собой комбинацию двух слов iPod (музыкальный проигрыватель Apple iPod) и broadcast (трансляция). В отличие от радио, подкасты часто тщательно редактируются и ориентированы на целевую аудиторию. Их преимущество — в возможности загружать и слушать в любое время и в любом месте серию цифровых аудио- или видеофайлов, ту часть контента, которую пользователи хотят слушать. Эту модель сегодня сравнивают с традиционным телевидением и Netflix.

Подкасты используются в качестве маркетингового инструмента. По прогнозам, выручка от рекламы подкастов в США в 2021 году превысит 1 миллиард долларов [1].

Во Вьетнаме существует ряд профессиональных подразделений по производству подкастов, таких как VOVLive (Вьетнамское радио) и несколько других электронных газет, таких как VTC News, Nhan Dan, Vietnamplus, VNExpress. Журналист Фан Тхань Фонг, глава Народного комитета, отвечающий за эту программу, сказал: «Создание подкаста помогает нам воспользоваться преимуществами газеты “Нян Зан” в предоставлении пользователям культурно-развлекательного контента. В последние годы культурные, литературные и художественные аспекты газеты “Нян Зан” привлекли к сотрудничеству многих экспертов, многих известных писателей... Программа будет выходить в эфир с частотой два выпуска в неделю, средней продолжительностью от 25 до 30 минут на выпуск» [2].

Vnexpress — самая читаемая онлайн-газета во Вьетнаме — также открыла колонку подкастов рядом рубрик

(«Здоровье», «Новости», «Психологические консультации», «Онлайн-советы» и др.). Электронная газета Vietnamplus, всегда находящаяся в авангарде новых медиатенденций, выпустила подкасты с анализом социальных и экономических проблем, а также событий в области культуры и развлечений.

В настоящее время вьетнамская аудитория воспринимает подкасты как удобную форму потребления информационных продуктов. Создание профессионального канала подкастов с уникальным контентом будет конкурентным преимуществом для редакций: ведь крупные медиаорганизации могут создавать качественные подкасты как продолжение своих новостных каналов; к тому же они уже имеют лояльную, доверяющую им аудиторию. Наконец, их подкасты отличаются высоким качеством, поскольку их создатели имеют большой опыт подготовки интервью, создания видео- или аудиоконтента.

Таким образом, слушатели (особенно молодежь) любят подкасты. Передачи недороги в производстве, они позволяют активно привлекать к сотрудничеству экспертов.

*Чан Бао Кхань, канд. филол. наук,
Чан Ван Ле, канд. филол. наук,
Дай Нам Университет
Вьетнам, г. Ханой*

Литература

1. <https://www.iab.com/news/us-podcast-ad-revenues-grew-19-yoy-in-2020-set-to-exceed-1b-this-year-and-2b-by-2023/> (дата обращения: 10.11.2021).
2. <http://nguoilambao.vn/bao-nhan-dan-ra-mat-chuong-trinh-phet-thanh-tren-nen-tang-ky-thuat-so-n16164.html> (дата обращения: 10.11.2021).

Светлана Распопова: «Внутри нормального человека всегда идет борьба с собой»

Интервью с автором нового учебника «Прикладная этика журналиста»

В издательстве «Флинта» вышел новый учебник для бакалавров «Прикладная этика журналиста». Его автору Светлане Распоповой корреспондент «Журналиста» задал вопросы о том, как возникла идея создания этого учебника и почему разговоры о саморегулировании журналистов все больше уходят сегодня на обочину профессии.

— *Начну с личного признания: профессиональная этика журналиста как учебная дисциплина ничем мне не запомнилась. Полню учебники, где было много теорич, а вот разбора реальных случаев из практики журналистов не припомню вовсе. Как вы пришли к идее написания учебника с таким интригующим названием «Прикладная этика журналиста»?*

— Я несколько лет читаю курс «Профессиональная этика журналиста», и преподавание этой дисциплины для меня всегда было мучительным. Изначально я отталкивалась от уже существующих учебников Д. С. Аврамова и Г. В. Лазутиной. Но сегодня многое из того, что написано в этих учебниках, уже не работает, а современная журналистская практика дает нам иные примеры, которые совершенно по-другому могут быть осмыслены. Кроме того, у меня за плечами нет такого профессионального опыта, какой был у Аврамова и Лазутиной, но даже если бы он у меня и был, я бы не стала брать на себя роль третейского судьи, которая всегда неблагоприятна. Мне хотелось написать учебник, который был бы максимально ориентирован на практику и на самостоятельный поиск студентов, поэтому практическая составляющая в учебнике выделена в отдельный раздел.

— *В чем особенность преподавания профессиональной этики журналиста?*

— Дело в том, что по сравнению с другими учебными дисциплинами мотивация на изучение профессиональной этики у студентов отсутствует, потому что практического опыта у них, как правило, нет. А если нет опыта, не возникают вопросы, в осмыслении которых и формируется личность журналиста. И никакие хартии и кодексы, какими бы раскрепощенными они ни были, этического отношения к профессии не выработают.

Профессиональная этика журналиста часто рассматривается на занятиях как философская категория, как раздел социологии, а не как пространство дилемм. Этот путь сегодня не совсем продуктивный, потому что студентам не интересны научные изыскания ученых. Поэтому я выбрала иной путь — идти от конкретных

коллизий, реальных случаев в оценке практикующих журналистов, мнения которых часто полярны.

— *То есть этические коллизии из практики журналистов сегодня можно и нужно по-разному интерпретировать?*

— Журналистика отражает жизнь. В чистом виде понять жизнь невозможно, потому что мы находимся под влиянием различных обстоятельств, на нас воздействует общественно-политическая обстановка в стране и в мире. В конце концов, мы просто взрослеем: со временем с глаз падают шоры, и мы обретаем новый опыт в понимании реальности. В одном из учебников по профессиональной этике журналиста рассматривалась ситуация, когда редактор снял из номера материал журналиста под давлением учредителя. Хорошо помню, как автор того учебника, характеризуя поступок редактора, попытался его понять и даже оправдать. Сегодня, спустя свыше 20 лет, решение этого редактора вызывает иную реакцию и по-другому может быть оценено.

— *Ваш учебник действительно нестандартный, именно благодаря подборке этических коллизий и вариантов их решения с точки зрения сегодняшних российских и зарубежных журналистов. Это не просто учебник, а скорее книга-диалог о профессии, и сквозь нее проглядывают два важных вопроса: что делает журналистику профессией? Вы даете в учебнике ответ на этот вопрос?*

— Несколько лет назад я была приглашена в агентство «Россия Сегодня» на встречу, на которой присутствовали сотрудники Министерства иностранных дел. Там возникла дискуссия относительно понятий «журналистика», «СМИ», «колумнистика». Мария Захарова, директор департамента информации и печати МИД РФ, с просьбой уточнить эти понятия обратилась ко мне, когда я в своем выступлении «разводила» журналистские, колумнистские, публицистические и пиаровские тексты, которые идут по массовым информационным каналам. Обычно на ум приходят готовые определения журналистики, которые дают закон «О СМИ» и разные учебники. Но в разговоре по существу эти определения оказались нерабочими, потому что у присутствующих не было четкого понимания того, что такое журналистика, когда и как она оформилась как профессия. Вот именно с этой дискуссии у меня начало складываться представление о структуре будущего учебника. Я для себя тогда поняла, что разговор о профессиональной этике я начну с этапов формирования журналистики, в которой важную роль сыграли профессиональные союзы, этические стандарты, профессиональные издания и система журналистского образования.

— Как бы вы охарактеризовали современную журналистику в России?

— Журналистикой сегодня называются сферы деятельности, которые к ней на самом деле никакого отношения не имеют. Много пропаганды и много развлекательного контента. Люди хотят удовлетворять свои гедонистические потребности, и им не хочется заморачиваться на выяснение причинно-следственных связей, погружаться в осмысление каких-то проблем.

— При каких обстоятельствах у людей может возникнуть потребность в журналистике и что может пробудить их интерес к критической повестке?

— Сегодня интерес к критической повестке может возникнуть только тогда, когда удовлетворение потребностей будет сопряжено с какими-то сложностями. Допустим, пошел человек в ресторан, а туда можно зайти только по промокоду. И у него может возникнуть вопрос: почему его права ограничили? Конечно, человек с небольшой зарплатой не столкнется с этой проблемой. Запрос на критическую повестку в СМИ возникает в обществе тогда, когда в нем становится больше людей обеспеченных, которые стремятся к удовлетворению не только насущных потребностей, но и эстетических, духовных и т.д. Думаю, что бытие и сегодня определяет сознание.

— В своем учебнике вы прослеживаете историю формирования журналистики через обзор регулирующих механизмов. Этот подход может прояснить, что сегодня происходит в российской журналистике?

— В учебнике я начинаю разговор с небольшого экскурса в историю журналистики. Говорю о том, что оформление профессии шло по двум путям: нормативного регулирования и саморегулирования. В странах с тоталитарным и авторитарным режимом журналистика может регулироваться только законами, которые принимает власть, а институт саморегулирования либо вообще отсутствует, либо присутствует очень формально, как бантик на коробке с тортом. Когда разговариваешь с российскими журналистами и спрашиваешь их, чем они руководствуются в своей работе, они говорят: конечно, законом «О СМИ». В России есть профессиональные союзы журналистов, Общественная коллегия по жалобам на прессу, но они действуют не очень эффективно, хотя люди, которые там работают, искренне заинтересованы в своей работе. Это происходит потому, что на заседаниях коллегии ответчики не являются, но хуже было бы, если бы коллегии вообще не было. Сейчас мы хотя бы можем узнать, что случаи нарушения журналистами этических норм не остались без внимания профессионального сообщества.

Был случай, когда на заседание коллегии пришел в роли ответчика Дмитрий Быков. Это было резонансное дело, вызвавшее полемику в профессиональной среде. Но таких, как Быков, к сожалению, немного. А вообще в журналистике легко нарушить этику, потому что журналист работает на потоке и сталкивается зачастую с людьми, которые находятся в сложных жизненных обстоятельствах.

— В учебнике вы рассматриваете журналистскую этику с прикладной точки зрения, представляя

различные этические коллизии из реальной практики. Чем был обусловлен такой подход?

— Современная этика все дальше уходит от философии, потому что в современном мире не остается времени на осмысление каких-либо теоретических проблем. Все мы находимся в ситуации перманентного этического выбора и должны иметь какие-то ориентиры для принятия решений. Название учебника, как мне кажется, отражает этот подход, хотя мне не принадлежит. Впервые оно упоминается у А.А. Гусейнова в статье «Размышления о прикладной этике». Но, несмотря на прикладной характер, учебник базируется на принципах журналистики, которые были изложены в работах Д.С. Аврамова, Г.В. Лазутиной, Е.П. Прохорова и которые я применила к осмыслению сегодняшних ситуаций в журналистике.

— Насколько я поняла, вы взяли реальные ситуации-коллизии из подборки Юлии Мучник. С ее точки зрения, журналистская этика связана с нравственным выбором, который журналист делает всякий раз при решении профессиональных задач.

— Прежде чем использовать эти задачки в учебнике, я связалась с Юлией Мучник и получила у нее добро, за что ей очень благодарна. Возможно, какие-то из задач уже потеряли свою актуальность, но они очень существенные и создают пространство для дискуссии и переосмысления профессиональных норм.

— Как в учебнике появился комментарий ко всем задачам медиаюриста Галины Араповой*?

— В условиях сегодняшней общественно-политической ситуации для российских журналистов нормативное регулирование очень важно, потому что они боятся «вляпаться» в сложные ситуации и прослыть нарушителями законов. Поэтому все задачи из журналистской практики рассмотрены в учебнике как с позиций морального выбора, так и с позиции современного российского законодательства. И роль Галины Араповой¹ здесь трудно переоценить. Галина Юрьевна, которая является авторитетным экспертом в области информационного права не только в России, но и за ее пределами, сказала мне, что такой учебник нужен и что она с удовольствием примет участие в работе над ним. И все журналисты, к кому я обращалась, — их имена указаны в учебнике — не раздумывая согласились мне помочь. За что я им очень благодарна.

— С чего началась работа над учебником?

— Мы со студентами на занятиях по профессиональной этике журналиста решали задачки, предложенные Юлией Мучник. В качестве экзаменационного задания они должны были прорешать эти задачи с кем-то из профессиональных журналистов. На экзамен студенты принесли свои интервью с журналистами и предоставили мне контакты своих собеседников (электронную почту и телефон) для связи с ними. Благодаря этому я познакомилась с Владиславом Куликовым, обозревателем «Российской газеты», сейчас мы с ним сотрудничаем. В прошлом году в рамках проекта «Объединенный журфак» для «Журналиста» он подготовил интересную видеолекцию.

¹ Галина Арапова признана Минюстом СМИ-«иноагентом»

Я старалась, чтобы мнения журналистов были разные. Когда Евгения Письменная (Bloomberg) и Максим Курников («Эхо Москвы») отвечали примерно одинаково на некоторые вопросы, я искала мнения других журналистов, которые бы резонировали друг с другом.

— *Когда я читала ваш учебник, у меня было впечатление, что я принимаю участие в оживленной дискуссии. А какие дилеммы удивили вас лично, исходя из ответов журналистов-практиков?*

— Было интересно обнаружить совершенно разные взгляды журналистов на ситуацию, в зависимости от их опыта. Так, суждения Ильи Стечкина, высказанные с точки зрения его работы в западных СМИ, и Николая Сванидзе, который исходил из российской практики, наглядно показали, что многое мы оцениваем исходя из того, где живем и работаем. Например, комментируя ужин журналистов с губернатором, Илья Стечкин сказал, что если вы пойдете в ресторан с представителем власти на Западе, то фактически получите волчий билет на профессию, то есть там неформальное общение с чиновниками расценивается как нарушение профессиональной нормы. А по мнению Николая Сванидзе, надо смотреть на то, хороший человек губернатор или нехороший и будет ли он на журналиста в дальнейшем оказывать давление.

Кроме того, на ответы журналистов влияло то, в каком СМИ они работают. Ответы Владислава Куликова из «Российской газеты» были лишены критического подхода к власти, но они были достаточно сбалансированы. А в суждениях Ивана Жилина, журналиста «Новой газеты», где, как известно, всегда присутствует критическая повестка, этические коллизии были рассмотрены со стороны гражданского общества. Я также обратила внимание на то, что этический выбор журналиста определяет и канал распространения информации. Например, Максим Курников («Эхо Москвы») отвечал на вопросы с учетом того, что радиоэфир — это всегда микс журналистики и шоу, и в работе радио-журналиста больше возможностей для маневра, чем у журналиста печатного СМИ.

Есть еще один момент — тематический профиль журналиста. Ева Меркачева, обозреватель «МК», пишет о преступниках, посещает колонии, присутствует на судебных заседаниях, поэтому ее ответы были основаны на знании судебной практики. Ответы журналистов из регионов были менее конкретны, чем федеральных журналистов. Они зачастую отвечали на вопрос, как должно поступать, а не о том, как они лично бы поступили в той или иной ситуации.

— *Ваше отношение к журналистике изменилось в ходе работы над учебником? Какие новые проблемы вы выделили?*

— Я работала над учебником несколько лет и все никак не могла завершить работу, потому что жизнь давала новые и новые ситуации, и мне нужно было на них реагировать. Честно говоря, я порой даже не успевала фиксировать эти ситуации, осмысливать их. С позиций сегодняшнего своего знания о журналистике могу сказать, что с того момента, когда работа над учебником была завершена, все очень-очень изменилось. Фактически сегодня у журналистов остается совсем мало возможностей для какого-то этического выбора. Они превращаются в профессиональную общность, которая может и должна руководствоваться в своей работе исключительно законами. А законодательство, как известно, по своей природе директивно, поэтому места для саморегулирования остается очень мало.

— *То есть «шагреновая кожа» свободы сжимается?*

— Да, но вместе с тем я считаю, что социальное пространство может быть одноцветным и однозначным, но внутри нормального человека всегда будет происходить борьба с собой, появляться вопросы к себе, особенно если он работает в журналистике. Поэтому я думаю, что этика по-прежнему в актуальной повестке для каждого журналиста.

Елена Богдан
<https://jrnlst.ru/raspopova-interview>

Андрей Громов, Константин Тулупов **Незаслуженно забытый город**

Вязники редко попадают в туристические гайды. Этот старый русский город, даром что стоит он буквально на трассе Москва — Нижний Новгород, совсем обделен вниманием даже тех, кто путешествиями по России всерьез интересуется. И это решительно незаслуженно и несправедливо. Если вы хотите посмотреть очень красивый русский провинциальный город, понять и почувствовать эту удивительную городскую структуру, ну и немного

погоревать о нынешнем ее упадке, то вам обязательно надо побывать в Вязниках.

Причем, когда мы тут говорим о красоте, то имеем в виду не только старые храмы и особняки, но и потрясающие виды с холмов Вязников на Клязьму и клязьменские дали. И с этой красотой ни один режим ничего не в силах поделаться...

Вязники — типичное порождение ремесленно-купеческого бума XVII века

Когда-то, еще в домонгольские времена, тут был город Ярополч-Залесский. Город был сожжен Батыем и прекратил существование. В XVI веке (возможно, и раньше) земли эти достаются московским князьям, и тут появляется торгово-промышленная слобода, поставляющая московскому двору лен, рыбу и разную утварь. Через какое-то время местные земли перешли в вотчинное управление бояр Милославских, которые учредили тут на Мониной горе первый Введенский монастырь.

Места тут были (и остаются) красивые. К тому же в 1623 году тут был явлен чудотворный список иконы Казанской Божией Матери. И сюда совершил паломничество сначала царь Михаил Федорович, а потом и царь Алексей Михайлович. Паломничество Алексея Михайловича закончилось неожиданно. Воодушевленный своим путешествием, он решил построить на Мониной горе город. Восстановить тот самый, разрушенный Батыем Ярополч. И построил. Буквально на пустом месте. Все как положено. Крепостные стены, башни, какие-то административные здания и все такое.

Об авторах: Андрей Громов, главный редактор журнала Republic-Север. Константин Тулупов, вице-президент по развитию бизнеса в Топливной компании «ТВЭЛ» Росатома.

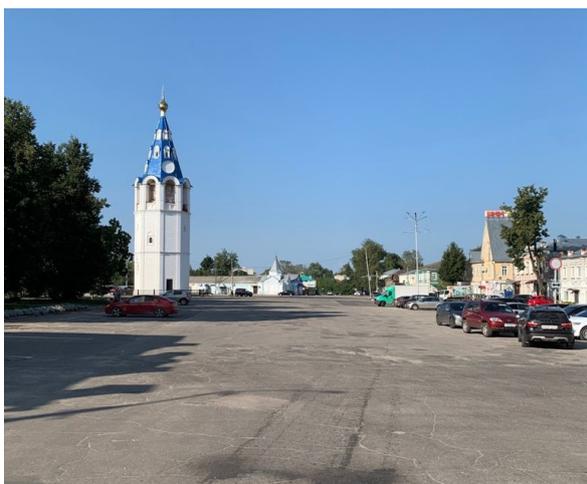

Вязники. Вид на Клязьму со смотровой площадки на Пригородной улице. Так примерно это выглядит в конце сентября

Впрочем, несмотря на царскую градостроительную волю, история шла своим чередом: Вязниковская слобода развивалась и богатела речной торговлей по Клязьме, отстраивались новые дома, строились каменные церкви. А Ярополч — хирел. И в итоге

Вязники. Колокольня Троицкой церкви

Вязники. Соборная площадь

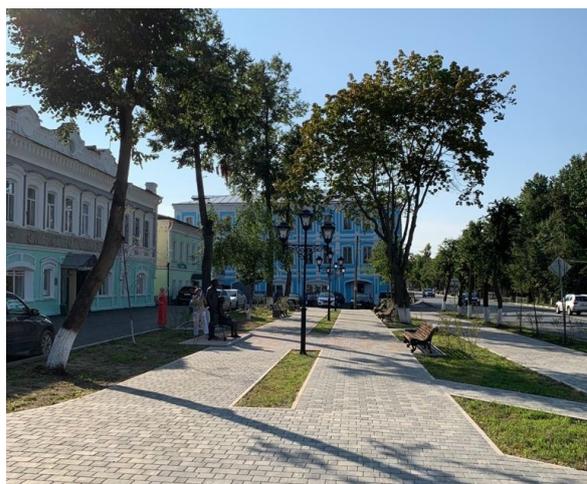
к XVIII веку не Ярополч поглотил окружающую слободу, а торгово-купеческая слобода поглотила никому ненужный город. И уже к середине XVIII века от него ни стен, ни башен, ни названия не сохранилось. Только шатровая колокольня Троицкой церкви, которая доминирует над городом и видна с любой его точки.

Сама старая Троицкая церковь не сохранилась, ее построили заново в середине XVIII века, и эта колокольня, стоящая поодаль от церкви, кажется совсем отдельным сооружением. Такая «отдельность» шатровых колоколен стала архитектурной особенностью Вязников: из всего ансамбля Казанского собора — главного собора города (где, собственно, и находилась икона Казанской Божией Матери), снесенного в советское время, восстановили только шатровую колокольню.

Собор XVII века находился на центральной площади, был обнесен оградой, по углам которой стояли шатровые часовни. От собора по периметру площади располагались общественные здания, а в центре — торговые ряды.

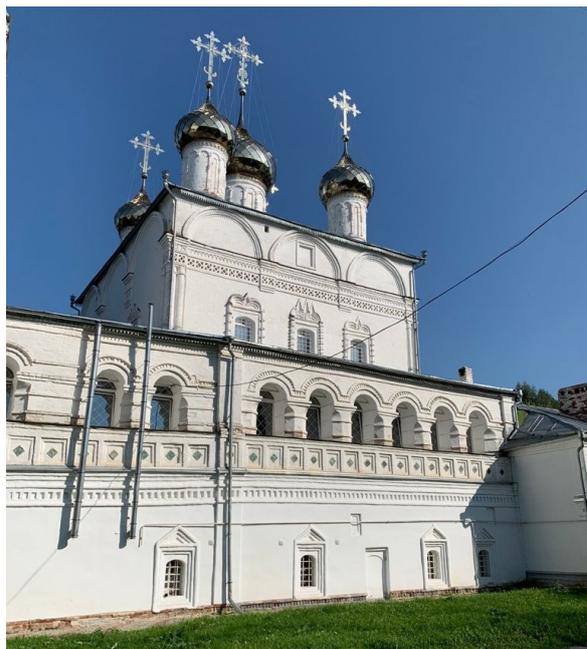
Вязники. Старая застройка Благовещенской улицы. Дом Елизаровых. Сейчас тут местный краеведческий и историко-художественный музей. Но вокруг, да, запустень

Вязники. Советская улица. А вот тут как раз все вполне современно: ухожено, чисто и уютно

Теперь от собора остались только одна башня ограды и восстановленная колокольня, и площадь выглядит очень необычно. Огромная совсем не ухоженная площадь, и посреди нее — белая шатровая колокольня, а рядом торговые ряды. Торговые ряды почти полностью сохранились, правда главный корпус покрашен ужасной серой краской, а самый интересный с архитектурной точки зрения корпус — неоклассический модерн начала XX века — стоит не на центральной улице, а в глубине. Пустота и неухоженность площади задают не очень выгодный контекст для восприятия зданий и особняков, стоящих по периметру, но в Вязниках не только на центральной площади уцелела старая застройка.

Две улицы, окружающие площадь, — Советская (ну а как же иначе?) и Благовещенская — остались

Вязники. Благовещенский собор

Вязники. Деревянный модерн

почти нетронутыми с начала XX века. И тут полное разнообразие стилей и решений. Классицизм, эклектика и очень много модерна, причем не только каменного, но и деревянного — купеческого.

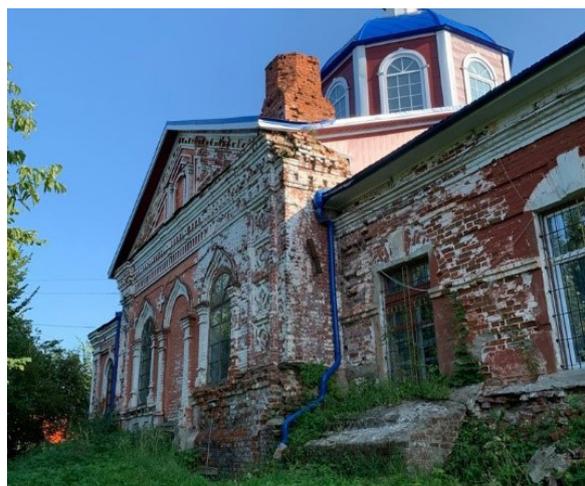
При въезде в центр города стоит грандиозный собор Благовещенского монастыря, построенный в 80-х годах XVII века с еще одной шатровой колокольней (настоящей — тоже XVII века).

А дальше все интересное на холмах. Собственно, как мы уже анонсировали, ландшафт города по русским меркам уникален. В Вязниках левый берег Клязьмы понижен и открывает вид на бесконечные леса. А на правом берегу — высокие холмы, даже не холмы, а настоящие горы. Они так и называются — Погостская гора, Манина гора. И даже без всякой архитектуры, если просто взойти на один из холмов и окинуть взором окрестности, то это произведет сильнейшее впечатление. За Клязьмой, среди лесов, расположено несколько церквей — когда-то там были погосты — и два или даже три можно увидеть с холмов Вязников.

И на самих холмах тоже есть что посмотреть. В первую очередь на Маниной горе. Про Троицкую

Вязники. Троицкая церковь. За ней — замок с башенками — усадьба фабриканта Сенькова

Вязники. Собор Введенского монастыря

церковь и ее шатровую колокольню мы уже говорили. Но там вокруг еще несколько очень интересных зданий, в том числе готический замок с башенками, построенный фабрикантом Сеньковым в 1912 году.

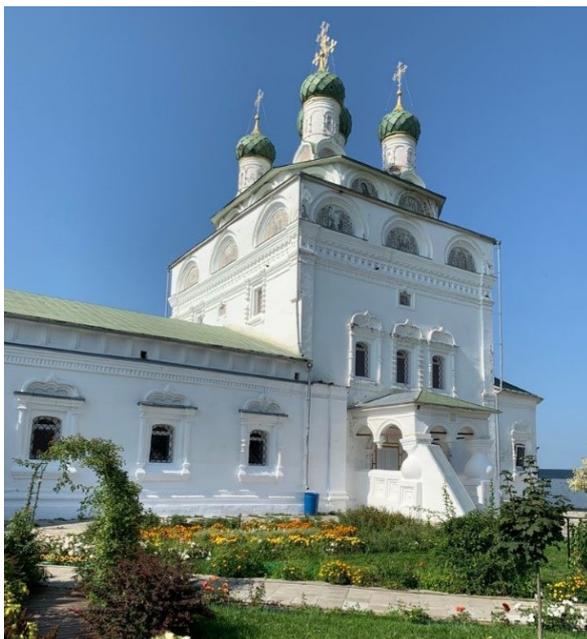
От Введенского монастыря, который расположился на подъеме Маниной горы, почти ничего не сохранилось — только одна церковь, стоящая на крайне живописной полянке. Впрочем, не только сама полянка, но и дорога к монастырю — вверх по холму по деревянной лестнице между домов и деревьев — крайне живописна.

Церковь тоже очень примечательна. Но вовсе не архитектурой. Она только номинально построена в XVII веке, на деле она до неузнаваемости перестроена в XIX. Интересно тут совсем другое. Церковь хоть и действующая, но до сих пор осталась такой, какой была в советское время. То есть буквально — заходишь в церковь и попадаешь в коридор советского учреждения или общежития. С какими-то перегородками и дверями. За одной из дверей обустроен алтарь, и там проходят службы. Мы все читали про то, как из церквей делали общежития, но увидеть, как это было, да еще и в действующей церкви — редкая возможность. И, кстати, что там в глубинах этих коридоров таится? Если пооткрывать все эти двери, может, и обнаружится что-то и правда из XVII века. Ну пусть не роспись, но хотя бы кладка.

Окрестности. Мстера

Вокруг Вязников тоже много чего интересного. И в первую очередь Мстера. Один из главных центров русской иконописи XIX века. Конечно, иконопись XIX века — это тоже скорее ремесленное производство, чем живописное и религиозное творчество. А потому город очень похож на торгово-ремесленные Вязники. Тут тоже очень хорошо сохранилась историческая застройка, особенно на главной улице, которая почему-то называется Ленинградская.

Тут тоже монастырь (Богоявленский) — на центральной площади, только он уцелел, и центральная площадь выглядит куда более цельно и аутентично: монастырь, по периметру общественные здания и ку-

Мстера. Богоявленский собор Богоявленского монастыря

печеские дома, а, в центре — торговые ряды. Торговые ряды, расположенные прямо напротив монастыря, совсем не случайный элемент русской провинциальной городской структуры.

Центральный собор — классический бесстолпный храм XVII века — выглядит очень необычно за счет неожиданной конструкции крылец: главное крыльцо сделано как галерея. Внутри основного храма смотреть нечего, но зато в стоящей рядом зимней церкви, которая не закрывалась в советское время, все сохранилось, включая старые иконы. Да и сама церковь вполне любопытная, с барабанами, украшенными по кругу изразцами. Такими же изразцами был украшен и купол. Это выглядело очень необычно и по-настоящему красиво. Во всяком случае, если судить по фотографиям, в том

Мстера. Деревянный модерн. Дом Козловых, 1916 год. В городе его называют «дом с рогами»

числе совсем недавним. Но сейчас ничего такого там нет. Местное церковное начальство решило обновить купол, исходя из своих представлений о красоте, и теперь над храмом возвышается глава, покрытая ярким железом с позолотой.

Монастырь обнесен стенами. Не так, чтобы могучими, но подняться на них и осмотреть окрестности все равно имеет смысл, благо людей туда пускают и даже обустроили смотровые площадки.

Налескино. Архидьяконский погост

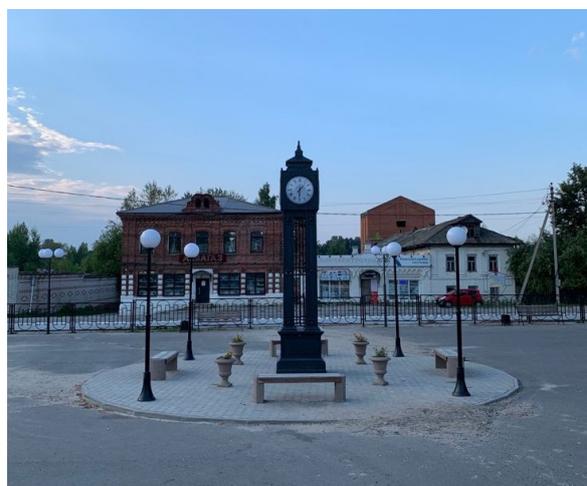
Посередине между Вязниками и Мстерой. В этом месте Клязьма очень близко подходит к дороге, и можно прямо с обочины подойти к реке, которая в этом месте широкая и величественная. Само Налескино на горе. Когда-то тут был знаменитый «двойник» — каменная церковь Стефана Пермского, а рядом деревянная церковь с высокой кровлей. Этот двойник попал на многие миниатюры XIX века. Каменная церковь сейчас в руинах, а деревянная обрушилась в начале нулевых. И вот недавно на ее месте построили точную копию старой церкви, но из новых материалов. И выглядит она не особенно впечатляюще. Ну церковь и церковь.

Село Николо-Горы

Тут частично сохранился храмовый комплекс с церковью XVIII века. От старой церкви XVII века осталась только трапезная — тут теперь пожарная часть — и шатровая колокольня. На окраине старое кладбище с оградой, монументальными воротами и башнями по углам. Кладбищенская церковь внешне не слишком выдающаяся, но с очень богатым и интересным внутренним убранством. Она тоже не закрывалась в советское время, и там сохранилось все, как было, и это как минимум интересно.

Успенский погост

Два храма: один начала XVIII века в стиле узорочья и второй монументальный XIX века. Ну и места опять же очень красивые: погост стоит на пригорке, и виды тут открываются очень впечатляющие.

Николо-Горы. Центральная площадь со старой застройкой. В центре площади зачем-то поставили железный Биг-Бен

В Россию по Егорьевскому шоссе

Праздники — самое время посмотреть на Россию. Дело это для русских людей не совсем привычное, но, как нам кажется, очень важное. Для того, собственно, мы и затеяли наш «Север», чтобы поговорить о том, как и куда смотреть, чтобы увидеть Россию.

В том числе и буквально. Предлагать места и маршруты. С маршрутами, впрочем, есть одна проблема: мы понимаем, что далеко не все наши читатели живут в Москве и что, ставя исходную точку наших маршрутов в Москве, мы потакаем тому, с чем твердо обещали бороться. Речь, разумеется, про московоцентризм. Понимаем. Но никаких других вариантов не придумали. А потом просим извинение, разводим руками и едем все-таки из Москвы.

Москва-Егорьевск

Сразу на выезде из Москвы — Котельники. Звучит устрашающе, но в последней четверти XVII века эти земли были царским селом. А потому в 1680 году тут была построена очень красивая церковь. Двухэтажная (с двумя рядами окон), пятиглавая (с легкими глухими главками), на подклете и с высокой трапезной. Даже когда в XIX веке к ней пристроили колокольню, то все равно она не стала похожей на классический корабль. Вроде по всем признакам московский корабль, но нет — тут что-то совсем другое, более сбитое и строгое. В общем есть на что посмотреть.

Совсем рядом город Дзержинский. Звучит еще страшнее. Однако тут расположен знаменитый Николо-Угрешский монастырь. Знаменит он в первую очередь своей иерусалимской (палестинской) стеной, построенной в 19 веке и выглядящей максимально причудливо. Кроме того, здесь огромный русско-византийский храм того же XIX века и еще очень много всего пафосного. Очень красивый одноглавый храм XVI века до нашего времени не дожид, однако недавно его воссоздали. Воссоздали даже не плохо, но по какой-то причине так, что невозможно обмануться и не увидеть в этой церкви обычный новодел.

Палестинская стена Николо-Угрешского монастыря

Но нам через Люберцы на Егорьевское шоссе. И дальше по нему до Егорьевска. По дороге тут тоже есть на что посмотреть и о чем задуматься. Красково — до революции это было одно из самых модных дачных мест. Впрочем, сейчас от всего этого великолепия осталась только пара руин и симпатичная церковь XVIII века. А ведь именно тут Чехов придумал своего Лопухина, который собирается спасти вишневый сад, порубив его на дачные участки.

Дальше сразу за «бетонкой» Гжель. То самое место, где делают самую узнаваемую в России бело-голубую керамику. Собственно, само село Гжель никогда не было центром фарфорового производства — главные производства были дальше по дороге в селах Речицы и Новохаритоново. Кстати, в Новохаритоново надо обязательно заехать. Там стоит храм, построенный в 1912 году по заказу знаменитого владельца фарфоровых заводов — Ивана Кузнецова. Очень интересная церковь неорусского стиля, отсылающий к церкви Вознесения Господня в Коломенском. И, кстати, мы о ней уже писали, когда разбирались со старообрядческим модерном.

А дальше по Егорьевскому шоссе мы как раз попадаем в старые промышленные центры старообрядчества от Гуслиц (сейчас город называется Ильинский погост) до Егорьевска. Про Егорьевск у нас есть небольшой текст, а потому, в отличие от вас, которым советуем задержаться там и получить удовольствие от архитектуры богатого старообрядческого промышленного города, сразу двигаемся дальше в Касимов.

Егорьевск — Касимов Мещера. Клепиковские озера

Где-то в 70 километрах от Егорьевска начинаются удивительной красоты места — Мещера. Трасса идет через каскад очень красивых озер. Этот каскад начинается сразу на границе между Московской и

Егорьевск. Здание Механико-электротехнического училища (1907 г.). Построено на средства купца Михаила Бардыгина

Вид на озеро Белое

Рязанской областями. Там же, рядом с озером Святое, возле поселков Евлево и Мещерский бор, не пропусти- те поворот к Александро-Мариинскому монастырю. Он совсем недалеко от трассы — меньше километра. Монастырь этот хоть и совсем не старый — основные строения конца XIX века, и внутри испорчен нелепыми советскими постройками — тут был дом отдыха изда- тельства «Известия», но там есть на что посмотреть, да и просто очень приятно пройтись. Природа и виды там завораживающие.

Насчет видов, прямо на озере Белое есть ресторан с верандой, называется, кажется, «Паруса». За каче- ство еды не ручаемся, но сама возможность поесть с видом на прекрасное лесное озеро кажется очень привлекательной.

Сразу за каскадом озер — село Спас-Клепики. Тут в школе учился Есенин, и эта школа даже сохранилась. Там, разумеется, музей. Есть еще старый деревянный храм. Но самое интересное — центральная площадь. Та, что между улицами Есенина и Просвещения. На- стоящая старая провинциальная площадь в форме каре с почти полностью сохранившейся застройкой начала XX века.

Что касается храмов, то в мещерском районе стро- или в основном деревянные церкви и почти ничего не сохранилось. Только в Туме (23 километра от Спас- Клепиков по трассе) была построена в начале XX века каменная церковь. И она как раз совсем не банальная. Архитекторы модерна не очень любили классицисти- ческую церковную архитектуру, а тут прямая и очень эффектная игра с формами и пропорциями екатеринин- ской эпохи. На выходе получилась очень любопытная церковь, которая выглядит как церковь XVIII века, но с дополнениями и смещениями, делающими ее контур и структуру одновременно и предельно узна- ваемыми и совсем неожиданными. Роспись начала XX века тоже сохранилась.

Гусь-Железный. Сынтул

На подъезде к Касимову город Гусь-Железный — некогда один из центров империи сталепромышлен- ников Боташевых. От заводов, административных

корпусов, особняков, парков и искусственных озер тут почти ничего не осталось. Но именно почти. В центре города стоит грандиозная готическая базилика — очень похожая на те, что мы видим на открыточных видах старых английских городов. Это местный православный храм Троицы Живоначальной, построенный по заказу Боташевых в середине XIX века.

Уже совсем на подъезде к Касимову налево от трас- сы еще одно старое промышленное село — Сынтул. Тут тоже были заводы Боташевых, и от них осталось даже несколько старых корпусов. Кроме того, там большое и очень красивое озеро с плотиной конца XVIII века. А также две старые деревянные церкви, расположен- ные друг напротив друга, но разделенные небольшим оврагом. Все это — и церкви, и овраг, и мостик между ними — выглядит очень живописно.

Касимов

В середине XV века московский князь Василий II пожаловал сыну Казанского хана Касыму Городец Ме- щерский. Который с тех пор стал именоваться Касимов и был под управлением Касима и его потомков. Исто- рики много спорят, что это было. То ли удел за верную службу, то ли дань за освобождение из плена. Но вот в центре России появилась и существовала почти 200 лет небольшая территория, населенная и управляе- мая татарами (разумеется, мусульманами). Даже когда в XVI веке Иван Грозный взял Казань и уничтожил Казанское ханство, Касимовское ханство продолжило существовать. Собственно, в Касимов и была отпра- влена последняя правительница Казани Сююмбике. Тут она и умерла.

Русских здесь не притесняли, татар, разумеется, не трогали. Все как-то жили и развивали город. Такая вот невероятная для древнерусской жизни история смешения разных вер, культур и языков. Без особых конфликтов, ненависти и взаимоуничтожения. И все это продолжа- лось почти 500 лет — пока большевики не извели ре- лигиозной ненависти, а просто потому, что в Касимове жили в основном зажиточные татары, и именно по ним пришелся основной удар советской власти.

Гусь-Железный. Церковь Живоначальной Троицы

Касимов. Старая мечеть

Итак, мы оказались в совсем необычном для центральной России городе, где старые православные храмы соседствуют с еще более старыми мечетями и минаретами.

Начнем с мечетей и минаретов. Самое старое здание города — Старая Ханская мечеть. Точнее, ее минарет, который сохранился от самой старой мечети и датируется концом XV века. И выглядит очень аутентично — как древняя башня. Сама же мечеть построена тут в конце XVIII века. Кроме минарета в городе есть еще две ханские усыпальницы XVI века: Текие Шах-Али хана и Текие Афган-Мухаммед султана. В Касимове есть еще и Новая мечеть. Новая — это название, а построена она была более 100 лет назад, в 1906-м.

С православными храмами тут все тоже очень хорошо. Как минимум шесть прекрасных церквей. Причем три из них построены в том очень выразительном стиле рубежа XVII–XVIII веков, который развивает русскую традицию. Играя с ней и наполняя ее новыми элементами структуры и декора.

И расположены они весьма компактно. Сразу три на Соборной площади. Там же несколько старинных особняков и торговые ряды, созданные местным гением,

Касимов. Троицкая церковь

архитектором Иваном Гагиным (скорее всего, именно он построил тот удивительный собор в Гусь-Железном). Но они в ужасном состоянии и в вечном ремонте.

По общей структуре это вполне типичный XVIII век. Но есть одно радикальное решение, которое делает эту церковь совсем неожиданной и эффектной. Колокольня окружена открытыми галереями (в XVIII веке так не делали, это прямо взято из традиции XVII века, вопреки логике своего века). В сочетании с арками у основания колокольни создается очень неожиданный эффект средневековой башни. И этот эффект усиливается, если смотреть с реки — церковь стоит на высоком берегу Оки и издалека выглядит именно как великолепная башня.

Еще две церкви на соседней улице. И только одна, но, наверное, самая красивая, — на некотором удалении возле Новой мечети (церковь Богоявления Господня).

Сам некогда очень богатый и разнообразный город сейчас в ужасном состоянии. То, что сохранилось из гражданской архитектуры, рушится и уничтожается на глазах. В прошлом году сгорел дом купцов Барковых — деревянный особняк XIX века с большой каменной колоннадой. Сейчас осталась только колоннада. Усадьба Кастровых — настоящий дворец на берегу Оки — тоже в руинах. Ее, правда начали реставрировать, но почему-то с забора. Более или менее прилично выглядит особняк купца Алянчикова, где расположен очень неплохой местный музей, но это с фасада, со двора там картины из постапокалипсиса. Впрочем, в любом случае стоит пройтись по главной улице — Советской, разумеется: там, пусть и в небрежении, много интересных домов и особняков из XIX, начала XX веков. Город и правда когда-то был живым и богатым.

Касимов — Муром

От Касимова до Мурома по трассе 90 км. Можно сделать небольшой крюк в 30 км и заехать в Елатьму. Сейчас это депрессивный рабочий поселок, но до революции это был большой уездный город и важный порт на Оке. Из остатков былого великолетия — несколько храмов и с десяток старых каменных домов и усадеб.

Итак, едем в Муром. Если скучно по трассе, можно по чуть более живописной дороге вдоль Оки через село Ляхи (лишних 10 км.). В Ляхах на высоком берегу Оки большая церковь начала XIX века. Ничем особо не выдающаяся, но стоит она в очень живописном месте, особенно сейчас, в мае, когда Ока разливается.

Муром

Муром — потрясающий город. О нем надо писать отдельно. Тут прямо совсем много всего.

Четыре (!) старых монастыря. Самый большой и знаменитый — Спасо-Преображенский монастырь. Место паломничества и все такое. Это грандиозный комплекс с кучей новодела, но все-таки основу его составляют старые — в том числе XVI века — храмы.

В самом центре города сразу три монастыря. Троицкий, Благовещенский и Воскресенский. Каждый с очень красивыми соборами XVII века. Помните, мы писали про московское узорочье, про легкие хра-

Муром. Троицкий (на переднем плане) и Благовещенский монастыри. Чуть дальше — Воскресенский

мы с изящными главками, с горками кокошников, богатым и предельно разнообразным декором. Так вот, в Муроме такие церкви стали строить едва ли не раньше, чем в Москве. Причем своим особым манером — в котором это пиршество декора сочеталось со строгостью линий и композиций (отсюда и жесткая ориентация на моноцветное решение — побелку). Собственно, этот особый тип храмов часто называют Муромским (или Муромско-Суздальским) узорочьем.

Это настоящие шедевры. А в Благовещенском соборе еще и росписи сохранились. В Троицком монастыре вообще много всего, в частности там находится старая деревянная церковь Сергия Радонежского. Сюда ее перенесли из села под Муромом, но перенесли давно, еще в самом начале XX века.

Кроме всего вышеописанного — Церковь Космы и Дамиана, Церковь Стефана Архидиакона, Николо-Набережная церковь и еще много-много всего. Про церковь Космы и Дамиана надо все же сказать отдельно. Эта шатровая церковь была построена на высоком берегу над Окой еще в XVI веке. Но потом — в 1868 году — из-за смещения грунтов шатер обвалился, и с тех пор

Муром. Церковь Космы и Дамиана

она стояла просто без верха, а церковные службы были перенесены в соседний храм. В советское время специалисты предлагали разные варианты реставрации, но так и не смогли решить проблему адекватного восстановления старого шатра. Потом храм передали церкви, и тут же нашлось решение. Архитектор Алексеев решил просто нахлобучить на церковь XVI века такой же шатер, какой ставят на обычных новодельных церквях. Пожалуй, это тот случай, когда лучше бы уж оставили руины.

И еще. В Муроме отличный музей. Совсем неплохая картинная галерея. И галерея, и краеведческий музей расположены в доме Зворыкиных. Кстати, в этом доме родился Владимир Зворыкин, который после революции эмигрировал в США и там изобрел телевизор (точнее, был одним из отцов-основателей этой технологии).

Можно заехать на окраину Муром в Карачарово. Там даже есть табличка на каком-то доме: «Этот дом стоит на месте, где родился Илья Муромец». Мне, например, с детства хотелось узнать, какое такое это Карачарово.

Муром — Владимир — Москва

От Муромы трасса идет во Владимир — 130 км. Про Владимир и его великие памятники XII–XIII веков мы писали отдельно. Как и про «самое главное место в России», расположенное в нескольких километрах от Владимира возле села Боголюбово.

Но по дороге во Владимир будет еще одно место, которое совсем нельзя пропустить. Судогда, а точнее, село Муромцево. Там когда-то была усадьба Владимира Храповицкого, для которого архитектор Петр Бойцов в конце XIX века построил роскошный дворец в стиле радикальной эклектики. Ну а сейчас тут развалины, производящие совершенно грандиозное впечатление.

А поэтому надо торопиться. Усадьбу вот-вот начнут реставрировать, и вместо сказочного чуда невероятных по масштабу и красоте развалин тут появится что-то совсем не чудесное и очень похожее на элитную московскую застройку начала нулевых или дачные поселки бывших топ-менеджеров Газпрома.

Развалины усадьбы Храповицкого

Прекрасные и неочевидные города Московской области

Зимние путешествия по России имеют свою специфику. И дело тут не только в холоде. Не менее значимо то, что зимой короткий день: в декабре-январе уже в 16 часов темно, к концу января день увеличивается до 17 и так далее, но все равно зимой крайне ограничено время, когда можно любоваться окружающими красотами при свете дня. Что еще? Деревья. Зимой нет листвы на деревьях, и это радикально меняет возможности обзора: то, что раньше скрывалось за кронами, теперь видно вполне отчетливо. А потому зимние виды на улицы, площади, церкви, а также поля, холмы и реки часто совсем другие. Ну и, конечно, снег. Снег тоже очень многое меняет в восприятии. Одно дело, когда церковь Иоанна Предтечи в Толчкове (та, что на тысячерублевой купюре), уникальность фасада которой основана на игре красно-коричневого и зеленого цветов, предстает перед нами летом на фоне зеленой травы и деревьев. И совсем другое, когда вся эта игра не утопает в зелени, а подчеркнута белым фоном (снег не только внизу на земле, но и на крыше).

Еще одним важным зимним ограничением является график функционирования церквей с сохранившимися фресками. Все музейные объекты с выдающимися фресками зимой просто закрыты — с 15 октября по 15 апреля. А потому ехать в Ростов, Ферапонтово, Ярославль зимой, если ваша цель — именно фрески, не имеет смысла. Впрочем, в последние годы появились исключения из этого правила. Там, где храмы с росписями передали церкви, доступ открыт круглый год. Может, со временем такой режим работы приведет к ущербу для росписей, но сейчас у нас есть возможность даже зимой видеть всю эту русскую красоту.

Итак. Подмосковье. Про Коломну, Волоколамск, Дмитров, Можайск, Сергиев-Посад все более или ме-

нее знают и понимают. Но есть в Подмосковье места не очень известные, зато очень любопытные. Такие, что вполне можно полностью осмотреть за короткий зимний день, получив по-настоящему сильные впечатления. И, да, зимой, наверное, очень важно, чтобы города и городки эти были благоустроены хотя бы в центральной части.

Верея

До Вереи от Москвы около 100 километров. Находится она в Наро-Фоминском районе, но добираться, пожалуй, проще через Можайск: оттуда до Вереи 22 км. Можно, конечно, заодно и туда заехать, но надо учесть, что сам Можайск — в числе самых насыщенных историческими красотами городов Подмосковья (один Лужецкий монастырь с двумя церквями XVI века чего стоит!) и заезжать в него имеет смысл, если ваше путешествие не ограничено одним зимним днем.

Но мы сейчас предположим, что в Можайске вы уже были, и направимся дальше — в Верею. От древнего города-крепости, известного с XIV века, уже давно ничего не осталось: его доконали польско-литовские войска в 1610–11 годах. Зато прекрасный русский торгово-ремесленный город, стремительно развивавшийся с середины XVII века, сохранился тут очень хорошо. Структура и рельеф города устроены так, что скорее выигрывают от зимней картинки.

А еще Верея — удивительное место, где на очень небольшом пространстве (Верея самый маленький город в Московской области) сосредоточены очень крутые образцы русской церковной архитектуры разных эпох. Не просто типичные, а именно вполне выдающиеся, ну или как минимум очень интересные церкви XIX, XVIII и XVII веков. То есть что-то вроде естественного музея русской церковной архитектуры.

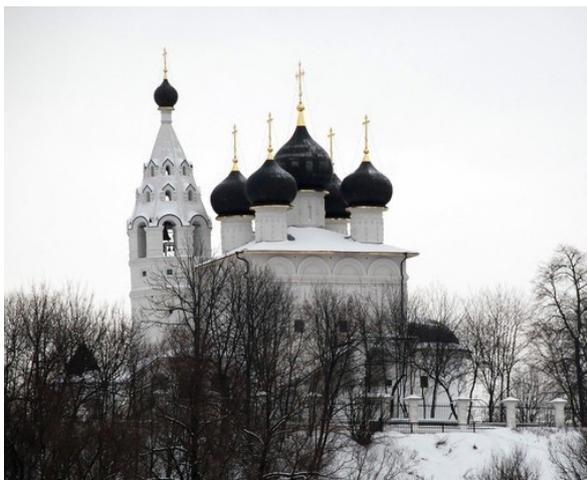
Церковь XVI века тут тоже есть — Собор Рождества Христова, но образцовой ее назвать сложно. От старого белокаменного храма остался только основной объем.

Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове. Ярославль. 1687 год

Верея. Собор Рождества Христова

Верея. Вхо́до-Иерусалимский храм Спасовходского монастыря

Трапезная с приделами была пристроена в XVII веке, а в первой половине XVIII века разобрали старые своды и на их место поставили восьмерик с куполом. Впрочем, выглядит она все равно очень любопытно.

Вхо́до-Иерусалимский храм Спасовходского монастыря. Это вытянутый вверх пятиглавый кирпичный храм на высоком подклете с шатровой колокольней у северо-западного угла. Колокольня буквально пристроена к храму, что делает весь комплекс сбитым и устремленным вверх. В 10-х годах нынешнего века храм отреставрировали и сделали это очень неплохо.

Церковь Богоявления Господня. Это очень достойный образец церковной архитектуры последней четверти XVIII века — бесстолпный «восьмерик на четверике» с четко выраженной ярусной композицией, множеством окон и низкой трапезной. Выглядит все это как аккуратный и очень приятный глазу двухэтажный дом, к которому сверху пристроен купол. Завершает композицию трехъярусная колокольня, которая повторяет структуру «восьмерик на четверике», но за счет большого окна и шатрового завершения уравновешивает

Верея. Церковь Богоявления Господня. Фото: Николай и Надежда Гусевы

Верея. Церковь Ильи Пророка

вает громоздкий купол самой церкви, так что все это вместе выглядит уютно и гармонично.

Церковь Ильи Пророка. Это уже XIX век, самое его начало. Этот храм тоже выглядит как дом — высокий, сбитый, с очень небольшой, но тоже достаточно высокой трапезной, к которой пристроена трехъярусная колокольня с открытыми арками.

Покровский собор. Ну и наконец в Верее сохранилась одна из самых старых старообрядческих церквей России. Она была построена сразу после пожара 1812 года: во время наступления французов на Москву Верея очень сильно пострадала.

Формально она строилась не как церковь (старообрядческие церкви были в России запрещены до 1905 года), а как молельный дом. Собственно, и визуально это просто очень аккуратный одноэтажный каменный дом. Потом, после указа о веротерпимости 1905 года к дому пристроили высокую колокольню из красного кирпича и небольшой купол. Уникальность этой церкви не в архитектуре, а в том, что она все время просуществовала как действующая. Пережила все гонения на старообрядцев в XIX веке, а также еще более серьезные гонения на все конфессии при советской власти. И, как следствие, там сохранились по-настоящему старые иконы: старообрядцы не признают иконы, написанные после раскола (после 1654 года).

Зарайск

Расположен в 145 км к юго-востоку от Москвы на берегу реки Осетр.

Впервые Зарайск (тогда еще город носил название реки) упоминается в летописях в середине XII века. С XVI века — это важная крепость на южных границах в составе Большой засечной черты, системы крепостей для защиты Москвы от набегов крымских татар. В 1528–1531 годах по приказу великого князя Василия III в Зарайске был построен мощный каменный кремль с семью башнями, толщиной стен до трех метров и высотой до девяти. Считается, что построили его итальянские архитекторы.

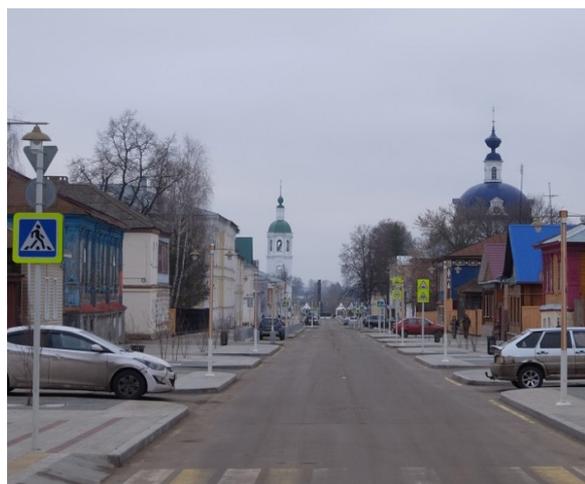
Собственно, эта крепость и является главной достопримечательностью города. В самом кремле рас-

Вид на Зарайский кремль

положены две церкви: очень красивый Никольский собор — почти полностью сохранившийся XVII век; другая построена в начале XX века, но выглядит она как типичная церковь конца XVIII века. Кроме того, здание присутственных мест, построенное как раз в конце XVIII века, и здание бывшего Зарайского духовного училища, в котором сегодня размещается музей Зарайского кремля.

К северо-востоку от кремля расположен Гостиный двор (конец XVIII века) и многочисленные двухэтажные особняки XIX века. Тут, возле Гостиного двора, недавно закончили реконструировать центральную площадь и прилегающие улицы. Особенно постарались на Красноармейской, которая идет к Водонапорной башне начала XX века — это еще одна местная достопримечательность и доминанта. И сделали эту реконструкцию очень хорошо, по всем

Так выглядят центральные улицы Зарайска после реконструкции

законам и нормам современной урбанистики. Разумеется, в 100 метрах от этой площади и нескольких центральных улиц все выглядит куда менее приятно, но тут вполне живое и очень человеческое пространство.

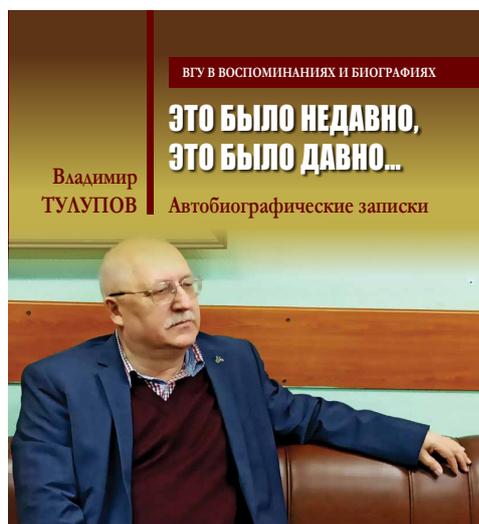
Попасть в Зарайск по железной дороге очень просто, но от станции Котельники сюда ходит автобус. Также сюда можно доехать на автобусе из Коломны или Луховиц. Но если на машине, то имеет смысл ехать по дороге через Каширу. Тут довольно много любопытных церквей и зданий XIX века, но главное — вид через Оку на Свято-Троицкий Белопесоцкий монастырь. Этот вид и летом очень хорош, но зимой в хорошую погоду может произвести сильнейшее впечатление.

Впервые опубликовано на: <https://republic.ru/posts/99849>

Павел Пономарев Альбом памяти

По канонам художника, им самим о себе сказанным

Рецензия на: Тулупов В. В. *Это было недавно, это было давно...: автобиографические записки* / В. В. Тулупов. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. — 130 с., ил. — (ВГУ в воспоминаниях и биографиях).

***

Но остался надолго этот вальс из кино...
М. Матусовский

Рефреном этой песни, отрывок из которой процитирован выше (а сама песня впервые прозвучала в советском фильме «Друзья и годы», вышедшем в 1965 году), Владимир Васильевич Тулупов назвал свою новую книгу.

Книгу воспоминаний.

А если уж быть совсем точным — «автобиографические записки».

Так обозначен жанр всех книг, выходящих в серии Издательского дома Воронежского госуниверситета «ВГУ в воспоминаниях и биографиях».

В 2018-м — «Время жизни: Книга о Владимире Наумовиче Эйтингоне» и «Мой университет. Записки вечного студента и размышления старого профессора» Валентина Сидоровича Рахманина.

В 2019-м — «Тогда...» Льва Ефремовича Кройчика.

2020-й, как известно, не мог не оставить свой след даже в издательской сфере.

Об авторе: Павел Пономарев – аспирант факультета журналистики ВГУ.

И вот, 2021-й — «Это было недавно, это было давно...».

Автор — декан журфака ВГУ, теоретик и практик журналистики Владимир Васильевич Тулупов. Автор научных пособий, художественно-публицистических книг, стихов, картин. Человек многогранный и незаурядный. Назовём его просто — «художник». Определение, которое должно вместить и широту таланта, и круг деятельности.

О художнике

По-моему, это универсальное для серии определение жанра — «автобиографические записки» — предельно точно отражает формально-содержательную действительность выходящих в этой серии книг. Издания составляют главы — так называемые «мемуарные эссе», — выстроенные в хронологическом (за редким исключением) порядке и отражающие не только биографическую сторону автора — историю его жизни — но в не меньшей степени (а иногда с перевесом) — авторский образ мышления. Мироощущение. Индивидуальность взгляда на окружающую действительность. Всё это, как известно, всегда свойственно эссеистике.

На формальной составляющей книги стоит остановиться подробнее: в случае с Владимиром Васильевичем эта история — отдельная. Кто знаком с областью научных и профессиональных интересов автора, поймут, о чём речь.

Тема кандидатской диссертации — «Оформление молодёжной газеты. Теория и практика (на материале областных газет РСФСР)».

Тема докторской диссертации — «Дизайн и реклама в системе типологических признаков российских газет (филологический, философско-психологический и творческий аспекты)».

Создатель композиционно-графических моделей воронежских печатных брендов, таких как «Воронежский курьер» и его временный alter-эго «Независимый курьер»; «Коммуна» и «Молодой коммунары».

Создатель авторских учебных курсов «Моделирование в журналистике» и «Изобразительная журналистика». (Не перечисляю остальные — по технике и технологии СМИ, рекламе и медиаобразованию...)

Заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики ВГУ, у истоков которой стоял в девяностых годах. (С 1997-го — кафедра СМК и рекламы; с 2006-го разделение на две кафедры — связей с общественностью и рекламы и дизайна; наконец, с 2019-го — вновь объединение, с сохранением двух отдельных секций.)

Думаю, достаточно ясно из перечисленного, что не подойти к созданию книги воспоминаний с точки зрения креативности — «модельности» — оформления Владимир Васильевич не мог.

И — подошёл.

О форме. Три нестандартных решения для серийного стандарта

Во-первых, формат — стандартный для серии «70×100» превратился в «84×90». Непосвящённым в тонкости печатного дела цифры ни о чём не скажут. А на практике книга вытянулась в ширину и сократилась в длину, приняв не вполне стандартный для книги вид, а став похожей на... Умный читатель, вспомнивший хобби «мемуариста», догадается — на альбом для рисования. (Что характерно — в мягкой обложке, и непредвиденные трудности издательского производства вдруг невольно сыграли на руку книге — на её концепцию.)

Во-вторых, вёрстка — она из стандартной для серии одноколоночной (грубо говоря — сплошной текст на странице) превратилась в двухколоночную (две колонки на странице), тоже не вполне свойственную художественному изданию (а в нашем случае именно художественному — от слова «художник», как мы выяснили выше). Посчитаем этот ход тоже отсылкой к биографии автора (книга воспоминаний как-никак) — классического газетчика (выражение по нынешним интернет-временам сродни тавтологии), профессионального верстальщика. Теоретика и практика техники и технологии печатных изданий.

И книга-альбом (а может, книга-газета?) богата на иллюстрации: обложки авторских трудов; репродукции картин; рисунки, шаржи, карикатуры. Но преимущественно, разумеется — фотографии разных лет. Лица родные и ближние — родители, семья, друзья, коллеги (по станку, по цеху, по кабинету, а в сущности — по жизни). И конечно, сам герой. Лица, лица, лица...

И в-третьих (может быть, самое любопытное формально-содержательное авторское решение) — выноски «на полях». В других изданиях серии подход авторов к наполнению книги содержанием и его оформлению был условно классический — главы книги/жизни шли размеренно друг за другом, перемежаемые фотографиями и подписями к ним. Никакого «инотекстового» вторжения. Владимир Тулупов — автор с глазом визуала и рукой дизайнера-верстальщика — добавил в книгу раздел «На полях», которым сопроводил почти каждую страницу правой стороны издания.

Может, это рубрика; может — колонка; может — книга в книге; а по сути — это отрывки из авторского сборника эссе «Азбучные истины», ранее изданного и переизданного. Привычные миру понятия и явления, пропущенные через собственный опыт. «Субъективные представления и переживания», ставшие «моей» (не моей, а автора, приглашающего к сопереживанию — значит, и моей) историей.

И отрывки из жизни, вынесенные на (но не за) поля книги, графически отделённые от основного текста фоном и заголовочными элементами, превратились в любопытные философские размышления — заметки журналиста, публициста, эссеиста.

О содержании

А что же в книге осталось от серии, кроме её названия и темы? (А разве этого мало? — спросите вы.)

Декан журфака Тулупов всегда был адептом традиций — в профессии, в науке, в образовании. Книгу воспоминаний, которую посвятил 60-летию журналистского образования в ВГУ, начинает с традиционного для серии афоризма. Вернее, с двух афоризмов.

С латинского «Gutta cavat lapidem non vi sed saepe cadendo». Знаю, что это — один из излюбленных перлов автора на латыни. Часто поминает его к случаю: «Капля долбит камень не силой, но частым паденьем». О чём это Владимир Васильевич? Об учительской модели? О подходе к студенту? А может, к обществу — к государству, ещё пока мало чуткому к проблемам образования и культуры, прессы и телевидения. К тому, что можно обобщить одним хорошо знакомым автору словом — «медиаобразование». Об этом, может быть?..

И — как в продолжение мысли — уже на русском: «Не ставьте перед собой мелких целей — они не обладают волшебным свойством волновать кровь». Приписывается, по словам автора, многим, но произнесено во время интервью выдающимся советским хоккеистом Анатолием Фирсовым. И в этом тоже — весь автор: не только журналист, но и, как известно, заядлый спортивный болельщик (в книге, «На полях», можно найти и такую «заметку» — «О футболе и хоккее»). Любитель на грани профессионализма: футбол, баскетбол, хоккей. Теннис, бильярд, шашки. Любимый «Спартак», за игрой которого традиционно наблюдал по вечерам, перебиваясь со Львом Ефремовичем Кройчиком: «Если «Спартак» проигрывает, он [завкафедрой] предлагает меня [декана] уволить с работы, если выигрывает — ничего не предлагает» [1, 70].

Любовь к спорту и к творчеству привил детям.

И биологическим: «Костя побеждал в пионерлагерной спартакиаде, Вася тоже с малых лет играл во всё подряд. Он и с Ксюшей частенько выходил во двор мяч погонять» [1, с. 104]; а потом Василий Владимирович защитит кандидатскую на тему «Репрезентация феномена спорта в процессе массовой социальной коммуникации».

И факультетским: сколько раз наши побеждали на «Первокурсниках» и «Студвёснах»?..

А футбольная команда журфака?

А традиционный ежегодный турнир воронежских журналистов по мини-футболу памяти телекомментатора Владимира Семёновича Затонского?!

О себе же в спорте Владимир Васильевич пишет: «Спорт сопровождает меня всю жизнь, но я абсолютно не жалею, что не стал заниматься им профессионально. Даже если что-то и получалось у меня в своё время в баскетболе (можно добавить: и в футболе. — П. П.), физические данные всё же были скромными, поэтому все игры я рассматривал как отдышки и развлечение, а приоритеты были иные...» [там же].

А мне кажется, жалеет. Хотя бы немного. Потому что читается — с грустью.

«Пусть не сладились, пусть не сбылись?»

О стиле

Квинтэссенцией того афоризма, процитированного в своё время Анатолием Фирсовым, а теперь в своей книге воспоминаний Владимиром Тулуповым, можно считать предпоследнюю главу этой книги, которая так и называется — «Творчески-спортивная».

Это — и о рисовании; и о стихотворчестве; и о спорте («драмкружок, кружок по фото, мне ещё и петь охота...»), — поминает автор «шутливые, но символические» стихи). О том, что так любит автор и что простые люди часто называют «хобби». Хотя лично я это слово не люблю — веет от него дилетантизмом. А назвать Тулупова «художником-дилетантом» нельзя — наверное, в первую очередь потому, что есть стиль: расхристанно-лёгкий, порою даже легкомысленный. А между тем разговор — о серьёзном учёном. Но не зря сам он уточняет, что эти почти каждодневные занятия живописью — «способ сосредоточиться, набраться сил, запастись положительными эмоциями» [1, 101–102]. И действительно: легкомысленность — с гармонией.

И тогда всё приходит в баланс: картины — с автором, автор — с собой. И мазки как эскизы, намёки выписывают очертания знакомого журфаковского дворика или университетского дома; гальковый берег моря или сонные горы. И — сочность, спелость красок, цветов, света (может быть, главное в этой живописи). Не зря ректор университета в шутку зовёт своего коллегу «великим импрессионистом»: шутка шуткой, а эмоция, ирония (иногда — грустная ирония, иногда — самоирония) и некая снисходительность — к самому себе — наверное, главное в живописи Владимира Тулупова. Который в шутку отмечает: «Я всегда настаиваю, что в рисовании я всё же не профессионал, и потому меня, любителя, критиковать нет смысла» [1, 101].

«А ещё — сделать приятное близким, друзьям, коллегам, которым раздариваю свои картины» [1, с. 102].

И вот он спешит своей частой, чуть вразвалочку, приземистой (хотя не сказать, что ростом низкий) походкой. Под мышкой — очередной холст в раме: подарок университетскому коллеге, другу-журналисту, студенту-призёру. Бывало, Владимир Васильевич попросит: «Паша, передашь картину? В подарок. У XXX юбилей. Ты там часто бываешь...» Как отказать, когда это — способ существования *в-мире* — в том, что вокруг, и с теми, кто вокруг.

Владимир Васильевич — друг.

О дружбе

И «Глава седьмая, дружеская» вышла особенной. Разделённая на главки, так и названные — по именам друзей, она, эта глава — как общая фотография, на которой за каждым лицом — биография.

Но что объединяет лица?

Фотография.

Дружба.

Жизнь — одна, общая, единственная.

Лазарь... Ринат... Вадик... Тихончч... Гааг... Петя... Лёша.

Семь историй — семь друзей, четырёх из которых (больше половины) уже не досчитаться.

Потому и глава — особенная.

Потому и жизнь — единственная. Которую наполовину не проживёшь.

И о каждом хочется сказать особенно — не то чтобы другие не обиделись, а чтобы подчеркнуть неповторимость (жизни) каждого.

И действительно — не повторится ведь.

Как сказать, что не будет больше Кулиничева?

Может, через его любовь к Воронежу?

«Он [Вадик] так хорошо улыбался в ответ, он был рад, он укладывал это в копилку своей благодарной памяти. Ему так хотелось, чтобы Воронеж прирастал хорошими, добрыми, умными, талантливыми людьми. Такими, каким он был сам» [1, 57].

Как сказать, что неповторим, невосполним Смирнов?

Может, через его любовь к правде?

«...при всей пристрастности, субъективности в отношениях и оценках, Тихончч держался одной — общей, объективной, если таковая в природе существует, правды. Потому и шли в его бедную каморку люди. И грешники приходили каяться, чтобы повинившись, услышав от Смирнова порой резкие слова, очиститься, освободиться...» [там же].

И наконец, как осознать, что нет больше Колосова?

«Лёша так неожиданно ушёл от нас, что эта рана до сих пор саднит...» [1, 60].

И — никаких словесно-образных изысков. Всё понятно и просто. Всё — ощутимо. Публицистика или журналистика большого стиля всегда стремилась к этим простоте, доступности и сопереживанию.

Но иногда и такого слова мало.

И тогда возникают стихи.

Фотография и слово –

Две незыблемых основы

Непростого бытия.

С Владимиром Васильевичем такое часто случается — когда в канву художественно-публицистического, мемуарного повествования встраиваются авторские (и не только) стихи. Они — как самый верный рычаг, который ищешь в момент потери опоры, в момент, когда все инструменты бессильны, и нужен самый надёжный, в силе которого не сомневаешься. Полузапретный, я бы сказал, приём, потому что в этот момент автор до предела обнажён и уязвим перед читателем, и у последнего нет выхода — ответить автору на его искренность.

А если не ответить?

А если — «по гамбургскому счёту»?

А если?..

«Фотография и слово» — это о Лёше Колосове. Об Алексее Алексеевиче Колосове — журналисте и фотохудожнике.

Всё это близко автору — слово и...

Возвращаясь к рисованию: «Я его [Кулиничева] тоже любил рисовать и всегда шутил, что мне, родившемуся в Башкирии, легко шаржировать Вадима Георгиевича, потому что нос и глаза у него почти как у Мустая Карима» [1, 56].

Здорово сказано.

И как тут забудешь, что в начале было всё-таки слово — и ничто другое.

У Владимира Тулупова, кажется, — тоже.

О слове

Первым своим учителем в журналистике декан журфака Тулупов называет кандидата филологических наук, доцента Валерия Георгиевича Сесюнина, который вёл специализацию на филфаке Башкирского государственного университета (БГУ). Тот факт, что почти вся студенческая группа, в которой учился Тулупов, осталась в профессии — в СМИ, — Владимир Васильевич связывает с учителем: «Сесюнин рассказывал о сложных вещах просто и с юмором, приводя примеры из журналистской практики, а она была достаточно богата: Сесюнин поработал в районной и в областной газетах, на телевидении. Был редактором телевизионных новостей и молодёжных программ (его по праву считали одним из первых в Башкирии спортивным телекомментатором)».

А ещё — Лев Григорьевич Бараг, Вера Сергеевна Синенко, Ромэн Гафанович Назиров, Давид Семёнович Гутман, Нина Степановна Дмитриева. В «Главе четвёртой, университетской» все они объединены автором под говорящим названием — «Легенды филфака». Имеется в виду БГУ — он дал автору не только знания и принципы, которые Владимир Васильевич сегодня исповедует, возглавляя один из ведущих журфаков страны («уверен, что только опора на гуманитарную — литературоведческую и лингвистическую — составляющую позволяет российским вузам готовить высококлассных журналистов, называемых публицистами» [1, 33]), но и — нечто «фундаментальнее». «Университет подарил мне супругу — Тамару ... университет подарил мне друга Лазаря Дановича ... с которым аукаемся по сей день: я звоню-пишу из Воронежа, а он — из Тель-Авива» [1, 35], — пишет с теплотой автор.

Но прежде деканского поста Владимира Тулупова ждала тоже достаточно богатая журналистская практика.

В студенчестве — башкирские газеты «Знамя Октября», «Уфимская неделя» (впоследствии стал её редактором), «Вечерняя Уфа», «Ленинец» (впоследствии — зам. ответсека). Об этом — в «Главе пятой, редакционной».

В аспирантские годы (уже в Воронеже) — «Молодой коммунар» (воронежский аналог «Ленинца»), «Воронежский университет», «Мебельщик». Об этом — в «Главе шестой, аспирантской».

Было и Башкирское журналистское агентство.

В девяностые — редакторство в воронежских еженедельниках «Утюжок», «Эфир-365», «Инфа». Об этом — в «Главе девятой, редакторской».

Всё это — параллельно с научной деятельностью. Уже в девяностых возникнет идея создания на журфаке ВГУ научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации», в котором журналистский опыт и практика соединятся с научными идеями и разработками: «Можно с гордостью констатировать, что основные параграфы и даже главы многих успешно защищённых докторских и кандидатских диссертаций впервые были напечатаны в «Акцентах»» [1, 86], — заключает автор.

В этом году «Акценты» отметили 25-летний юбилей. Неизменный редактор все эти годы — Владимир Васильевич Тулупов.

«Глава восьмая, историческая» посвящена воронежскому журфаку и его лицам. Журналистская точность и скрупулёзность в описании исторических фактов и процессов соединяется в этой главе с мемуарной ностальгией — по лицам, задержавшимся в памяти, по очертаниям прежних зданий и стен, по «окрылённости, подаренной временем»: «Временем когда царствовало Слово. Когда поэты собирали тысячные залы. Когда Литература, Театр, Кинематограф объединяли миллионы. Когда хотелось соперничать с великими и верилось, что это удастся» [1, 66].

О времени

Кто главные герои книги воспоминаний?

Автор и время.

Субъекты взаимодополняющие и друг друга конструирующие.

Время выписало автора — ребёнка послевоенных лет, юного «оттепельного» романтика, молодого человека семидесятых, репортёра «Перестройки», редактора и новатора девяностых, et cetera, et cetera (пусть читатель сам продолжит этот список).

Автор выписал время в своей книге мазками — призраками — тёплыми и светлыми:

- география детства: Уфа, Черниковка, Багряш, Курочкина гора;
- занятия детства; в книге это «детско-деловое» настроение особенно передано через «Азбучные истины» на полях — «О чтении», «О животных», «О лагере»: «Если спросить, какие ассоциации вызывает у вас слово “лагерь”, то наверняка большинство ответит что-то вроде: “Тури, тура, туристы...” Но были времена, когда на ум приходили другие значения: трудовой лагерь, концентрационный лагерь, лагерь капитализма, лагерь социализма. Представители же поколения, чьё детство выпало на *счастливые* (выделено мной. — П. П.) шестидесятые годы прошлого столетия, уверен, ответят однозначно: “Пионеры... Пионерский лагерь”» [1, 18–19];
- наконец, люди детства: родители, бабушки, деды, сёстры, двоюродные братья.

Детство — каким бы оно ни случилось — остаётся в памяти самым светлым мазком. Потому и время детства автора — пятидесятые, шестидесятые — со всеми трудностями жизни в послевоенных селе, городе, стране — выписано в книге с любовью: «Родители рано уходили на работу, а сёстры — в школу. <...> Проснувшись, я... шёл понуро к столу, где для меня были оставлены еда и альбом с красками. Позавтракав, я сажился рисовать и, малюя, зорко поглядывал из кухонного окна на дорогу: вот-вот должны появиться сёстры, которые обязательно принесут школьное пирожное по 10 копеек и детские книжки с картинками из библиотеки» [1, 7].

Знакомо, знакомо... И я, оставляемый родителями с книгами, карандашами и чистыми листами бумаги, что-то черкал в них — что-то из тех книг, срисовывая исторические баталии, портреты генералов и сановников, интерьеры дворцов и замков... Но увы — дальше кружка по рисованию и побед на районных конкурсах рисунков детское увлечение не пошло. Осталась память. А в памяти — ощущение чистоты, лёгкости, яркости — солнечного света за окном, карандашных штрихов, мальчишеского воображения... Всё это оно — детство. Разве детство каждого человека не похоже друг на друга?

Отец — Василий Иванович Тулупов, школьный учитель и впоследствии директор школы — был художником-самоучкой. Рисовал, копируя мастеров. «Наш дом был увешан копиями передвижников» [1, 12], — вспоминает Владимир Васильевич. Наверное, от отца — талант и любовь к живописи: «Отец, фронтвик, ушёл из жизни в сентябре 1964-го, успев отнести мои документы и рисунки в Уфимскую детскую художественную школу № 1...» [1, 28].

Отца — не хватило. Многого не успелось, и эта детская печаль, пролившаяся по жизни, сквозит и в книге:

*Мне десять лет, недавно умер папа,
и воет-плачет наш любимый пёс,
доверчиво мне подававший лапу...
Он горя, к нам пришедшего, не снёс:
не ел, грустил и вскоре запаршивел,
и умер зимней ночью у крыльца.
И я повёз на саночках к могиле
Последнего товарища отца.*

Есть и другие стихи. Вы их не найдёте в книге, но они есть. Например:

*Как подступиться к теме, что не раз
звала меня, а я всегда боялся,
что слишком выйдет пафосным рассказ,
сентиментальным быть к тому ж стеснялся...
Отец, отец, тебя уж нет давно,
да так давно: черты лица размыты...
Но я хочу, мне надо всё равно
живым тебя представить, не забытым.
Или:
Я полз по папиной груди,
увенчанной татуировкой,
и он смущённо говорил:
«Всё это глупость, глупость, Вовка...»*

*Веранда, лето, мне шесть лет,
а папе только тридцать девять,
и лучшие папы в мире нет,
и трудно было бы поверить,
что очень скоро он уйдёт,
и прозвучит, как гром: сиротка...
И лист осенний упадёт
у памятника в загородке.*

И всё же...

И всё же книга не вышла подведением итогов — «ещё одним, последним сказаньем».

Летопись — не окончена.

Всё-таки книга воспоминаний Владимира Тулупова — повествование не только мемуарное, но и — публицистическое.

С публицистической остротой и журналистским инструментарием, приводя мнения, позиции, комментарии, факты, цифры, пишет Владимир Васильевич об олимпиаде для абитуриентов журфака «Проходной балл»: «К сожалению, со временем и минвузовские бюрократы стали ставить нам палки в колёса, разрешив лишь выставлять победителям олимпиады высший балл на вступительном испытании “Творческий конкурс” (а были времена, когда победа в «Проходном балле» — неспроста же именно так называли олимпиаду — давала право автоматического поступления на факультет. — П. П.)... а затем отказали и в этом, не оставив почти ничего, кроме, как говорится, морального удовлетворения» [1, 73].

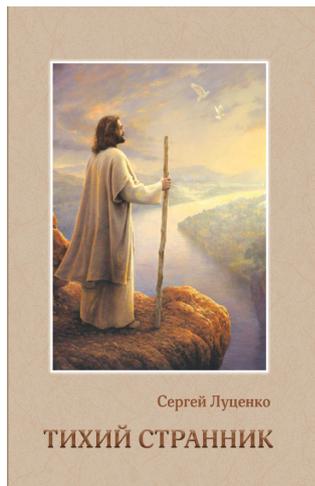
Публицистическое повествование — реакция автора на актуальную (часто злободневную) действительность путём приведения в систему собственных мыслей и точек зрения.

Но о сегодня (и, безусловно, о вчера) Владимир Тулупов пишет если не без лёгкой досады и дидактики (почему бы нет? Медиапедагог, профессор — имеет право), то уж точно — без уныния и разочарования. И «Глава одиннадцатая, юмористическая» — последняя в книге — смотрится в ней надеждой и напутствием: «Если жизнь тебя обманет...» Продолжение, надеюсь, помните.

А ещё... Мне думается, что книга Владимира Тулупова получилась в добром смысле наивной — похожей на музыку и фильмы начала шестидесятых (конечно же, близких автору и любимых им). Ведь и сам автор — такой же, как и они — мечтательный и доверчивый, сохранивший в себе чувство «детскости», идущее из тех самых шестидесятых — из детства.

Юрий Селявкин И от дыхания строки так сильно бьется сердце...

Сергей Луценко. *Тихий странник*. — Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2020. — 352 с.

Точка в конце предложения для поэта не преграда. Его строка прорывается через нее и парит в пространстве, показывая первичность энергетики души и вторичность ограничительства. Но это тогда, когда произведение создается душой, а не собирается из безжизненных строк-поленьев, пусть и с красивыми словами и правильными рифмами.

Поэт нем, когда пишет для себя, не делясь созданным. Его голос глух, когда он данный свыше талант топит в гордыне и самолюбования. Голос поэта слышен, звучен, вѣдом, когда он неотделим от жизни общества.

В Воронеже вышел поэтический сборник члена Союза писателей России Сергея Луценко, ставший достойным явлением в современной отечественной литературе. Название книги — «Тихий странник» (352 стр., АО «Воронежская областная типография», 2020 г.), издана она в рамках программы департамента культуры Воронежской области. Содержание сборника требует серьезного к себе отношения, понимания и знания исторических процессов, философских размышлений. Под «тихим странником» подразумевается возможность поэта идти и творить в пространстве и времени, осмысливая прошлое, настоящее, будущее. Сборник состоит из пяти разделов: «Сполохи», «Сонеты и октавы», «Профили», «Античные

Об авторе: Селявкин Юрий Георгиевич — историк, председатель программы «Культура общества — основа национальной политики государства», почетный президент РОО «Шахматная федерация Воронежской области», член Союза журналистов России.

медальоны» (вольные переложения) и «Славянская гроздь» (избранные переводы).

В разделе «Сполохи» автор показывает незримую борьбу между Светом и Тьмой через мир природы, поступки человека, его выбор того или иного жизненного направления, дает образы, иногда кричащие, иногда спокойные, помогающие читателю задуматься, кто он, и снять пелену с суетности поступков.

Стихотворение «Сполохи» открывает сборник, и завершается оно следующими строками:

*Чем могу утешить?
Листьями в горсти?
Как мне Зло опешить
И Добро спасти?*

*Темень все бездонней,
Но, тоску гоня,
Зреют меж ладоней
Сполохи огня.*

Автор делится мыслями о том, что надо уходить от тьмы, тоски, уныния через светлость огня в своих руках. А светлость зарождается, если вы делаете доброе.

В последнее время мы ощущаем засоренность русского языка, вымывающую из него слова, ярко характеризующие действия, быт, названия вещей, предметов. И поэт в стихотворении «Русский язык» напоминает, что без своего языка нация растворится, что защищать, беречь его надо всегда и везде.

*Язык земли непобедимой!
Живи, ликуя и любя, —
И пусть растает легче дыма
Всяк восстающий на тебя!*

*Нас время должной мерой судит —
Закон един, и потому
Не гинет тот, кто честно будет
Служить бессмертью твоему.*

Надо отметить, что у поэта в произведениях немало редких, исконно русских слов, что является большим подарком читателю и напоминает нам, насколько богат наш родной язык...

Стихотворение «Старое кладбище» начинается так:
*Бульдозер шел, бывшее руша,
Крушил надгробья и кресты,
И, содрогаясь, предков души
Смотрели скорбно с высоты.*

Это к тому, как мы нередко не ценим, что дано, и бездумно бросаемся в крайности, ломая и круша со злостью, с неистовостью, не желая заглядывать в прошлое и в будущее.

Раздел «Сонеты и октавы» открывается произведением «Храни свой дар», и в нем мы видим поэта-странника:

*Пройти по всем путям, по всем эпохам
И разделить без страха тьму и свет.
Храни свой дар, как благостный завет,
Врученный и востребованный Богом.*

*И помни: торговать не вздумай им,
Храни его — ты им одним храним! —
Он недостойной суеты продажной...*

В разделе немало строк о любви, солнечности отношений:

*О встреча! Жизнь зарею занялась!
Прикосновенье губ, сиянье глаз,
Сближенье рук, и дерзких, и пугливых...*

В разделе «Профили» мы находим работы поэта, посвященные многим выдающимся личностям и не только. Они интересны. Автор размашисто, а порой сдержанно представляет их читателям. Приведем строки о Байроне:

*Властители в земле лежат по струнке,
Истлели имена и ордена,
Померк Шильон, умолкли Миссолунги —
И царствует Поэзия одна.*

Из поэмы «Август в Каталонии» о Сальвадоре Дали:
*Полстолетья больше чем едины...
Где ее и где моя душа? —
Он кружится, поздние картины
В сумасшедшей ярости круша.*

Из стихотворения «Есенин»:
*Какой порыв! Какая сила жизни
В негромких песнях, созданных в борьбе!
В них — горькие раздумья об Отчизне
И о своей загадочной судьбе.*

Из поэмы «О Петре и о Февронии»:
*Радуйтесь, что радовали многих,
Радуйтесь, что столько лет подряд
Миловали нищих и убогих
И народ был вашей власти рад.*

Из стихотворения о поэте Рубцове:
*Подстерегла, на взлете подстрелила
Проклятая, смертельная беда, —
Но день и ночь сияет над могилой
Звезда полей — души его звезда!*

В разделе «Античные медальоны» автор делится вольными переложениями великих греческих поэтов. Сергей Луценко предлагает через поэтические строки увидеть, почувствовать античный мир, отдаленный

от нас тысячелетиями. Вот несколько строк из стихотворения «Излучение души» (из Солона):

*А на земле все тот же ад:
Благие в бедности скорбят
И богатеют злыдни...
И все же, ясный свет души
Сменять на гнусные гроши —
Что может быть постыдней!*

Особого внимания в сборнике заслуживает самый обширный раздел «Славянская гроздь», избранные переводы. Автор взялся за очень трудную работу: перевести произведения поэтов из разных стран, входящих в Славянский Мир, поэтов как давнего, так и недавнего времени. «Славянская гроздь» — это не гроздь, наполненная соком винограда, в ней есть кровавость, гонения, беды, которым подвергался Славянский Мир, как светлость созидательности, справедливости, терпимости, духовно-нравственных постулатов. Здесь переводы белорусских, украинских, русинских, черногорских, сербских, болгарских, македонских поэтов. Сергей Луценко своими переводами словно объединяет литературный Славянский Мир, ведет к пониманию, что единение необходимо, оно должно быть; Славянский Мир без этого не защищен, он хрупок; и как этого можно не видеть! Здесь представлены переводы Янка Купалы, Кондрата Крапивы, Ивана Франко, Евгена Плужника, Петра II Петровича Негоша, Йована Йовановича-Змая, Иво Андрича, Христо Ботева, Ивана Вазова и многих других.

Вот, например, знаковое стихотворение «Счастье» выдающегося белорусского поэта Максима Танка в переводе Сергея Луценко:

*Счастье простое людское,
Так же, как наше с тобою,*

*Складывается из соли,
Из многохлебного поля,*

*Из многоверстного пота,
Из синевы небосвода.*

*Мир наш — из дружбы и песен,
Смерти противится весь он,*

*А растеряй эти части —
Разве получится счастье?*

Всего же в разделе представлены переводы стихотворений шестидесяти двух поэтов. Донести до читателя через переводы гамму творчества поэтов из разных стран Сергею Луценко, конечно, было нелегко, но многое ему удалось, так что у «Славянской грозди», надеюсь, будет свое продолжение. А поэтический сборник станут не только с интересом читать, но и изучать, в нем есть что познать...

Валерий Глебов

О Кубе, с любовью

Было это пятьдесят лет назад.

Ровно пятьдесят...

Первая часть

Подсчитайте сами. Я родился в 1947 году. В 1964 году окончил школу. И поступил в университет, на романо-германскую филологию.

Я, конечно, хотел поступать в театральный институт или даже во ВГИК. Но моя дорогая мамочка напугала меня, что в Москве мне придется жить в общежитии, спать в комнате бог знает с кем, питаться не ахти как, а потом работать, куда пошлют... И не поехал я в Москву. А в родном городе Воронеже спокойно поступил на испанский язык. Дневной. К преподавателям, которые были в основном испанцы. Они приехали совсем детьми на пароходе из ненавистой родины в любящую их Россию... нет, в Советский Союз. Воспитались в детских домах, окончили вузы, стали преподавать русским детям то, чему научились... и, хотя они прожили у нас большую часть жизни, но от испанского акцента так и не избавились, так и шепелявили на свой манер. И от воспоминаний от совсем далекой, но родины, не ушли. Песни пели — от самых детских до таких взрослых, что и мы плакали.

Да, так вот. В середине второго курса я не смог больше угнетать свое сценическое призвание. Я тогда пел, читал, режиссировал, вел КВНы... И сдавал сессии, просто душившие меня политэкономиями социализма и научными коммунизмами.

Театр

Я взял академический отпуск, не было терпению учиться на третьем курсе. В академе что-то делал, типа готовился. Читал «Моя жизнь в искусстве» и биографии великих мастеров сцены. И в начале лета поехал в ГИТИС. Сейчас Академия театрального искусства выглядит вполне комфортабельно. А тогда это был просто захудалый особнячок. Со сквериком у входа. Здесь под кустиком я однажды нашел пять рублей, большие деньги. В Москве жила тетя Вера, у которой я останавливался всегда. Но сейчас я решил пройти все сам. Никаких поддержек на подможках. Поселился в общежитии... Кроватей было много. Мастера сцены к нам не заходили, но это им было и не по чину: народные артисты витали там, во облацех, а мы могли лишь стоять внизу, у стеночки, и перешептываться.

Об авторе: Валерий Глебов – выпускник ВГУ, работал главным редактором на Гостелерадио СССР.

Для первого тура я выбрал «Слона и Моську» (положены басня и стих), а также «Песню об органисте, который на концерте Аллы Соленковой заполнял паузы, когда певица отдыхала». Михаил Анчаров. Сейчас этот поэт считается моветоном, но тогда он был популярен. Ведь фронтовик. Настоящий.

Не помню, как я читал «Слона», не потому что у меня дыхание спирало от величия момента. Просто у меня не было сердцебиения. Оно положено на экзамене по актерскому мастерству. А я просто прочитал. Под Слоном я имел в виду всех преподавателей. Меня не выгнали, а пригласили прочитать мой второй номер: песню об органисте. И в этот момент в зрительный залчик вошел Сам Мэтр. Не помню его фамилии. Знаю, что великий. Он вошел с огромной и кряжистой тростью, сел в подставленное кресло, вытянул ноги, положив одну на другую, и дал сигнал «начинай». Я стоял на маленькой дощатой сцене студенческого театра, трепетал по силе возможности и смотрел на Того, Кто Будет Вершить. У него и бант был на шее. На лицо великого я не мог смотреть долго. От него исходило сияние. Солнце! И я опустил глаза на ноги. На его роскошные лакированные туфли.

И все. Экзамен для меня закончился. Я захохотал. Громко, но про себя. Я переводил глаза на членов комиссии, на птичек за окном. И ржал. Ну не мог я смотреть на ботинки, на лакированные туфли, на его опору в этом мире! В опоре была... дыра! Огромная, во всю ступню, и носок бордовый был виден.

Я знаю, что экзаменаторы любят устраивать школярам подставы. Испытывать, так сказать, на прочность. Но они при этом доводят свой номер до конца. Как-то «подают» свою дыру в ботинке. А мой нет. Он был величествен и суров — с дырой. И я подумал: милый, так ты сюда собрался поступать? Ты хочешь стать настолько же великим?

Я закончил читать: «Снизу вверх смотрел на меня»!!! Следующего тура у меня не было.

Морено

Я вернулся в родной Воронеж. Восстановился на третьем курсе. Подружился с заведующим кафедрой. Не совсем испанцем, а каталонцем, из Барселоны. У него была присказка: *Burro catalan* — каталонский осел (потому что в этой провинции все были безумно упрямы). Звали его камарада Морено. Мы думали, что это имя. Товарищ Морено. Ему было по приезду 27 лет. Круглолицый, светлоглазый, нос картошкой —

ну совсем не испанец. В России он старался запомнить все, даже количество ступенек до четвертого этажа универа — 237. Запоминал то ли из упрямства, то ли с верой, что вернется в свою страну и будет рассказывать там массу необыкновенного. У него была русская жена, наполовину русский сын, которые по-испански, естественно, ни бум-бум. Поэтому он принимал за своих, даже родных, студентов, говоривших хоть как-то на испанском наречии. Хотя что такое «как-то»! После первого полугодия первого курса мы уже читали свой первый испанский роман — «Донья Перфекта», автор Бенито Перес Гальдос. До сих он пор у меня цел. Мы занимались испанским по 6 часов в день, и ни слова по-русски. Но потом шли еще эти общественно-научные предметы, чтоб им пусто было! С камарада Морено у нас были очень теплые отношения. То ли из-за приличного произношения, то ли в силу внешности испанской (здоровый нос с горбинкой, кучерявые волосы, смуглость), то ли потому, что мы пели испанские песни с Ирккой Плахиной так, что на «Студенческой весне» нас на руках носили.

Товарища Морено я после универа больше не видел. Уехал по распределению надолго. Потом диктатор Франко почил в бозе, его похоронили в гигантском склепе, вырубленном в скале. Пока он был жив, он существовал как тихий пенсионер, ходил в излюбленный кофеюшник. И никто не попрекал его, что он был когда-то диктатором. Просто было такое время, надо было так: либо ты за коммунистов, либо за фашистов... А на самом деле — за русских и за испанцев, за своих. Диктатор помер, свергнутый им король опять воцарился на троне. И массы его обожали.

Камарада Морено Пальи Хосе, вечная тебе память. Хосе — это имя. А ласкательно Пепе. Пепе Морено. Он жил последние годы у себя в Каталонии. Похоронен на огромном кладбище близ Барселоны. Много раз проезжал там, выныривая из аэропортовских буграков. Смотрел внимательно на каменные надгробия, вдруг увижу. Куда там! Их так много...

Ладно, там свидимся.

Накануне

Так, о чем это я? Ах, да, о Кубе.

Чтобы туда попасть, надо было проделать массу унизительных телодвижений ниже пояса. Желаящие отправиться в Кольбель Революции (официальное название) направляли в Москву свои подробнейшие документы, в Министерство высшего образования. Там бумаги лежали огромными стопками и на столах, и на полу, но никто не проверял правильность их передвижения — сначала сверху, потом снизу. Вернее, наоборот. Кто же будет за документооборотом (в полном смысле слова) следить? Надо кого-то куда-то послать в служебную командировку — брали первую попавшуюся папочку и давали ей ход. Поэтому стремившиеся за рубеж, да еще в другое полушарие, как можно чаще старались прийти в свое министерство, вроде бы как-то случайно. Там всегда для нас находилась какая-то бумажная работа, во время которой мы невзначай свои документы клали наверх стопки, и ждали следящего приезда. Преклоняли свои гордые станы,

но опять — свою папочку наверх. В бумажной пылке, но мы все же были заметны. Много раз приезжали в Москву — то я, то Галка. У нас было два пути: или туда, в Западное полушарие, или в деревню, в деревню, к тетке, в глушь, в саратовскую школу. Там же очень был нужен испанский язык!

В конце концов кто-то из вершителей судеб остановил свой взор и на моем досье. И вызвал меня на переговоры. Кажется, руководителем отдела заграникомандировок был тогда Савченко-Бельский. Которого мы звали по недомыслию Сашенька Бельский.

— Рассмотрели мы ваши документы. Все очень хорошо, толково, грамотно. Но вы знаете, существуют инстанции, которые разглядывают ваши кандидатуры со своих, особенных позиций. И мы вынуждены вам сообщить, что на Кубу вы не летите.

Конечно, екнуло у меня что-то под ложечкой. Но справился. Подумал только о сельской школе на два года... а там ведь и армия...

— Спасибо за ясность, — промямлил я. — Лучше неприятная, но правда.

Мой амфитрион встал с кресла, пожал мне руку, типа прощай... Но для оттяжки я спросил:

— Ну, у меня свой путь. А кто все-таки поедет на Кубу?

— Да какая разница... Ну, едут Гаврилов, Галкин и Глебов.

А Глебов — это моя фамилия, между прочим. Ну, с малым проблеском надежды я спрашиваю:

— А я кто?

— А вы Гамов.

— Да? А у меня в паспорте написано, что я Глебов.

У принимающей инстанции в лице ничего не изменилось.

— Ну тогда, значит, вы отправляетесь за океан. Для нас разницы нет. Счастливого пути!

При выходе из Министерства образования, там, где какой-то чугунный мужичок с кривой ножкой, я вспомнил недавний сон. Типа по берегу реки еду я верхом на лошади в сторону божьего храма. Но лошадь почему-то резиновая и надувная. Что там я делал, не помню... но лошадь резиновая меня поразила. И я только в Минобре расшифровал свое видение, однозначно. Храм — это к печали. Лошадь — это ложь. А надувная — значит, ненастоящая ложь. Печаль то есть фиктивная. Пуффф! Значит, еду!!!

Минула пара месяцев. Пришла телеграмма с вызовом в Москву, в связи с заграникомандировкой. Я собрался максимально парадно, накупил легких костюмов, рубашечек... мамочка порыдала...

И я полетел!!! Был тогда год 1970. Начало разрядки. И брежневщина с поцелуями была. Но мне было не до того.

Вторая часть На пути

Был конец октября. Была ночь. ИЛ-62 летел по маршруту Москва — Алжир — Касабланка — Гава-на. По-моему, в борту самолета была дыра, потому что снизу нещадно дуло забортным морозом. Я укрылся пледом, стал согреваться... Но тут прошли стюардессы,

приглашавшие освежиться. Я попил, завернулся, стал засыпать... Но тут принесли что-то вроде полдника. Я поел. Мой сосед, кубинец, попросил меня обменяться фруктами: я ему яблоко, а он мне апельсин. Типа детям подарю. Я говорю, а какой смысл, апельсин же лучше. А он говорит, на Кубе апельсинов много, а яблоки не растут из-за жары, это редкий подарок. И тогда я понял, что я таки лечу за границу.

В 12-часовом полете мне так и не удалось поспать: все время кормили. И я стал смотреть в заиндевший иллюминатор. Эта бессонница стоила этого вида. Потому что над Атлантикой стало светать. Очень медленно, ведь мы летели со стороны солнца. И было чудное видение. Океан был четко разделен пополам: половина неба — черная тьма, а половина — яркий рассвет. Одновременно и ровно пополам — ночь, день. А внизу кораблики крошечные.

В себя я пришел над ужасно маленьким аэропортом Хосе Марти, около Гаваны. Одноэтажное здание. До сих пор помню, как мимо меня прошла красавица в невероятно здоровых бигудях. На ней висело платье на два шва и дырка для головы. Это облачение было сшито из грубого мешка для сахара, с надписями. Надо же, какая мода, подумал я. А потом выяснилось, что на Кубе просто было нечего носить. Первая в Западном полушарии страна социализма была в полном смысле слова нищая. И оставалась такой много десятилетий спустя. Пока они не перестали строить коммунизм.

Но я же об этом ничего не знал. Я прибыл на Кубу! Я первопроходец! Но как только я шагнул к трапу, мне пришлось отшатнуться: пожар, катастрофа, что это!? На меня дохнуло таким жаром, что выходить мне не захотелось. Назад, домой, к мамочке! Но нашлись добрые люди, вытолкали на белый свет. 30 градусов в тени. А на солнышке — сколько хошь. Бесплатно. Эффект парной полный. Я тут же покрылся потом, меня посадили в микроавтобус, что было шиком. Просто легковушки были американскими, но дореволюционными. Размером в пол-улицы. И повезли.

Меня поселили в гостинице «Гавана-Ривьера», одном из последних зданий, построенных американцами. Голубая высотка, с фонтаном у подъезда и статуей морского конька с девушкой. Просто красота.

Гавана город огромный. Аvenues, как у нас площади. Набережная — конца не видать. Памятников тьма. Старый город — настоящий музей. Капитолий — полная копия американских, которых в каждом штате по штучке, но в Гаване на 1 метр выше. А памятник Хосе Марти чуть ли не выше Капитолия. На другой стороне залива, куда приходят корабли, стоит старинная крепость, и пушки в ней все подлинные, многовековые. Это то, что касается строений. А народ не такой шикарный. Народ просто бедствует. Те, кто работает, получают на заводе обед: металлический поднос, на нем выданы: чашка для супа, миска для второго, тарелка для салата. Компот отдельно. Фасоль и рис обязательно. А чего, жить можно.

По улицам Гаваны ходят рейсовые автобусы, очень редко. Развалины в основном. На остановках сидят кубинцы и ждут на пекле с нестигаемым терпением.

Минут по сорок, по часу. Потом проезжают одну остановку минут за пять и выходят. Конечно, можно пройти за пятнадцать минут, но все ждут — это как спорт. Билетиков в автобусе не дают. Но деньги берут. У передней двери металлическая касса, тыходишь, бросаешь сентаво внутрь, касса громыхает на весь автобус — все, проезд оплачен.

Почему-то запомнился в центре Гаваны магазинчик антиквариата, масса редкостей (а денег у людей нет), и шикарное здание масонской ложи. Не знаю, действовала ли она.

Нас целую неделю инструктировали в посольстве. Что пить, как есть, где ходить и, главное, кем работать, в смысле, в какой сфере. Можно было и в геологоразведке, и в сельском хозяйстве, и в любой отрасли, вершившей славу Страны Советов.

Я встретился с двумя штатными посольскими переводчиками. Они дали мне газету «Гранма», самый главный орган страны, который переводится с английского как «Бабушка» («Гран мазер» — это название яхты кубинских революционеров), ткнули в какой-то абзац. Я перевел с кубинского на испанский, а потом на русский нужное количество слов, но среди них было много аббревиатур. КПСС я еще могу перевести, а вот разные UJC (Ухотасе), РСС (Песесе), ИСАИС (Икаик), блин, это самое простое. Но по смыслу я догадался, что значат эти буквы. Союз молодых коммунистов и Кубинская коммунистическая партия. Сказал им. Они ужасно обрадовались, что появился человек, способный отгадывать официозные ребусы, и предложили выбирать любое место, где я хочу работать. А я... Ну, в общем, на неделю раньше на Кубу прилетела моя однокурсница из Воронежа... ну, не только однокурсница... Галя... и ее направили в Сантьяго-де-Куба. Второй по величине город, на другом конце острова, на юге. Они опять обрадовались, потому что туда по своей воле никто не хотел ехать: температура под сорок. Но мы же вроде с Галкой договорились, что вместе будем.

Назначили меня старшим переводчиком этого города, должность выше некуда, и отправили в полном смысле слова «в горячую точку», потому что там было пекло.

Сантьяго-де-Куба

Как я туда ехал, не помню. На машине? Нет. На паровозе точно нет, не престижно. Ведь через всю Кубу тянулась ветка узкоколейной дороги, с качающимися туды-сюды вагонами, которые часто сходили с рельсов, но их сами пассажиры ставили на место и ехали дальше. Может, на самолете? Однажды мы полетели на стареньком типа «Дугласе» на комсомольскую конференцию в Гавану, из Сантьяго. Смерти подобно! Потому что американцы следили за территорией Острова свободы постоянно: не действуют ли тут советские военспецы и подразделения побольше? Тогда как раз разгорелся конфликт по поводу размещения на Кубе наших ракет. Они, конечно, были здесь, но наши скрывали. И военным самолетам летать не полагалось над территорией суверенной страны. Поэтому мы летели в Гавану на военном

самолете, но, чтобы американцы нас не заметили, летели на высоте 500 метров. Над горами Сьерра-Маэстра 500 метров, над реками и равнинами 500 метров. А это самая трясучая высота, между прочим, а тут еще и воздушные потоки от перегретой суши. Тысяча километров болтанки. Нинка, приехавшая вместе с нами, блевала стойко, не переставая. Я как-то держался, но, если бы до Гаваны было на один километр больше, я бы тоже — того.

Военные, кстати, жили рядом с нами, но за загородочкой. Ходили в штатском. Один раз в неделю нас к ним пускали. Тогда привозили из Гаваны советский фильм, на русском. Занюханый, но свой. Крутили его на узкоплечной «Украине». Когда часть кончалась, сеанс прерывался и ставилась новая бобина. А поскольку вечером комаров была уйма, мы сидели и усиленно чесались и хлопали по ногам. По-моему, у военных тоже никаких других обязанностей не было и днем: ну лежали там, где-то под землей, наши ракеты, ну почесывали их время от времени. И больше ничего не делали. Но строем.

Кстати, кино показывали бесплатно еще в одном месте — в соборе, естественно католическом. Но мы смотрели достаточно фильмов на испанском и по телевизору. А во дворик собора заходили потому, что ребята там играли на гитарах и пели, стукались в пинг-понг, футболили... очень миленький храм получался. Между прочим, по телеку шел тогда кубинский фильм «12 стульев» (или «Золотой теленок», не помню).

Значит, меня доставили в Сантьяго скорее всего на междугородном автобусе — ходили такие, и крутые, шведские, что ли, Красный Крест поставлял. Так что я всю Кубу проехал и просмотрел, с остановками в больших городах: Гавана — Матансас — Камагуэй — Лас-Тунас — Ольгин — Сантьяго-де-Куба. Ольгин не женское имя, ударение на последнем слоге.

Наверное, кто-нибудь меня встречал, доставлял до точки, размещал... Не помню. А может, Галка Струкова старалась. Она семижильная. Однажды, уже в обычной жизни, шли мы с работы домой. Тащили какие-то продукты из магазина, который для советикос. И мне вдруг поплохело — от жары, что ли... Сел чуть ли не на землю, ни говорить, ни дышать не могу. Ничего не болит, сердце не колет, а жизнь кончается. И помирать не жалко. Галка взвалила все наши покупки на одно плечо, меня на другое и поволокла все в нашу резиденцию. Приперла. Нашла «Справочник медсестры» огромный. Положила меня на кровать и лихорадочно стала листать книгу. Открывает тут — «Моральный облик медсестры», открывает там — «Клиническая смерть». Опять раскрывает книгу — «Моральный облик». Опять — «Клиническая смерть». Так и не нашла ничего. Сосед-кубинец отвез меня на своей машине в госпиталь, там меня мерили и проверяли — никаких отклонений! А жизни в венах нет. Выдохся. Что вы хотите, переводческая норма в день 4–5 страниц, а я делал 20–25. Стахановец хренов. Но ничего, недельку отлежался и снова в упряжку.

Но, повторяю, я рассказываю сейчас о первых днях в Сантьяго-де-Куба. А залезаю невесть куда.

Как мы жили

Район, где мы жили, назывался Виста-Алегре («Веселенький вид»). Стройные улицы с двухэтажными виллами. Колонны, вокруг садики, на втором этаже плоская терраса для отдыха в шезлонгах. На двух этажах комнат пять или шесть, по одной на брата. Мне досталась самая крайняя, левая, к дороге. Но шума от машин не было. Потому что их было совсем мало. Но одна подъезжала регулярно, очень рано, и привозила две литровые бутылки молока. Их ставили на улице у двери, и никто их не брал. Утром за нами приезжал «микрик» (итальянский подарок), отвозил в Университет Ориенте, что значит «Восток». Здания современные, между собой соединены длинными пандусами. Работали до обеда, то бишь стучали на пишущих машинках, потом пару часов отдыхали — сиеста. А потом до вечера опять тук-тук-тук, гнали вклад в советско-кубинское сотрудничество. Чего только я не переводил, от математики и физики до научного коммунизма. Все делалось под копірку, корректировалось и издавалось в университетской типографии — на веки вечные.

На работе были ежедневные кофе-брейки — не знаю, как перевести с английского. Часов в 11 приносили маленький деревянный поднос с бордюрчиком, на нем крохотные чашечки из толстой глины. В проволочной подставке довольно большой конус из очень плотной ткани. В него засыпался свежемолотый кофе, много, почти доверху. И заливался кипятком. Пока вода просачивалась сквозь конус, кофе заваривался и разливался в чашки. На пару глотков. Наших. Но можно и на пять-шесть ихних. Это была церемония незываемая. Кофе был свой, не привозной, красненькие такие ягоды.

Куба до революции была американским домом отдыха, от Флориды 90 километров. Они понастроили вилл, набрали услуги, приезжали на выходные загорать. Ну и богатые кубинцы тоже в этом районе устроились. В конце Виста-Алегре был зоопарк со львами и крокодилами, ночами они ревели... Потом шаркнула революция, все богатенькие махнули в Штаты, не очень богатые тоже... и остались эти виллы пустовать — с мебелью и даже столовой посудой. До тех пор, пока не приехали «советикос» и не стали там жить припеваючи. Многие приезжали с женами. Им предоставляли отдельные апартаменты и денег на житье давали в два раза больше. Одна преподавательница, не помню чего, приехала со своим мужем, который занимался приготовлением пищи, уборкой квартиры и закупками. Ну и что? Равенство. Кстати, денег на питание было много — аж 75 песо. Поначалу мы думали, что будем подтягивать животы, а оказалось, что вполне достаточно. И на еду, и на питье, и на алкоголь. А вот 500 рублей шло на сберкнижку в России — министерский оклад, между прочим.

Как жили кубинцы

Об этом отдельно расскажу! На Кубе все распределялось по карточкам. Для местных. Раз в месяц бутылка рома — и все. Сколько-то пачек сигарет — и все. Не помню, были ли презервативы, но все равно — и все!

Табак как-то тайком от властей выращивали. Делали гигантские сигары-самокрутки, сантиметров по 30, и дымили целый день. Шикарные фабричные сигары полностью отправлялись в СССР. Где их никто не курил. Из сигарного крепчайшего табака делали в мягких пачках сигареты. Самые распространенные — «Популарес». Курили все — и мужики, и бабы. Пишу «бабы», потому что назвать милой дамой женщину, от которой несло табачищем, невозможно. Но курить хотелось. «Партагас» встречались реже. А «Хитанес» («Цыганка») — это чисто женские. Но их тоже курить было смерти подобно. Кстати, название это звучит на французский манер «Житан», почему-то. «Цыганка»-то по-нашему должна быть «Хитана»...

Теперь ром. Это зелье распределялось тоже помалу, не по-человечески. Но его как-то и где-то доставали. Ведь завод был именно в Сантьяго. И было ромища ну целое море. Как же не вынести хоть стопочку. И были отходы. Прямо из стены завода выходила сантиметров в десять труба, на ней здоровый кран, и все желающие могли набирать густо-коричневую сладенькую жижку — мальту, которую почему-то звали меласса — прямо ведрами. Из сахарного тростника гнали ром. А из мелассы что-то домашнее. И мы тоже набирали из стены, но очень редко. Нам-то, советикос, к чему была эта брага? Ведь нам и рома доставалось от пуза. «Гавана Клуб», «Аньехо», «Каней», «Сантьяго-де-Куба», «Бакарди», «Карта Бланка»... светлый, золотой, темный ром... который вчистую никто не пил, но разбавленный — ммммм... Просто с газировкой не очень вкусно, а вот с добавками! «Мохито», «Дайкири», «Пинья Колада», «Куба Либре»... бессчетное количество коктейлей.

Вы знаете, как делается «Мохито»? Берется свежая, упругая мята, эдакий кустик. Он не мнется и не ломается. А кладется, вернее, ставится в высокий, узкий полулитровый стакан. Туда же бросаются три-четыре огромных куса льда — это уже натюрморт. И все это заливается чистой газировкой, без цвета. Туда опускается соломинка, а сбоку вешается ломтик лимона. Можно смотреть на этот шедевр часами. А можно пить. стакан покрывается густыми слезинками переливающейся в свете тропического солнца воды... Боже, я забьл!!! На дно наливается граммов пятьдесят светлого рома, так что совсем не хмельной напиток получается. А за день порции три-четыре выдуешь по жаре — вот тебе уже и двести грамм.

Я бы описывал кубинские коктейли с особой тщательностью, в те годы они делались без нарушения рецептуры. Но если погружаться, тогда мне придется позабыть о цели моего описания. Очень коротко расскажу только о «Золотом шаре». Берется кругленький бокал, заполняется сладким коктейлем. И руками, обнаженными руками обкладывается мелкоколотым льдом. Называется «фраппе». Снизу совсем немного его помещается, потом все больше и больше льда, надо делать так, чтобы снеговая масса не попала внутрь, потом над бокалом все льдом покрывается, до полного закрытия, сверху протыкается соломинкой и поливается разноцветными коктейлевыми красками... и ставится перед тобой. Прикасаться к этому чуду не хочется. Это

должно стоять в резном шкафу, для поколений. Но пили же. А бармен полчаса отмораживал себе руки.

Я поднаторел сам составлять коктейли — под настроение, на особый вкус. Самое лучшее мое творение — прощальное, когда я уже улетал из Гаваны. Берется сухой (то есть без грамма сахара) ром, «Бакарди» или «Гавана Клуб»... ну, скажем, 25 граммов. Доливается тройной, но сухой же ликер — «Трипле Сек». Тоже 25 граммов. И под финал — 50 граммов сухого мартини, для горчинки. Прощание же. Я делал это в баре, и хозяин попросил у меня разрешения сделать это фирменным коктейлем.

Ну, о питье я рассказал немножко. А конца быть не может.

Перекусы

Теперь о еде. В местном магазинчике для иностранных спецов было достаточно основных продуктов: мяса, фруктов, фасоли всех цветов радуги... Готовили, как могли, дома, на кухне... Питались, в общем. У нас перед домом росла кокосовая пальма. Очень хотелось попробовать орешек килограмм на пять. Пытались сбить кокос камнями — не удавалось, очень высоко. Игорь, бывший без жены, полез на пальму, как на ярмарочный столб. Жена бы не дала. Парень упитанный. Но улыбчивый, поэтому и долез. Открутил один орех, сбросил на землю. Полчаса мы его пытались раскрыть ножами. Хучь бы след остался. Потом взяли в хозяйстве мачете, сделали круговые сечения, открыли крышечку и налили стакан вожделенного кокосового сока. О нем в разных приключенческих книжках часто пишут. Цвет совсем не белый, хотя называется кокосовое молоко. Вкус... никакой, как наш березовый сок. Зато внутри ореха была сантиметровая кокосовая оболочка, вот это вещь вкусная, как наш лесной орех. Кокосов мы больше не рвали. Себе дороже. А вот манго!.. В нашем дворе росло громадное манговое дерево, усыпанное плодами. Спелыми, розово-красными, так и просившимися в рот. Мы протягивали руку, и брали крупный, с ладонь, плод, и чавкали, обливаясь соком. Но ели не больше одного, потому что больше не умещалось в животе. А из оставшихся от плодов черешков еще долго лился сок на землю. Хоть все дерево ешь.

Так, значит, о еде. Кубинской вполне хватало. Но хотелось чего-нибудь своего, русского. Слово «советское» сюда не идет. И для нас один раз в месяц поступала продуктовая посылка. Корабль приходил в наш порт, и оттуда приносили большие коробки. В них — все наше: сливочное масло, шоколадные конфеты, еще какая-то вкуснятина... но главное — пятилитровая железная банка... вы подумаете, с водкой? Да нет. Совсем нет. Консервным ножом мы вспарывали крышку, вдыхали аромат — и доставали оттуда... во-блуд!!! Вяленую, но совсем не жесткую. А прямо под пивко!!! На месяц хватало.

Кстати, на Кубе пиво было отменное. Я бы сказал, мирового качества. Его тоже было мало. Но когда доставалось — ммм! Вот идет карнавал в Сантьяго. Все танцуют, поют, перьями кольшут... а в руку каждому дают литровый или даже двухлитровый пакет из вощенной бумаги. Бросают туда огромный кусок льда,

и заполняют пивом, пока оно тает, ты пьешь. И танцуешь. А карнавальное шествие все идет и идет. А вы знаете, что такое кубинки на карнавале? Все практически раздетые, ведь жарко, только страусовые перья на голове колышутся и... Нет, рассказывать не буду, со мной же Галка.

Когда приходили огромные наш корабли, мне приходилось работать гидом. Как секретарю комсомольской организации мне полагалось провести культурно-массовую работу среди экипажа. Почему-то больше всего мне запомнился «Московский комсомолец». Наверное, из-за капитана, совсем свойского. Мы с Галкой приходили вечером в конференц-зал, минут тридцать я рассказывал о кознях американского империализма, еще столько же я пел кубинские песни под гитару, и могу вам сказать, что получалось очень ничего, однажды меня даже спутали с радио. Называлось оно «Ноктурно» — ноктурн по-нашему. Вел его бархатный, но прокуренный голос великого Умберто Браво. Он потом, через много лет, приезжал работать в Москву, в кубинскую редакцию. У нас там были особые приключения.

Умберто

Мы тогда вели с ним репортажи из Белоруссии, туда отправилась довольно большая команда победителей Конкурса знатоков русского языка. Тогда наша страна могла себе позволить такие поездки. Жили мы под Минском, на берегу озера, в очаровательном отеле. Ночью плясали, а днем отправлялись с Умберто на радио, чтобы смонтировать там репортаж о наших все сближающихся отношениях. Конечно, пляски заканчивались не всухую. Просыпались с трудом. Завтрак в горло не лез. Где-то в полдень мы шли в какой-то минский ресторанчик, плотно обедали, особенно нравился моему кубинцу борщ с пампушками, и, умиротворенные, садились клеивать пленки. Тогда все репортажи записывались на громадных пленочных бобинах. Умберто делал материалы обо всем, что попадало под руку, даже о балете на льду. Умбертовский рассказ состоял в основном из красиво сказанных слов: «Они вращаются, вращаются, вращаются...». И все.

Однажды направлялись мы из отеля к себе на радиостанцию, но немножечко проспали, не попали на автобус. Идем пешком до трассы, авось там чего-нибудь поймаем. Догоняет нас роскошная двухцветная «Волжанка», водитель приглашает садиться. Ну, не переться же до Минска. Сели, говорим по-испански, в основном о том, сколько он с нас возьмет — три или пять рублей. А нам водила, симпатичный такой, в джинсовом костюмчике, говорит, послушав:

— А вы из какой страны?

— Да вот, из Кубы.

— О, я там бывал. Спектакль ставил.

— О, вы режиссер! Здорово. А что ставили?

— Да вот, «Десять дней, которые потрясли мир».

Я обомлел: «Десять дней...» на Кубе ставил только Любимов. А это же мировая величина!

— Юрий Петрович! Да я... да мы...

Театр на Таганке тогда был на гастролях в Минске. Мы перезнакомились, бывали у него в трехкомнатном

номере. Я даже купил по просьбе Любимова диктофончик «Романтика» для его жены, кажется венгерки.

Здорово быть связанным с Кубой.

А пятерку Любимов не взял. Гордый!

...

Так вот, корабль-то наш еще стоял в порту. Очаровав морячков своими руладами, мы скромно уходили в каюту к капитану и там уже рассказывали о Кубе такое, что и сейчас передать страшно... пели песни, запоминавшиеся и с радио, и с улиц, хорошенько выпивали, а как же... провожал капитан нас до трапа с хорошей сумкой колбас и всяких там селедочек, но самое дорогое, что вручалось, была буханка или даже две настоящего черного хлеба! Это радость и гордость была. Это было признание меня.

Помню, спустились мы с трапа, идем по пирсу домой, и вдруг к нам наперерез вылетает какой-то парень в одних шортах, бросается на меня и начинает тискать и целовать... Я в шоке, конечно: неподалеку от порта был настоящий сумасшедший дом... А это был просто русский матрос, после моих песенок выражавший свой восторг на разгрузочной вахте.

Ах, кубинская ночь! Электричества мало, а звезд много. Мало настолько, что целые районы городов вырубались по расписанию на час или два для экономии. Называлось это «апагон» — «гасилка». И небо становилось совершенно другим, и даже был виден над горизонтом Южный Крест.

Ночи

Мои первые ночи в Сантьяго были напряженными. Народу незнакомого полно, с кем дружить, а кого строниться, не определишь сразу. По приезде, буквально на следующий день, был официальный праздник: День ВОСР. А-а, не знаете, салаги! День Великой Октябрьской социалистической революции. 54-я годовщина! Ура, товарищи. Это сейчас мы отмечаем уже 104-ю годовщину. Но никто этого не замечает. Кажется, мы живем совсем в другой стране. Так вот, в день ВОСРА, вечером, в советском консульстве (тоже в Виста Алегре, рядышком) был официальный прием. Собраны все — советские специалисты, кубинская принимающая сторона, иностранные гости... Хотя и жара, а надо быть в костюме, пусть и светлом... В руках бокал рома с содовой. Ко мне подходит консул. Вежливо так спрашивает: «Вы из какой страны приехали?» На испанском языке спрашивает. И я не знаю, как отвечать. Что он, и так не видит, откуда я. Значит, он с какой-то подковыркой говорит, видит, что я слишком вычурно одет: костюм не черный, как у всех, а серый чешский, рубашка не с галстуком, а со стоячим круглым воротником... Запинаясь, робко отвечаю ему на испанском же, что я из Советского Союза. Консул облегченно: «А я думал, новый иностранец приехал».

С консулом мы подружились доверительно. Часто встречались. Звали его Иван... вот видите, помню трубу из спиртзавода, а отчество и фамилию любимого консула забыл. Обыскался сейчас в разных справочниках — послы все перечислены, а консулов нет. А они большие дела делали, я-то знаю.

...

Так вот, о моем круглом воротнике. Шли мы как-то с Галкой по бесконечной набережной — Малекону. Видим, навстречу нам появляется какой-то пешеход. Размером пока еще с полмизинца. Я говорю, посмотрев: «Спорим, что русский». Дошли друг до друга, и он спрашивает, как дойти до центра. спрашивает на таком ломаном языке, что мы ему тут же по-русски описали дорогу. Ну как мы поняли, что он русский? А просто он был на жаре в черном костюме.

Между прочим, мне выпала честь в очередной раз представлять Советский Союз — то ли в Германии, то ли во Франции. Ну я оделся соответственно, то есть не в черный костюм с галстуком. Прилетел. Вышел из досмотра, встал, чтоб меня заметили. Постоял полчасика — никаких встречающих нет. Сел. Жду. Никому-то я не нужен. Прошел в другой конец аэропорта. Там тоже никого с моей табличкой нет. А тутошних телефонов мне не оставили. Да и денег местных шиш. Хоть сдавайся полиция. Из самолета все давно вышли, аэропорт пустой, только сидят неподалеку три-четыре человека, тихонько переговариваются, слышу, вроде по-русски. На меня посмотрят, как на подсадного гусака какого-то, и опять в себя. Час уж точно прошел. Вижу, они уходить собираются. Осмеливаюсь к незнакомцам подойти:

— Вы не знаете, как позвонить в советское посольство? А то у меня, извините, даже никакой мелочи нет... За мной заедут, я отдам...

— А вы откуда?

— Да из Москвы. Уж больше часа, как прилетел...

— Ты Глебов?! Да что ж ты молчишь!

— Ну что мне, ходить по аэропорту и кричать, что я Глебов? Хоть бы табличку выставили.

— Да мы ждали русского. В черном костюме. А приехал какой-то иностранец. Давай скорей в машину!

Наука: не одевайся, сволочь, как на светский раут.

А приемы бывали роскошные. В Париже однажды принимали нас в Парламенте. Мраморные залы, хрустальные люстры... Стюарды ходят, на подносах шампанское — «Вдова Клико», между прочим! Я осмелился, взял бокальчик, слегка потягиваю. Но на меня, как обычно, напал какой-то иностранец, чего-то он у нас недопонимал. Ну я поставил бокальчик на мраморный парапет, руками объясняю... Обернулся, а шампанского нет. Официанты выдрессированы — отставил бокал, значит, не нужен. А за второй порцией я постеснялся тянуться. Так «Клико» и ушло. А вообще, было оно, на наш вкус, не очень.

А вот очень хорошо было в Париже в гостях у моего посольского приятеля. Я из Москвы приехал, конечно с буханкой черного хлеба, с салом, с селедочкой... хотел посидеть с ним под водочку. Но он попросил пригласить на вечер одну французскую миллионершу. Я, конечно, в шоке — я с миллионершами никогда не общался. Пришла, ручку протянула. Зовут Оксана. Украинка, блин. Она вышла замуж за какого-то негритоса из Африки. Родила пару детей. Они переехали в Париж, и тут муженек помер. И она осталась наследницей миллионов. Ездит на «Шевроле». А салца хочется. И селедочки. Накормил ее, домой отрезал. Хорошая баба была Оксана.

Кстати, когда мы ехали ко мне в номер, мой сопровождающий заехал домой за гитарой. Я остался

ждать в машине. Ночь. Сижу, а его все нет и нет. Уже минут двадцать нет. Дай, думаю, разомнусь. Открываю дверь и вижу, что узенькая наша улочка целиком забита машинами, они стоят за мной и не могут проехать. И не сигналият, и не бьют палками в лобовое стекло. Ждут. Я спрятался в машину и закрыл окно. Вдруг начнется разборка. Можете себе представить — не началась. Молчали, пока мы не уехали. Париж, блин.

Про Берлин тоже можно было бы рассказать многое, как у нас там прием был на Оudere, на корабле, как немка дебелия с искусственной косой играла нам на шарманке... но если я туда углублюсь, то к Кубе не вернусь вовсе.

Вот, допустим, такая Куба: парки. Этого добра в Гаване много. С причудливыми названиями, с пальмами и орхидеями. Но я запомнил один, особенный. Он раскинулся на десятке или сотне гектаров. И он весь утыкан какими-то причудливыми красно- и желто-кирпичными строениями: полушариями, изгибающимися дорожками... посредине какой-то высокий столб, полый изнутри... Нас водила по парку его директриса, шикарно одетая кубинка, с невероятно красивыми глазами и губами. Я ее нарисовал, но как зовут не помню. Да и лет ей было тогда пятьдесят. А сейчас... короче, водила она нас по парку и рассказывала то, чего никто не слышал: вот эти полукружия — это груди, вот это — шея, вот этот фонтанчик своеобразный — это вагина... А этот столб — ну сами понимаете что. Мы сфотографировались на столбе.

Мелочи жизни

Ну и о чем это я? Ах да, мой первый день в Сантьяго-де-Куба. Приехав, я раскладывал вещи и знакомился с начальством (кстати, фамилия у него была вычурная — Мольтцар, эстонец). В этот день я увидел одно чудо. Вокруг виллы росли густые деревья и кусты, цветущие круглый год, хотя это я познал потом. Запах головокруглительный. По кустам летают большие шмели, пьют нектар. Да что ж у них такие здоровые носы, думаю. В смысле жала. В смысле хоботки... И я все ближе и ближе влезаю, стараюсь их рассмотреть, и понимаю, что эти насекомые, черненькие, с серебристо-зеленым отливом, вовсе и не шмели. А колибри!!! Я-то думал, они разноцветные... Интересно, а какие же они яйца несут? И как их высиживают, если только летают, а сидеть не могут? Я так и не додумался.

Конечно, в первый день голова кругом шла. И вытянуться на чем-нибудь ровненьком хотелось.

Спать — это тоже наука. На Кубе полно насекомых: от пятисантиметровых тараканов до воинствующих комаров — москиты называются. Днем они кусают ноги под столом, а ночью хозяйничают по всей комнате. Стекол в окнах на Кубе нет. Только деревянные жалюзи — вверх для света, вниз для прохлады. И еще на окнах металлические витые решетки. Мало ли, кому-то залезть захочется. Огромная деревянная старинная кровать занимала большую часть комнаты. У меня она стояла прямо перед окном. Оттуда хоть какая-то прохлады. Над кроватью, от потолка до самого пола, висел спитый из марли или тюля полог. Поднимаешь край, заползаешь... если успел залететь москит — убиваешь,

и спишь. Но это я потом научился ловко управляться. А вначале...

Ладно, лег, буду спать. Смотрю на окно прямо перед носом — и вижу!..

Надо сделать необходимое описание ситуации. В те далекие годы кубинские контрреволюционеры, по-нашему — гусанос, еще навевались пиратскими набегами на свою территорию. Свою — в прошлом. А убивать приплывали в настоящем. И ко дню Советской Революции они тоже высадились небольшой группой, но не в бухте Кочинос, где американцы устроили провокацию в 1961 году, а где-то здесь, около Сантьяго. В 1971-м. Что за терминология, право: кочинос — свиньи, гусанос — гусеницы. Надо бы еще тараканов вспомнить. Но это будет веселенькое «кукарача», песенка такая есть. Кукарачи были больше колибри, а летали как асы. Гонисься за ней с тапкой, гонисься, а она раз — и на потолок взлетает. Свиньи!

Так вот, в условиях высадившихся гусанос, я вижу на окне перед собой фигуру человека. Головы не видно — очевидно, негр. Я его вижу, а он меня пока что нет: наверное, сетка-москитеро мешает. Что делать?! Бросаться на него или драпать? На него — бессмысленно: железная решетка мешает. Значит, надо откинуть полог, успеть выскочить в коридор до его выстрелов, а там поднять ребят и отбиться. Так и делаю: раз — откинул полог, два — шаг к двери, три — выскочил и закрыл за собой дверь!!! Стою абсолютно голый (жара ведь) в коридоре, сердце бухает так, что на втором этаже слышно, дышу со скоростью пулемета... И вспоминаю, что это я вечером повесил на плечиках рубашку сушиться, от пота простирнул. Негр так и не посягнул.

С тех пор я не боюсь контрреволюционеров. Мы их и голышом победим.

Хотя было у меня еще одно подозрение на чье-то вторжение. Ночь. Сплю. И вдруг грохот кастрюль и сковородок! Ну ясно, что кто-то забрался. Выхожу с каким-то оружием на кухню, и вижу, что на столе сидит кот, который из кастрюль пытался чего-нибудь добыть. Ну я, естественно, к нему:

— Кисуля, давай я тебя покормлю!

А кот уличный, дикий, по-русски не понимает, он подумал, что это я его убивать собираюсь. Он делает огромный прыжок к двери, выскакивает в коридор, и, чтобы мчаться дальше, ему нужно совершить разворот на 180 градусов. Он, значит, пытается лететь к открытому окну, но наш мраморный пол только что натерт, скользит так, что ходить опасно. Кот, значит, в дверях смотрит на меня, делает прыжкообразные движения, чтобы удрать, и не двигается с места. Лапы сумасшедше крутятся, а с места ни на сантиметр. Его глаза вообще вылезают из орбит, а я падаю на пол, потому что хохочу, сил нет. Вот так я справился еще с одним контриком. Бандитов мы всегда побеждали. Ура, товарищи!

Море

Нет, не ура, а караул! Спасите наши души. Спасите наши спины, руки и прочие части тела. Почему? Дело в том, что с первой же недели, по воскресеньям, нас стали возить на пляжи. Вернее, на почти совсем за-

крытые заливчики вдоль побережья. Назывались они сауо (кайо). Берег Атлантического океана, точнее — Карибского моря. Были «Кайо Дама», «Кайо Ларго», «Кайо Коко»... Мы побывали во многих местах — и песчаных, и из окаменевших кораллов, и из деревьев, растущих в соленой воде под названием мангровые, — но выбрали в конце концов одно, поближе к дому. Зачем трястись в машине — купайся себе в одном месте. В море входись, а оно, пока мелкое — горячее, в полном смысле. Забрдаешь поглубже и похолоднее, надеваешь маску с трубкой... и на час-два погружаешься в подводную тишину и фантастику. Словами описать нельзя: кораллы всех конфигураций и расцветок, рыбки маленькие, средние и большие. Всех цветов! Ракушки громадные, средние, а мелких не счесть. «Зубатки», «развертки», длинные, круглые... Крабы, морские звезды, медленно ползучие, как каменные, и извивающиеся тонкими щупальцами, как змеи... Нет, передать невозможно! Раковины и звезды собирали, привозили домой, вынимали потроха и сушили. Тогда это было еще возможно. Сейчас запрещено, потому что туристы могли выловить вообще все. Не знаю, как дело обстоит, восстановили ли флору и фауну. Надеюсь, живет Карибское море.

В первый день наплавался я всласть. И сгорел: солнце сквозь воду сжигает до косточек. Дома два дня спал на животе. К следующему выезду на кайо поумнел: надел рубашку с длинными рукавами. И шляпу. Вид совсем не летний.

Где я только не плавал, куда не погружался! Метров до десяти в глубину. Кстати, я нырял с маской, но без акваланга. Их просто не существовало. Воздуха иногда не хватало. Бывало, я занорывал в подводную пещерку и дышал там. Удивительно, но воздух в них был. Однажды я вынырнул в таком «помещении». Там был довольно высокий потолок, песчаный бережок. А на краешке сидел здоровый краб, вернее, омар. Он только что сбросил панцирь, поэтому был красный, как варенный. И смотрел на меня такими грозными глазами, что я унырнул поскорее обратно — вдруг нападет.

На дне моря довольно редко были мертвые зоны. То ли корабль какой-то сбрасывал топливо, то ли газ какой выходил... Но на этом месте не было ничего живого — ни кораллов, ни травы. Черное заиленное дно, и по нему, как черепа, останки больших ракушек.

Я плыл над таким кладбищем, намереваясь выйти на солнечную зону, и вдруг... это может почувствовать только человек, побывавший в Карибах... Я почувствовал взгляд. Сзади. Холодный и жестокий. Я уж думал, что это диверсант какой. Медленно и осторожно оборачиваюсь... на расстоянии руки от меня висит страшная, двухметровая барракуда. Это рыба такая, похожая на щуку, но только зубы у нее здоровенные. Она плавает, не шевеля ни плавниками, ни хвостом, плавает, как торпеда. А особенность у нее в том, что она не умеет разжимать пасть. Может только глотать. И у меня появилось ощущение, что она меня сейчас целиком проглотит. Кладбище и смерть.

Господа! Я никогда не плавал на время, бултыхался себе в теплой водичке. Но уверен, что в тот день я установил мировой рекорд, плыл так, что корпус выходил над водой и волны по-глицерски разлета-

лись. Меня вынесло на берег, и еще несколько секунд я размахивал руками, а потом оглянулся, уверенный, что барракуда преследует меня и на суше. Слава богу, не увязалась, я жив!

Кстати, море гаванское и море сантьяговское разительно отличаются. В Гаване пляжи песчаные, пологие, там находится знаменитое на весь мир Варадеро. И там про барракуд не слышно. Там промышляют акулы. При мне одному купальщику ступню откусила, стерва. На золотом пляже я видел одну из самых первых туристических групп из Советского Союза. Они лежали на горячем песочке и играли в дурака. А что, по Гаване, что ль, шляться! 12 часов лету — и в картишки.

А Сантьяго, я уже говорил, рифовое, коралловое. Цвет у берега бирюзовый, переворачиваешь какую-нибудь каменюку, а там огромная змеевидная рыба извивается, брррррр. А подальше — цвет черный, там глубина. Над глубиной страшно, там тайна.

Ой нет, соврал. Акул и на нашем побережье было много, но на глубине, далеко. Откуда я знаю? Я ж их не видел... А по загородкам знаю. Едешь в какую-нибудь деревню вдоль побережья, а фазенды огорожены красивыми такими, полукруглыми штaketниками, примерно в метр вышиной. Первый раз я ехал километров десять, пока не сообразил, что изгородь сделана из акульих челюстей. Поймали, закололи, съели, а зубки вокруг огорода поставили — не пропадать же добру. Кстати, рыбной мукой на Кубе коров кормят — запаха специфический.

Там же я узнал силу прилива. Он ласковый такой, как реченька течет. Но я вышел однажды на глубину, что-то там подзадержался малость... пошел назад, а отлив уже начался, над бритвенно-острыми рифами всего сантиметров пять глубины осталось. И вода тебя с силой выбрасывает на глубину, а к берегу хоцца! Вобрал пузо по максимуму, переплыл край рифа, не поранившись, и опять такая ласковая водичка... Да, даже у бережка с океаном шутки плохи.

В первые месяцы мы выезжали на пляжи еженедельно. Потом попривыкли. Стали валяться дома, под вентилятором. Но была одна дата, которой избежать никак не удавалось ни русским, ни татарам, ни кубинцам. Это Новый год!

В России 11 часовых поясов. И на Кубе жили представители каждого из них — от Владивостока до Калининграда. Естественно, каждый патриот своего пояса хотел отметить праздник по-своему. Но собираться сначала у Иванова, потом у Петрова, а потом у Сидорова — времени на переходы не хватило бы. Поэтому мы собрались 31 декабря где-то на обширном пляже, отыскивали большую елку (они там есть, но с очень длинными и мягкими иглами), украсили ее мячиками и надувными кругами, постелили огромную скатерть и принялись праздновать. Первая рюмка за тех, кто с Камчатки. И час надо закусьвать. Потом за иркутян. Потом за новосибирцев. Но закусьвать пришлось много, а выпивать только по одной. А это скучно. Поэтому мы устроили вокруг новогоднего дерева хоровод и пили за всех, не ожидая очереди. Было очень весело. Но Калининграда мы не дождались: выпили за Москву, послушали гимн, и я уж не помню, как попали домой.

Но кубинский Новый год мы все равно отметили. Представляете — сутки праздника!

Гран-Пьедра

Пляжи там, пляжи сям, а ведь Куба — это еще и горы. Почему так жарко на юге? Потому что он отделен от основной части горным массивом Сьерра-Маэстра, ветров нет, только летом, которое у них зима, в два часа дня появляется туча, льет проливной дождь. И опять сухо. Вообще-то тянется с запада на восток, но я называю сантьяговскую зону югом, потому что жара больше, чем в Гаване.

В горы я ездил трижды или четырежды. Один раз по своему хотению, дважды — в составе «сопровождающих их лиц». Поездка в горы — это, прежде всего, серпантин. Поворотов пятьдесят за час вас устраивает? Зато наверху — блаженство. Там влажно и прохладно. Там камни покрыты мхами и лишайниками, похожими на буйные заросли. Но главное там — Гран-Пьедра. Переводится как «Большой Камень». И действительно, на самой верхушке горы стоит камушек, высотой с трехэтажный дом. Не высовывается из скалы, а стоит на ней. Под ним можно пролезть и обойти вокруг. Какой-то гигант взял и ради забавы забросил его туда. Землетрясения там бывают, но Гран-Пьедра не скатывается. Наверное, гигант сидит внизу и держит.

Однажды я услышал там, наверху, русскую речь. Я точно знал, что никто из наших не мог забраться туда по своей воле. Пошел на голос. Метров через пятьсот увидел трех человек. Одна из них — женщина. Я опять стал думать о диверсантах. Подхожу, вежливо так требую отчета — че вы тут делаете? Выяснилось, что это глава Совета Национальностей СССР. Ёдгор Содиковна Насриддинова. Я говорю, прибытие такого человека не могло обойтись без консула, должен быть прием, туда-сюда. А она приехала посмотреть Гран-Пьедру, и обратно. Член Верховного Совета лялякает со мной на горе, и никого...

Раз в месяц наши общественные обязанности сводились к уборке сахарного тростника. Разве могут кубинцы справиться сами со столь ответственной работой? Мы выезжали на сафру очень рано, в пять или шесть часов, чтобы по холодку было. Приезжали на огромное поле, получали по делянке тростника и начинали рубить. Рубить — это вам не траву косить. Тростник в высоту метра два или даже три. Тебе дают мочу. Это мачете поуже и подлиннее, и с ударением на первый слог. Берешь ее и делаешь три удара. Первый — под корень. Поднимаешь тростиночку килограмма в три, срубаешь с нее листья — два. А потом двумя ударами делишь ее на части — вжик, вжик. Обрубленные палки кидаете за спину. Их собирают в грузовик и везут на завод. А с завода — сахар, а из сахара, естественно, ром. А как во время сафры выглядели наши работники! Потные, покрытые пылью, в мятых трениках и женщины и мужчины, потому что голое тело разест трава на фиг. Но сверху обязательно шляпа, иначе солнечный удар. Часа через два нам устраивали перерыв. Полгрузовика роскошных бутербродов — с сыром, с хамоном, с газировкой — от пуза. Потом еще часок работы — и на обед. В ресторан. Там угощение такое,

что стоимость его превышает цену срубленного тростника в несколько раз. Зато — демонстрация единства и сотрудничества! Вива Куба!

Конец, делу венец

Вива, оно, конечно, вива, но всем радостям тропиков приходит конец. Я поехал в Гавану — писать отчет о пребывании и прощаться. А мне там говорят — да ты что! Никуда ты не летишь, мы тебе командировку на год продлили. Побудешь здесь, потом мы тебя отправим в Москву, будешь работать в ЦК комсомола, потом в партийных органах... А я на дыбы: что это вы будете за меня решать мою жизнь! А может, я хочу... Я не знаю, чего я хотел, но на Кубе уже быть не мог. За год я отпустил бородку-эспаньолку, похудел килограмм на сорок и стал натуральным алкоголиком. Я уже рассказывал, что в день только с газировкой мы выпивали граммов по двести. А ведь были приемы то у тех, то у других.

В общем, с не очень приятным осадком меня отпустили (ну не хотел я быть функционером!). Я собрал свои пожитки... да нет, оставил их все моим друзьям-кубинцам... завернул в слои туалетной бумаги все свои ракушки (набралось несколько больших коробок) и выехал в Гавану к такому-то числу. Поселился опять-таки в «Ривьере». Лежу на полу номера и загораю, больше ни на что сил нет. Прошли деньки, спускаюсь к автомобилю, чтобы ехать в аэропорт. Он приезжает, но шофер мне говорит, что я не лечу. Ну все, кранты, оставили, гады! Оказалось, что с рейса сняли всех пассажиров и посадили Большой симфонический оркестр СССР, естественно с инструментами. И я опять загораю на полу. Хотя нет, около «Ривьеры» был бассейн с морской водой, я в нем не бултыхался, считал, что холодно, градусов 25. Просто лежал. Однажды увидел, что к водичке подходит наш воронежский студент, уже выпускник. По-моему, Витька Перфильев. Я ему по-испански: «О, Виктор, привет». А он молчком и в сторону. Я ему: «Витька, ты че, обалдел, не узнаешь?». А он: «Que desea el señor?» (Что угодно господину?). Я ему: «Да мы с тобой всего год назад расстались, в Воронеже». Кое-как признал. Но с опаской. Пошли в кафешку, я его угощаю. Сразу по-русски перевожу: «Дайте один ром и одну сеньориту». Витька тут же на дыбы: «Никаких сеньорит!» Я говорю, да ты попробуй! А он ни в какую, он же первый день из Советского Союза.

Я подмигнул официантке, и она все-таки принесла заказ: «сеньоритой» называлось одно очень вкусное пирожное. Так Витька стал погружаться в гаванскую жизнь. А я доживать ее.

В один прекрасный день мне позвонили по телефону. А тогда переносных не было, только настенные в ресторане. Сообщили, что в такой-то день и час я должен быть у подъезда. Вечером я попрощался с Гаваной.

Утром еду в аэропорт. Прохожу досмотр, поднимаюсь на борт ИЛ-62. Сажусь на свое место. И какое-то у меня ощущение неуютное: в самолете больше никого нет. Стюардесс много, а я один. Через полчаса заваливает еще один мужик — с женой и ребенком. И экипаж начинает задраивать дверь. Вот тебе номер! Меня попросили пересесть на соседний ряд, для выравнивания веса. А самолет-то весит много тонн! И мы полетели. Познакомились. Оказалось, сосед мой был тоже консул, но из Мексики. Он достал бутылочку текилы, я в ответ — рома... Мы уложили десяток сидений в горизонтальное положение, улеглись и стали есть и пить по-восточному. Ну, о чем-то балакали... Но мы так зарядились, что проснулся я уже в Москве. Один раз только открыл глаза и увидел внизу Средиземное море и Италию.

Консул пошел своим дипломатическим выходом, я — своим, обычным, вместе с толпой. Я уже не за рубежом. Мои вещи повезли на тачанке. А я вышел в зал прилета и сразу увидел свою любимую мамочку. Она стояла и разглядывала ряды выходящих. А я же один прилетел. Подошел к ней, встал прямо напротив. А она смотрит вверх головы — где же мой ненаглядный сыночек? А я вот он — худой, с бородкой, почти черный...

— Ма, ты меня пришла встречать или кого?

— Ох!

И только тогда мы обнялись.

...

Я побывал за свою жизнь во многих странах, и далеко не как переводчик. Но Кубу я запомнил навсегда, как свою первую любовь.

19 июля 2021 г.

P.S. Сейчас там какая-то заваруха началась. Смогу ли увидеть ее когда-нибудь еще? Давайте постараемся сблечь нашу молодость.

10 августа 2021 г.

Айрат Еникеев Вино для одуванчиков

Рассказы

Зелёный ананас

Конец восьмидесятых.

Согласитесь, звучит как «это был сорок первый год». Период правления Горбачева, эпоха талонов на табак и мыло, время пустых прилавков и жирных очередей за водкой. Анекдот тех лет: «Хозяева: Вы в ванной руки с мылом мыли? Гости: Да. Хозяева: Значит, чай будете пить без сахара».

Пацаны во дворе выменивали бутылку «кока-колы», привезенную отцом из-за границы, на велосипед «Школьник». За пачку «Кента» можно было переспать с самой красивой девушкой города. И не один раз. За телевизор «Sony» получали либо должность премьер-министра маленькой автономии, либо двадцать пять с конфискацией.

Так вот, в разгаре этой вакханалии дефицита я, собкор областной газеты, оказался в составе делегации, направляющейся в Париж. В нее входили многочисленные московские чиновники, в гораздо меньшей степени — местные, ну и два-три журналиста, которых, скрепя сердце, пришлось взять, чтобы французы не отказали в приеме.

Ночь перед отъездом прошла в препирательствах по поводу того, кому что привезти. Основная часть валюты должна была уйти на покупку нижнего белья в удешевленных салонах «Тати» (без этого жена грозила не пустить обратно), я надеялся купить ручку «Паркер» (в те времена мечта любого журналиста) и, наконец, дети робко попросили привезти им ананас. Видите ли, им попались в руки импортные журналы, где в деталях расписывалось, как потреблять этот экзотический фрукт. И теперь, понимаешь, они желают поесть его сами и угостить своих закадычных друзей и подруг.

В Москве я подробно расспросил будущих спутников о свойствах растения, о котором имел чисто внешнее представление. На вопрос «Вкусный ли он?» женщины отвечали: «Очень!», а мужики пожимали плечами и советовали на эти деньги купить фотоаппарат.

В итоге выяснилось, что ананас во Франции баснословно дешев и стоит 9 франков за килограмм. Сегодня самой глухой зимой в самых глухих Тетюшах экзотический фрукт можно купить за 50–60 рублей, а родные

Об авторе: Еникеев Айрат Марсович, работал в республиканских газетах Башкирии – «Ленинец», «Советская Башкирия», «Вечерняя Уфа», «Уфимская неделя» и в других. Был редактором глянцевого журнала «Банзай», «Машины и механизмы» и другие.

околоуфимские помидоры будут стоять за сотню. Словом, я тогда полетел в Париж, совершенно не понимая такого соотношения, как «цена и качество». И только воля «пославших мя детей» заставляла предпринимать какие-то действия.

Карусель наполненной впечатлениями поездки, к стыду моему, отодвинула на задний план детскую мечту. Азарт покупки дешевых бюстгалтеров и выгодных трусов заслонил удовольствие видеть, как твои «мартышки» за обе щеки уплетают непробованный фрукт. Но советы знатоков все же заставили вспомнить о данном обещании.

Дело в том, что ананас, как и помидор, имеет свойство созревать постепенно. Его можно снять с грядки зеленым, пока дорога и крики «Эй, слушай, смотри, какой слядкий, да?» не сделают его готовым к употреблению. Досужие москвичи мне так и объяснили: во Франции ананасов как грязи, но на рынок они все поступают зрелыми. Если ты, чушпан, купишь зрелый ананас и повезешь его через пол-России в свой Мухасранск, он успеет созреть и прокиснуть. Поэтому иди на рынок и бери его зеленым: пока будешь добираться до дому, созреет.

За день до отъезда из Парижа в Москву обнаружилось, что куплено все вплоть до расчески для причесывания подмышек. И только ананас еще не занял места в огромном пластиковом чемодане. Я выскочил на Рю де Ваграм, где находилась наша гостиница, и огляделся в поисках хоть какой-нибудь торговой точки. Париж был погружен в густую мартовскую тьму и источал запахи сдобных булочек и горячего кофе. Какой-то мужик прогуливал маленькую хулиганскую собачку, подбирая за ней какашки в аккуратный пластиковый мешочек. Далее следует дикая смесь английского и французского, на которой я объяснялся с моими собеседниками.

— Пардон, мсье, где я могу купить зеленый ананас?

— Зеленый ананас?

— Да, мсье, зеленый ананас.

— А вас не устроит обычный ананас, который можно есть?

— Нет, мне нужен именно зеленый. И я готов заплатить за него деньги...

— Деньги за зеленый ананас?

— Да, я готов заплатить за него не менее девяти франков за килограмм.

— Черт возьми, почему у меня дома нет зеленого ананаса! А может, вас устроит зеленый помидор?

— Нет, мсье. Я и так живу в стране вечнозеленых помидоров. Мне нужен зеленый ананас.

— Ну, хорошо. Если вы спуститесь вниз по Рю де Ваграм, то застанете уже закрывающийся супермаркет, в котором продаются ананасы, но я не уверен, что зеленые. Советую вам не жестикулировать руками, объясняя, насколько ананас должен быть зеленым, чтобы охрана не приняла вас за арабского террориста.

Я добежал до указанного места и столкнулся с очень усталым администратором зала, который выгонял из магазина последних покупателей. Он выслушал мои объяснения по поводу зеленого ананаса, посмотрел на меня, как психиатр на пациента, и попросил подождать. Типа, он сходит за менеджером, который лучше него разбирается во фруктах.

Как назло, рядом оказалась стойка с детскими игрушками, и я вспомнил, что обещал привезти сынишке солдатиков. Для удобства я уселся на пол, принялся выбирать и забыл про все на свете среди восхитительных танков, пушек и самолетиков. За этим занятием меня и застали администратор и молодой человек в фартуке. Это был тот самый менеджер. Тяжело вздохнув, он взял меня за руку и увлек в междуящечное пространство. В конце огромного зала мы подошли к тележке, битком набитой ананасами.

— Это — ананасы. Их — едят, — сказал менеджер с интонацией читающего букварь учителя. — Раз, два, три, четыре, пять, начинай искать...

После этого мы с ним перешутили все триста ананасов, как груди рабынь на невольничьем рынке Востока. Они — ананасы, а не груди — были мягкие, зрелые, фантастически ароматные, но среди них не оказалось ни одного зеленого.

— Зачем вам зеленый ананас? — спросил менеджер, вытирая фартуком лицо. — Вы что, из торговой инспекции?

— Нет, — ответил я, — я из России, и пока я доеду до своего города, ананас как раз созреет.

— Так бы сразу и сказал, — воскликнул молодой человек, ушел за помощью и вернулся с двумя очаровательными кассиршами. Мы еще раз прошерстили всю каталку, и еще раз оказалось, что все ананасы спелые, как эти самые кассирши.

— А что если мы плонем на зеленый ананас, возьмем этих девушек и пойдем поужинать в ближайшее бистро? — спросил менеджер.

— Нет, — сказал я, — завтра в обед самолет, и мне нужно еще успеть собраться.

— Ну что ж, — сказал парень, — тогда вам придется прийти завтра к восьми утра. Как раз в это время поставщик ананасов привозит свою продукцию. Глядишь, среди мусора что-нибудь и отыщется.

Я удалился, сопровождаемый толпой любопытствующего персонала. У входа в гостиницу меня ждал мужик с собакой.

— Вот, — сказал он, протягивая мне пакет с каким-то содержимым, — жена собрала для вас немного недозревшего картофеля. Пойдемте, я угощу вас кофе...

Всю ночь мне снились зеленые кассирши. Я срывал с них дешевые лифчики и плакал, когда внутри ничего не обнаруживалось. Наконец, я соскочил с кровати, лихорадочно оделся, зажал в руке десять франков и без пяти восемь уже стоял у входа в супермаркет.

Администрация, как оказалось, серьезно подготовилась к моему приходу. С иголки одетый персонал выстроился вдоль кассовых проходов. Вчерашний менеджер в накрахмаленном фартуке торжественно прятал за спиной правую руку. Когда я вошел, грузчики перестали кашлять и греметь ящиками.

— Эй, рашн! — воскликнул менеджер в пристальной тишине. — Грин ананас!

И поднял вверх руку с лохматым фруктом. Тот был зелен, как школьный забор в башкирском райцентре. По команде администратора французы заплотировали. Я взял ананас и, сопровождаемый всеобщим ликованием, направился к кассе.

— Нет-нет, — тепло улыбнулся администратор, когда я разжал запотевшую ладошку. — За зеленые ананасы мы денег не берем. Это подарок.

Ну, что еще можно добавить к сказанному? Конечно, я через три дня был дома, и конечно, ананас за это время не созрел. Конечно, дети его съели, криваясь и морщась, но трехлетняя дочь сказала, что если все зарубежные фрукты таковы, то в виду она имела всю Францию со всем ее изобилием. Сегодня дочь уже взрослая девушка, а я почему-то, несмотря ни на что, вспоминаю то нищее время с огромным удовольствием. Наверное, потому что был тогда молод и зелен. Как тот ананас...

Велосипед как признак цивилизованности Картинки из новейшей европейской истории

Как-то стал свидетелем характерной картинки на улице Москвы: из автомобиля стоимостью в бюджет крупного российского райцентра вышел известный политик, депутат, можно сказать, властитель дум и направился к подъезду роскошного особняка. Полы черного пальто стоимостью в бюджет мелкого райцентра развевались за ним, словно крылья летящего демона. Вдруг (откуда они только берутся?!) к нему подошла опрятно, но бедно одетая женщина и обратилась к властителю с какой-то просьбой. Демон рявкнул на охрану, женщину подхватили под локотки и увели несчастную с пути вершителя народных судеб. Вот так, мне кажется, весь народ российский подхватили под локотки и увели с пути нашей новоявленной знати, и теперь перед ней открылась широкая светлая дорога — вплоть до 2020 года.

Чуть больше 60 лет назад маленькое европейское королевство Бельгия вышло из войны разоренным и униженным, впрочем, как любое оккупированное фашистами государство. Безработица, суп из брюквы. Маргарин — только по праздникам. Правил тогда Бельгией принц-регент Шарль, брат короля Леопольда III, подписавшего акт о позорной капитуляции и проведшего всю войну в Германии в качестве почетного репатрианта. Принцу Шарлю с тех пор стоят памятники по всем углам крохотной Бельгии, потому что это без преувеличений был великий человек. Он вывел подвладомственное ему государство из жесточайшего послевоенного кризиса и сделал его современным и процветающим. Теперь бельгийское королевство занимает одно из первых мест в мире по уровню жизни.

Но тогда, в 1946-м, было очень тяжело, и принц Шарль ездил из своих скромных апартаментов в королевский дворец на велосипеде. Каждое утро просыпающийся Брюссель мог наблюдать, как уже далеко не молодой человек крутит педали на подъемах крутых улочек старинного европейского города. По бокам от него катили, тоже на велосипедах, двое полицейских. Ну, типа, охрана.

Придворные принца настоятельно намекали монарху, что ему по рангу положен автомобиль, ну, в крайнем случае, конная пара, укрытая от посторонних глаз. Нет, отвечал челяди принц, я не могу пользоваться дорогим экипажем, пока мои подданные живут впроголодь. Это вопрос моей чести. Впрочем, честь — суть совершенно не экономическая категория, и, боюсь, российской «элите» этого не понять.

А вот пример из гораздо более поздней, также европейской истории. Ингвард Кампрад — глава шведской межконтинентальной фирмы «Икеа». Сорок заводов фирмы, расположенных по всему миру, производят недорогую качественную мебель и товары для дома. Сотни магазинов по всему же миру их продают. Чтобы иметь такие обороты, по диктуемым нам из Америки законам, следует брать кредиты, частью из них спекулировать, часть пускать в производство. Так вот, первая и последняя ссуда, которую брал Кампрад в своей жизни, — это 500 крон (63 долл.) на покупку партии французских авторучек. Он на заре своей предпринимательской юности собирал бруски, ловил рыбу и развозил их на велосипеде по окрестным селениям. Покупатели сказали ему, что неплохо было бы, если бы он вместе с ягодами и карасями торговал бы еще какой-нибудь мелочью, ну, мол, писать нечем. Вот парень и взял ссуду. Потом были, кажется, кофейные столики, потом шкафы, дальше — больше, пока «Икеа» не стала тем, чем она является. С оборотами в десятки миллиардов евро.

Но мы же ведь не об экономике, правда? Мы ведь о том, что Кампрад, приезжая в командировки, всегда устраивается в скромных трехзвездочных гостиницах, на бесплатных ланчах с утра наедается до отвала, чтобы потом не тратиться на обед и ужин, одевается на распродажах, ездит в городском транспорте, чтобы не платить за такси. А по знакомым городам, например по Парижу, разъезжает на велосипеде, и никакие папарацци его не преследуют. А какой смысл таскаться на машине, если кругом «пробки»? А когда челядь ему что-то бормочет, он отвечает почти как принц Шарль: «Как я могу требовать бережливости от людей, которые на меня работают, если сам буду жить в роскоши и комфорте?».

Еще один штришок о Кампраде. Он вначале 90-х удалился от дел и передал свои полномочия сыновьям и компаньонам. (Представляете нашего олигарха, удалившегося от дел?) Тут, понимаешь, собрался совет директоров и волевым образом назначил Кампраду пенсию чуть не миллион евро в месяц. Вы не представляете, какой в капиталистической Швеции поднялся дикий скандал! Предприятия бастовали, правительство заседало, газеты требовали объяснений: какого фи́га в стране, где простые граждане не в состоянии позволить себе ничего, кроме бесплатных детских

садов, бесплатного среднего и высшего образования, бесплатной медицины, бесплатного социального жилья да и мало ли еще каких бесплатных социальных льгот, какой-то олигарх позволяет себе получать такую баснословную пенсию?! Кампрад слил все махом, как «лох» последний: передал половину своей пенсии на благотворительность. Капиталистическая Швеция потихоньку успокоилась. Сегодня глава крупнейшей транснациональной корпорации живет в маленьком домике в Лозанне (в Швейцарии налоги поменьше) и ездит на «Вольво» 12-летней давности. Ну, это в дальние поездки. А так — на велосипеде.

А еще у шведов был выдающийся премьер-министр — Свен Улоф Иоахим Пальме. И к тому времени, когда он подъехал на велосипеде к кафе, из соседнего фешенебельного ресторана вышел, ковыряя спичкой в зубах, корреспондент советской газеты. Ужин — долларов на сто. Дальше — с его слов.

Корр.: Господин премьер-министр, простите, что вы здесь делаете?

Пальме (слезая с велосипеда): Вы вышли из этого ресторана?

Корр.: Да.

Пальме: Нет, это для меня слишком дорого. Я в ближайшем кафе. Если вы меня подождете, то я вам все расскажу. Я все-таки председатель Социнтерна и прекрасно отношусь к вашей стране.

(Корр. ждет, кутаясь в плащ и прихлебывая из карманной фляжки. Появляется Пальме с судками в руках).

Пальме: Ну вот, теперь я готов вам все рассказать. Видите ли, вот в этом кафе горячие обеды и ужины гораздо дешевле, чем во всем Стокгольме. И я каждый вечер приезжаю сюда на велосипеде, чтобы покормить себя и свою семью.

Спустя время Улофа Пальме убили. Бесконечно жаль выдающегося политика и просто порядочного человека. Но в связи с этим возникает крамольная мысль: может наших-то всех на велосипеды пересадить?

Деревенские каникулы Детская быль

Что, вы думаете, представляют собой зимние каникулы в деревне? Особенно когда ты — семи-восемилетний горожанин в первом поколении, и родители устали от твоих попыток погнаться от удара током при включении елочной гирлянды, нырять головой в снег с крыши пожарного гидранта, швов на языке от стремления лизнуть дверную ручку на тридцатиградусном морозе и отмороженных пальцев при потере двадцатой по счету пары варежек. Каникулы в деревне — это для них спасение, а для тебя — счастье, подаренное богом. А бог — это твой дед, бабакай, колхозный пасечник с орденами планками на заскоружлом шевиотовом пиджаке.

Бабакай ходит со страшной сучковатой палкой, которая служит не столько опоркой для его подорванной на mine ноги, сколько предметом, вселяющим холодный ужас во всех падких на мед деревенских мальчишек. Когда-то, в конце сороковых — начале пятидесятых, он очень короткое время возглавлял родной колхоз, потому что на всю деревню было два

здоровых мужика — один счетовод без обеих ног и он, чудом оставшийся в живых после штурма Сапун-горы и шести полостных операций. Дедом пугают непослушных детей, пишут о нем в районной газете, как про знатного медосдатчика, и приглашают по-мусульмански правильно резать скотину и птицу. Дом, в котором ты проводишь новогодние каникулы, наполнен дядьками, тетками, двоюродными братьями и сестрами. Самый заметный из них дядя Вакиль, здоровенный рыжий детина, который, будучи передовым шофером, имеет обыкновение рассекать колхозные просторы на предельной скорости, выжимая из своего «зилка» максимум возможного. Но стоит ему хоть немного принять на грудь, он включает первую передачу и ведет машину в темпе плетущегося пешехода. Поэтому, увидев где-нибудь под вечер его медленно-медленно ползущий грузовик, деревенские старухи говорят: «Вон Вакиль пьяный с работы возвращается».

Мое ближайшее окружение — это сыновья Вакиля, Рафис и Фидрат, которым поручено опекать гостя под страхом неминуемой смерти, если с ним вдруг что-то случится. Братья отягощены этой страшной клятвой, и из досады таскаться за сопливым городским родственником издеваются надо мной изо всех сил. Не далее как вчера под видом белоснежного кусочка сахарной свеклы подсунили кормовую, и я полчаса доверчиво грыз безвкусную волокнистую плоть, которой кормят свиней. Братья после этого полдня дразнили меня свистящим именем «суска» и предлагали похрюкать «на бис». По-татарски это звучит особенно обидно.

Кстати, мне, благодаря деревенским каникулам выросшему двуязычным, почему-то очень трудно переводить с одного на другой и обратно. Где-то силен русский, а где-то великий и могучий просто бледнеет перед изысканной татарской лексикой, на которой привык изъясняться любой колхозник. Годы позже, когда ко мне, уже взрослому школьнику, приехал младший деревенский братишка, я с видом знатока повел его гулять по городу. Мимо мелькнул лоток с мороженым. Изъясняйся пацан по-русски, его просьба прозвучала бы просто: «Купи мне эскимо». В переводе с татарского это выглядело совсем иначе: «О, мой старший брат, как бы ты отнесся к тому, если бы я попросил тебя купить мне мороженое?». Сколько было в этом дворянского шика и деревенского лукавства!

И вот я живу в зимней деревне, и снег за окном блестит, как серебряные монетки в длинных бабушкиных косах. Сейчас эти монетки звенят, словно непрозрачные льдинки, потому что нэнэйка раскатывает тесто для пирожков. Часть из них уже жарится в казане, издавая фантазмагорические запахи, и братья гоняют меня на кухню цыганить, понимая, что городскому внуку вряд ли откажут. Но бабуле известны все эти ухищрения, и она, дабы мы не путались под ногами, гонит нас на улицу.

Мы выходим со двора, пахнущего свежезатопленной баней, и идем к шумной незамерзающей речке. Вертикальные столбы дыма из печных труб поддерживают студеной небесный свод. Я наклоняюсь над водой и вижу стремительных пестрых рыбок под тонкой корочкой льда. Речка такая мелкая, что ее можно

перейти по камням, облизанным быстрым течением. Мы перебираемся на ту сторону и оказываемся на задах большой соседской усадьбы. Здесь живут богатые, или, как говорят в деревне, байлар. Посреди просторного двора валяется заржавленный остов велосипеда, который даже в городе был тогда предметом вожделения любого мальчишки.

Братя громко кричат, вызывая на улицу соседского парнишку, но тот машет в окно рукой: мол, не пойду, холодно. Мы шляемся по чужому огромному двору, заглядывая во все углы и закоулки, пока лопухий и конопатый Фидратка не предлагает поиграть в прятки. Маяться, конечно, выпадает мне.

Я полчаса лазаю по лабиринтам крестьянского подворья, прислушиваясь, как в загоне блеют овцы и переступает ногами заиндевшая лошадь. Наконец, мне с превеликим трудом удается замазать Рафиса, и тот, недовольный, вылезает из какого-то закута, облепленный снегом и сухими коровьими какашками. Тут уж приходит мой черед хохотать и обзывать.

Брательник, злой от того, что его обнаружили первым, решает отомстить.

— Хочешь покажу, где спрятался Фидратка? — предлагает он мне тоном, не предвещающим ничего хорошего. Я, городской простак, с радостью соглашаюсь. Рафиска ведет меня за сарай по хорошо утоптанной тропинке, которая приводит к крепко сколоченному деревенскому туалету.

— Вон там он сидит, — шепчет Рафиска и прячется за угол. Я подхожу к сортиру и дергаю ручку на себя. С той стороны ее кто-то крепко удерживает. Я тяну сильнее, но сопротивление возрастает. Наконец, после упорной, но непродолжительной борьбы дверь распаивается, однако вместо конопатой Фидраткиной рожи я с ужасом обнаруживаю разъяренную старуху с медным кумганом в руке.

— Ах ты, сын шакала! — кричит старуха и с размаху бьет меня этим кумганом по башке.

Бом-м-м! — раздается громкий звон внутри меня и во всем окружающем пространстве. Сквозь него я слышу визгливый хохот удирающих братьев и понимаю, что меня подставили, как последнего засранца. Мало того, что эти гады теперь сживут меня со свету своими насмешками, так они еще расскажут обо всем окрестным пацанам, и мои лучезарные каникулы превратятся в ад.

Я гонюсь за братьями, не чувствуя под собой ног, скатываюсь к речке, перескакиваю с камня на камень и уже у самого берега проваливаюсь в ледяную воду по пояс. Братья резко тормозят, некоторое время с ужасом пялятся на меня, барахтающегося, и вдруг бросаются к дому с криками: «Айратка тонет! Айратка тонет!».

К счастью, даже в самое полновожье эту реку вброд форсируют деревенские куры, поэтому я сравнительно легко выбираюсь из воды и вскарабкиваюсь на берег. Кажется, ничего страшного не произошло и до дома рукой подать, но мороз на улице под тридцать да с ветерком, и через сто метров мокрая одежда покрывается ледяной коркой. Я перекатываю по снегу, как замороженный апельсин в своей оранжевой куртке, а еще через минуту из всего тела чувствую на себе

только голову, все еще звенящую от соприкосновения с медным антиквариатом.

Вдруг вижу деда, который бежит ко мне навстречу в полосатых шароварах, в длинной рубашке навыпуск и в одних шерстяных носках. Его редкие седые волосы развеваются на ветру, как грива жеребенка, а широко раскрытые глаза полны любви и страха за любимого внука. Бабакай хватает меня в охапку и несет в дом.

Там меня раздевают догола, заворачивают в пуховое бабушкино одеяло и заталкивают на печь. Моя маленькая нэнэйка стоит на лавочке, поит меня с руки горячим чаем и заставляет столовыми ложками глотать густой тягучий мед. Братья, понимая, что смерть уже где-то рядом, прячутся в недрах большого дома.

Тут в сенях распахивается дверь, и я слышу визгливый голос той самой старухи из туалета. Она все еще сжимает в руке свой грозный кумган и орет так, словно ее только что лишили девственности. Дед отвечает ей глухим спокойным голосом, скандал постепенно стихает, и старуха удаляется, сжимая в одной руке кумган, а в другой — литровую банку дареного меда.

Бабакай забирается ко мне на печь и начинает расспрашивать о случившемся. Я, трясясь от ужаса, сдаю братьев со всеми потрохами. «Ах, вот оно что», — говорит дед, слезает с печи, достает из угла тугий ивовый веник, которым бабушка метет кухню, выдергивает из него самый толстый прут и деловито пробует его на изгиб. «Так, где эти два божьих уroda?» — спрашивает он у бабушки и исчезает в горнице. Через несколько секунд братья начинают выть дуэтом. В это время с работы возвращается дядя Вакиль и, узнав в чем дело, присоединяется к экзекуции. Теперь Рафис с Фидратом орут так, что дрожит вольфрамовое нутро голой лампочки, висящей под потолком.

И тут меня прорывает. Я начинаю реветь, понимая, что выдал братьев на расправу, что я теперь последний ябеда и нет мне никакого прощенья. Бабушка забирается на печь, гладит меня по голове и говорит, утешая:

— Не плачь, балакаем, ум к человеку через задницу приходит. Потом задница заживает, а ум остается...

В переводе с родного языка, к сожалению, эта фраза теряет девяносто процентов своего лексического обаяния. Как и многое из того, что я услышал за время своих далеких деревенских каникул. И не услышу больше никогда.

Деревенские каникулы-2

— О-о-о! — притворно-радостно восклицал отец, когда в двенадцатом часу ночи в квартире раздавался звонок, и малюсенький коридор двухкомнатной «хрущевки», словно тамбур в электричке, заполняли деревенские родственники.

Дядя Вакиль, его жена Самига и младший из четырех сыновей Флор долго топтались на пороге, пятьсот раз отказываясь пройти, пока, наконец, не рассаживались посреди комнаты, все не решаясь расстаться со своими мешками и баулами. Квартира сразу заполнилась запахом овечьей шерсти и духов «Красная Москва». Чуть позже, когда Вакиль стаскивал сапоги и портянки, в дом врывались ароматы сырой уфимской весны, потому что мама распахивала все оконные форточки.

Мы с братишкой были счастливы возможностью совершенно легально манкировать сном и носились по квартире в ожидании деревенских гостинцев. Дядя Вакиль, стесняясь своих шаровар, заправленных в носки, доставал из бездонного мешка хлеб домашней выпечки размером с тележное колесо, шестилитровый бочонок меда, шмат янтарных сот, завернутых в вощину, банку деревенской сметаны и половину бараньей туши.

— Ну, что уж вы? Ну, зачем уж вы? Да не нужно ничего, — тараторила мама, быстренько прибирая продукты, пока до них не дотянулись наши жадные руки.

Но мы с братишкой все же успевали залезть в сметану, согнув при этом алюминиевую ложку. Это чудо крестьянского подворья, намазанное на фантастически ароматный хлеб, своим кулинарным бесстыдством могло соперничать лишь с парным молоком, налитым в огромную цветастую кружку. Еще раз же что нэнэйкины пирожки с потрохами, эскимо по двадцать две копейки и куриная ножка, вероломно похищенная из кастрюли с лапшой. И где-то на предпоследнем месте, значительно позже описываемых событий, в этом рейтинге удовольствий маячили женщины. Разве может сравниться какая-то там Бриджит Бордо с деревенской сметаной на теплой ноздреватой горбушке?! Впрочем, я отвлекся...

Итак, с гостинцами покончено, и тут начинались вежливые препирательства гостей и хозяев о том, кому где спать.

— Вы ляжете в той комнате на диване, — настаивала мама, — а детей мы положим на пол.

— Алла сакласын! — ужасалась тетка Самига. — Мы на пол, только на пол!

— Нет, на диван.

— Нет, на пол...

И так до тех пор, пока не начинал реветь маленький Флор, потому что, оказывается, он давно уже хочет в туалет и терпит с самого вокзала. Тут дядя Вакиль хватал Флора и бросался с ним в «тубзик», неся ребенка, как кипящий самовар, на отлете, чтобы, не дай Бог, не попасть под струю.

Пока суть да дело, маме все же удавалось постелить взрослым на диване, а нас с пацаном устроивали на полу — мы по бокам, Флорик в середине. Малайка впервые за свои пять лет приехал в город и теперь преисполнен гордости из-за права лежать между двумя старшими братьями. Спать никто из нас не собирается, и мы еще час возимся, шепчемся и ржем над смешными флюркиными вопросами: есть ли у нас солдатики, покажут ли ему телевизор и сколько в Уфе разрешают съесть мороженого зараз. У них в деревне не разрешают ни одного, потому что в сельпо мороженое не продается, и он знает о нем только от старших братьев, которых уже брали в город.

— Так он что, ни разу в жизни мороженого не ел? — ужасается братишка. — Ни фиги себе! Я бы так не смог.

Наконец, обещание отца кое-кому всыпать заставляет нас успокоиться и погрузиться в сон.

На следующий день гости поднимаются ни свет ни заря и в сопровождении мамы волокут Флора по ма-

газинам покупать ему шапку, пальто, ботинки и матросский костюмчик. Мимоходом приобретаются пять коробок цветных карандашей «Спартак», семь палок «докторской», четыре кило карамели «Ягодка», новая телогрейка для Вакиля, деревянные гардины для штгор, два пластмассовых ведра, набор эмалированной посуды, галоши для деда, цветастый платок для нэнэйки, электрокипятильник, мясорубка, одеколон «Шипр», пять бутылок лимонада и часы с кукушкой.

Флюрик очень гордится обновлениями и носит их, не снимая, несмотря на то, что отчаянно потеет в теплом стеганом пальто. Вообще-то, в нашей семье вопрос одежды для братишки решается просто: он донашивает мои вещи. Но у Флюра не один, а целых три брата, и когда очередь доходит до него, обносками успевают «стореть» в бесшабашном огне деревенского детства, изнашиваясь до прозрачности. Поэтому Флюру все покупается с иголочки, но на вырост, то есть на три размера больше. Если вы когда-нибудь видели огородное чучело в старом байковом одеяле, которым до этого два века укрывалась вся семья, то можете себе представить, как выглядел Флюр в своем пальто фабрики имени Парижской Коммуны. Как я сегодня понимаю, под этим высоким именем скрывалась женская колония, расположенная где-то в мордовских лесах, и все наше счастливое детство прошло на фоне этого драпа в серую клеточку. Отсюда, кстати, и слово «драпать».

Вечером мы все вместе идем гулять в просохший после долгой зимы парк, где прямо под старой скрипучей каруселью рассыпаны огромные лупоглазые подснежники. Мы — это Вакиль с отцом, я, братишка и Флюр. Пока взрослые дуют пиво в замусоренном павильончике, мы съедаем все, что можно купить в окрестных киосках на выданные Вакилем три рубля. Затем до отказа набитого общепитовской снедью Флюрика мы сажаем на качели и из хулиганских побуждений начинаем раскачивать так, что он визжит от страха.

— Туктатыгыз! Туктатыгыз! — орет несчастный ребенок, но нас, юных садистов, это раззадоривает еще больше. Прибежавшие на шум отцы останавливают качели, но уже поздно: съеденные за пятнадцать минут до этого деликатесы прут из мальчика наружу.

Дядя Вакиль стоит рядом и обескуражено комментирует процесс: «Мороженое... Пирожки... Газировка. Подожди, он же еще ириски ел... А, вот и ириски. — Потом вытирает Флюру лицо огромным носовым платком и подытоживает: — Рубля на два добра пропало».

Отец бросается к киоску и возвращается с пломбиром и коробкой зефира в шоколаде, но малыш безутешен в своем отчаянье. Тут батя выдергивает из пояса свой пронзительно узкий ремень, и мы с братишкой присоединяемся в терцию, создавая подобие грузинского многоголосия.

С тех пор минуло более тридцати лет, и Флюр — это уже здоровенный мужик, прошедший Самотлор и Уренгой. Но и сегодня при встрече с ним в горле всякий раз застревает и не дает дышать чувство жгучего стыда перед маленьким деревенским мальчиком, которого в прошлом веке так больно обидели взрослые братья. И кажется мне тогда, будто это не я, а весь огромный город ночью плачет по изувеченной деревне, из кото-

рой он когда-то вышел, винится перед ней, но не может добиться прощения...

«Золотой Гусь»

Вы когда-нибудь пробовали торговаться в наших магазинах? Представляете, вы говорите продавщице в синем заляпанном фартуке и с выражением лица «чтоб вы все сдохли»: «Вот эта колбаса у вас заветренная. Продайте ее мне на пять рублей дешевле, а?» А в супермаркете — тем более: с кем там торговаться, с кассой, что ли, которая автоматически считывает заранее приклеенные ценники. Хорош товар или плох, плати сколько написано. Даже на рынках уже торговаться перестали — разве что в мясных рядах да с представителями знойного юга. И то, как правило, в конце дня, когда южане торопятся к русским красавицам, а русские красавицы, торгующие мясом, — к южанам. Полагаете, за любовь? Увы... Русские красавицы должны выручку передать кавказцам, которым принадлежат мясные ряды.

Между тем по всему миру во всех магазинах торгуются вусмерть. Помню, как в Турции взялся выбрать дочке пляжный костюмчик. Приглядел очаровательный яркий трикотаж, который у нас не купишь, а если и висит такой в каком-нибудь бутике, то долларов за сто. Ну, турок мне как раз сто баксов и заломил. Я улыбнулся ему, как психиатр пациенту, и повернулся уходить. Хозяин кинулся за мной, словно Осман-паша под Измаилом, и загородил путь из магазина. «Эх, ладный!», — заорал он, делая вид, что совершает самый безумный поступок в своей жизни, и скинул десятку. Я захохотал таким же безумным смехом в позолоченное солнцем лицо и жестами показал, что близко осведомлен обо всех его родственниках по материнской линии. Мы торговались час! Турок то закатывал глаза, делая вид, что падает в обморок, то рвал на груди густую растительность, то ронял слезы в чашку с кофе, которую все время держал в руках. В иные минуты мне казалось, что он сорвет со стены кривой ятаган и порубит меня на шаурму, которой так аппетитно пахло с улицы. Но все закончилось как в цивилизованной стране: я отдал ему восемнадцать долларов, а он мне — вещь, получив которую дочка была самой счастливой девочкой на пляже. Думаю, доллара три я даже переплатил, если вспомнить ехидное басурманское лицо при заворачивании покупки.

Нью-Йорк, где в начале девяностых пришлось побывать с делегацией уфимских журналистов, также представляет из себя арену отчаянного торга между продавцом и покупателем. К моменту описываемых событий Россия вообще и мой родной город в частности еще не успели насытиться товарами повышенного спроса, например, кожаными куртками и дубленками. Сегодня вроде и насытились, но зато граждане как-то оголодали. Это я к тому, что цены обгоняют зарплаты, как кенгуру черепахе. Так вот, одной из задач, которую, находясь в Америке, поставили перед собой мастера пера и фотокамеры с берегов Агидели, была одеть себя и родственников в недорогую, но качественную кожу.

— Это вам на Яшку-стрит надо, — с видом знатока сказал водитель «доджа», возившего нас по нью-йоркским закоулкам.

На городской карте улица эта, конечно, обозначалась как-то по-другому, но все приезжие и местные русские называли ее по имени эмигранта из СССР, первым открывшего здесь одежно-кожевенный бизнес. Вслед за легендарным Яшей на улице высадились обильный десант его бердичевских соплеменников, и «стрит» длиной примерно в километр наполнилась громкой русской речью с легкой картавинкой.

Делегация, как самого молодого, отправила меня на разведку. Зазывалы, узрев вылезшего из такси уральского «лоха», чуть не разорвали меня на части. Их речи были сладковаты, как пение ангелов в раю, их посулы обещали чудовищные скидки, и только ценник с нулями на первом же довольно невзрачном плащике привел меня в чувство.

Справедливости ради скажу: выбор в «яшкинских» магазинах был фантастический! Менеджеры, свозившие сюда товар со всего света, дело свое знали отлично: глаза разбегались от обилия фасонов, расцветок, разнообразной фактуры. Наконец я остановил выбор на магазинчике в конце улицы, который, видимо, по причине удаленности был самым недорогим, но по качеству товара остальным не уступал. Предполагалось приобрести себе куртку, жене — модную по тем временам «мокрую» дубленку.

— Вы только взгляните, — ласково ворковал хозяин, поглаживая на мне добротный шеврон, — она же в руках тает! И вот за эту красоту я прошу с вас двести пятьдесят паршивых долларов.

— Вы знаете, сколько нужно работать советскому журналисту, чтобы эти паршивые доллары появились у него в кармане, а его дети не умерли с голоду? — запричитал я, подражая тому турку. — Мне ж деньги всей деревней собирали!

— Так вы из деревни? — изумился торговец.

— Ну а откуда же? — вытаращил я честные глаза.

— Я не сторонник благотворительности, — смягчился хозяин, — но, впрочем, моя Одесса тоже большая деревня. Бог с вами, пятьдесят долларов уступлю.

— А если я еще куплю у вас вон ту дубленку для жены?

— Ну хорошо, еще десять, но только потому что у тети сегодня день рождения...

За дубленку мы бились, как Ахиллес с Патролом. Теперь уже я закатывал глаза под лоб, рвал волосы на всех частях тела и даже показывал шрам от аппендицита, утверждая, что меня ранили при освобождении Сайгона. Хозяин был неумолим и не уступал ни цента.

И тут мой взгляд упал на эту Вещь. Именно так — с большой буквы. Это был офигительный кожаный пуховик, которому шившие его корейцы дали название «Голден Гуз». Он был действительно «голден» — как в прямом, так и в переносном смысле, то есть представлял из себя шедевр скорняжного искусства — длинный до пят, невесомый на плечах, с теплым шалевым воротником, ночь на снегу проспичь и вернешься домой живым, модный, как весь «Кристиан Диор» вместе взятый, — но и стоил, мама, не горюй!

— А если я у вас еще и этот пуховик куплю? — спросил я, понимая, что погибаю.

Мой собеседник вытер пот и вместе с его каплями скинул с дубленки пятьдесят баксов. Я рассчитался за первые две покупки, и мы подошли к пуховику. Я посмотрел на торговца. Тот побледнел и сказал: «Молодой человек, даже и не думайте!»

— Но у меня осталось только сто долларов! — воскликнул я в отчаянии. — Вы меня совершенно разорили!

— Послушайте, — задохнулся бизнесмен, — я уже запутался: кто из нас пожилой хитрый еврей — вы или я?

И тут меня осенило!

— А если завтра сюда приедут пятнадцать моих товарищей и купят у вас товара на десять тысяч, вы уступите мне этот пуховик за сто долларов? — воскликнул я и поперхнулся от собственной наглости. Повторилось все как в Турции, но с точностью до наоборот. Теперь уже продавец посмотрел на меня, как на буйнопомешанного, спрятался за кассу и ласково сказал: «Если это и вправду случится, я отдам вам этот пуховик бесплатно. Спасибо за приятное общение. До свидания». Ой, он поторопился с обещаньем!..

На следующий день толпа разогретых моими рассказами журналистов ворвалась в несчастный магазин. Созванные для такого случая со всей округи продавцы носились среди вешалок и мерили, мерили, мерили. Хозяин стоял у кассы и уже онемевшими от работы пальцами выбивал чеки, я — у него за спиной, записывая каждую цифру. К несчастью владельца магазина, в делегацию затесались два башкирских нефтяника. Когда они купили женам по две песцовые шубы, я перестал вести подсчеты и вальяжно уселся напротив кассы. Старик старательно прятал глаза. Наконец он сдался и воскликнул:

— Хорошо, забирайте этот проклятый пуховик, но я позвоню в иммиграционную службу и скажу, чтобы вас больше никогда не пускали в Соединенные Штаты!..

С тех пор минуло больше десяти лет, но тот «Голден Гуз» до сих пор как новенький. Точно знаю, что в Уфе ни у кого такого нет. С тех пор наше родимое государство проторговало все, что можно, да и все, что нельзя. Теперь торгуется только по газу, да и то с белорусами. Кстати, зимы потеплели, и пуховик висит в шкафу за ненадобностью.

Мы все учились понемногу Сцены из журналистской юности

Стремление постоянно учиться всегда сопровождало советского человека. Оно резко возрастало, когда это касалось людей, уже получивших образование и желающих его усовершенствовать за казенный счет. И, наконец, в сочетании с журналистской профессией это желание обретало просто патологический характер, особенно если программа очередного семинара предполагала экскурсию в колбасный цех и товарищеский ужин.

Сегодня мало кого удивит объявлением в газете типа «Корпоративные семинары в Дагомысе. От 1000 долларов в сутки». На такое усовершенствование обычно отправляется шеф с секретаршей, а приглашенные эксперты демонстрируют последние веяния в моде

на купальные принадлежности. Тогда же, в начале восьмидесятых, к повышению квалификации относились гораздо серьезнее, и даже неистребимое желание выпить и закусить на средства областного партийного бюджета занимало скромное место в общем плане мероприятий. Вот на один из таких семинаров, который должен был состояться в районном центре, и отправились четверо молодых журналистов: Володя, Лазарь, Игорь-фотограф и ваш покорный слуга. Мы выехали накануне вечером, чтобы, переночевав в районной гостинице, утром занять места поближе к трибуне.

Это сегодня любой райцентр — город небоскребов, ярко освещенных проспектов и бизнес-центров, а в те годы гостиница для простых приезжих представляла из себя одноэтажный барак с удобствами на улице. В ресепшн, гремя тазами и швабрами, нас встретила бабуля, в совершенстве владевшая татарским и русским со словом. На великом и могучем она знала несколько слов вроде «щищас», «сыбулоць», «милисия», «алкаш», которых ей вполне хватало для общения с проживающими любой национальности. Бабка, страшно недовольная нашим поздним приездом, заявила, что не намерена куковать здесь ночью из-за каких-то четырех малаек, поэтому запрет нас снаружи до утра, а в качестве отхожего места принесла «сынковый бидра», которое поставила у входа в номер.

Наш «люкс» представлял из себя просторную комнату с четырьмя железными кроватями, шифоньером, столом и стульями времен татаро-монгольского нашествия. Словно в доказательство древности экспонатов на спинке одного из стульев было нацарапано «Коя син, Самига?»* и нарисован череп с костями вместо пронзенного стрелой сердца. Роскошь уровня «пяти звезд» непринужденно подчеркивал канцелярский графин, наполненный бурой водой с элементами местной микрофлоры, и четыре граненых стакана. А что еще нужно четырем джентльменам, самому старшему из которых двадцать три, а младшему девятнадцать? Что еще нужно будущим звездам отечественной и мировой журналистики, когда у Лазаря в сумке булка хлеба по 16 копеек и «частик в собственном соку» по 48, а в портфеле у Володи бутылка «белой головки» за «три шестьдесят две»?

Кстати, насчет звездности ничуть не преувеличиваю, ибо Лазарь сегодня — главный редактор ведущей русскоязычной газеты Израиля, а Володя — доктор наук и профессор одного из российских университетов. Но цунами судьбы еще только зарождается в океане времени, чтобы, спустя годы, обрушиться на нас и разбросать по городам и весям, а пока... Пока мы ослепительно молоды и нет в жизни ничего, кроме счастья общения. Нет ничего вкуснее ломтя хлеба, на который укладывается крохотная часть частичка, чтобы закусить самый популярный в Советском Союзе напиток. Остается только разлить его по стаканам, нарезать хлеб и открыть консервы.

Вот с последним и вышла заминка, ставшая причиной дальнейших событий. Оказалось, что все, как по команде, забыли дома нож. Бабка уже ушла, погрозив нам на прощание пальцем, и помощи ждать было неоткуда. Плонуть бы на эту злосчастную банку

и занюхивать спиртное свежим хлебным мякишем. Да сейчас она бы и без закуски пошла как миленькая, но тогдашнее отсутствие у нас питейного опыта совершенно исключало подобные варианты.

Игорь пить отказался, улегся, укрывшись одеялом, и талантливо изображал спящего человека. Мы же втроем, держа в руке стаканы и с трудом преодолевая отвращение от гидролизного аромата, окружили недоступную закуску и составили из себя живописную скульптурную композицию «Мировая скорбь». Водку таки пришлось пить, давясь и кашляя, и чем больше этого мерзкого пойла попадало в нас, тем больше хотелось открыть банку с консервами.

Наконец Лазарь с криком «Я больше так не могу!» выскочил в коридор и принялся дергать двери других «люксов» в надежде, что хоть одна из них откроется, и нам удастся обнаружить там что-нибудь острое. Номера были заперты, как двери в неведомое, и Лазарь, придя в отчаяние, стал биться в них всем телом. Несколько дверей поддались, но за ними оказались точно такие же безликие помещения, как две капли воды похожие на то, что мы занимали.

В это время мы с Володей изучили каждый квадратный дюйм нашего номера и не обнаружили ничего, хоть отдаленно напоминающее консервный нож. Наконец Володя, заглянув в шифоньер, с огромным трудом оторвал одежный крючок и сунул его мне в руку.

— Приставь эту вешалку к банке, — скомандовал он, тяжело дыша, — а я сверху ударю графином.

— Да ты что? — ужаснулся я. — Он же разобьется!

— Дай сюда! — грубо вырвал у меня крючок вернувшийся из коридорной экспедиции Лазарь. — Сроду от тебя никакого толку. Бей, Вова, не бойся. Дно у графина толстое, ничего ему не будет. — И приставил вешалку к банке.

Володя крикнул, как палач над приговоренным, и опустил графин. Сосуд разлетелся на такие мелкие осколки, что спустя несколько секунд мне показалось, будто белый морской песок сверкает в лучах заходящего южного солнца.

— Ой, ма..! — крикнул Лазарь и принялся вслух демонстрировать все богатства своего ассоциативного мышления, одновременно поливая друзей и мебель кровью, хлещущей из пальца. Остановить этот поток нам удалось лишь с помощью трех разорванных на части казенных полотенец.

Лазаря положили на кровать, и на время в комнате установилась тревожная тишина.

— И все же, надо открыть эту банку, — сказал наш друг голосом раненого комиссара, над которым вот-вот отдадут последние воинские почести. — Неужели все это зря? — спросил он, обводя взглядом разорванное жилище.

— Нет уж, мы ее откроем! — решительно заявил Володя и вновь взялся за вешалку. — Бери стул, — сказал он мне, — и постарайся попасть!

— А если промажу? — засомневался я.

— Тогда я тебя убью, — сказал Володя. — Но если ты не откроешь эту банку, я убью тебя раньше.

Вынужденный подчиниться грубой силе, я как можно тщательнее прицелился и опустил стул.

— Никогда бы не подумал, — прокомментировал ситуацию лежащий на кровати Лазарь, — что голова простого советского журналиста может издавать такой глубокий насыщенный звук.

Володню я перевязал последним оставшимся полотенцем, и все время процедуры он поливал меня изысканными ругательствами, среди которых слова «подлец» и «подонок» были самыми добрыми и нежными.

Между тем в банке от ударов по вешалке образовалась крохотная дыра с рваными краями. Я запустил туда пальцы за вожделенным частичком и изрезался весь вплоть до паха. Кровь хлестала из меня, как из стекольника, на которого упало плохо закрепленное зеркало. Бегаю по комнате, я, вдобавок ко всему, опрокинул ведро, которым мы уже успели несколько раз воспользоваться. Содержимое его разлилось и воздуха отнюдь не озонировало. Поскольку перевязочный материал уже закончился, меня спасали оторванной от пиджака подкладкой.

В это время Лазарь увидел за окном проходившую мимо женщину. Похоже, это была доярка, спешащая на утреннюю дойку. Мой друг забарабанил в стекло, подзывая случайную прохожую: вдруг она знает, где живет эта старая карга, обрекшая нас на чудовищные муки. Доярка подошла к окну, но, увидев белое лицо Лазаря, прилипшее к стеклу, и его окровавленные руки, закричала: «Шайтан! Шайтан!» и убежала в темноту. Через пять минут примчалась бабуля и отомкнула тяжелые засовы. Глазам ее предстало душераздирающее зрелище: распахнутые двери с вырванным мясом замков, полы, залитые кровью и еще бог знает чем, засыпанная битым стеклом комната и трое пьяных малаек, укутанные в окровавленное казенное белье.

Но это еще была не кульминация мистического действия. Кульминация ждала нас дальше. Разбуженный криками «сыбулощ», «милисия», «алкаши», проснулся Игорь. Он вскочил, оделся, открыл свой кофр с фотоаппаратурой, извлек оттуда ножницы и принялся подравнивать ногти. Мы все уставились на него. В комнате повисла тишина, словно накануне массовой резни в каком-нибудь далеком восточном городе.

— Игорь, скажи, пожалуйста, — спросил Лазарь голосом, не предвещавшим ничего хорошего, — а почему ты вчера не дал нам ножницы банку открыть?!

— Да ты что, Лазарь, — искренне изумился Игорь, — разве можно ножницами консервы открывать?! — А вешалкой можно?! — заорал Лазарь, хватая здоровой рукой реликтовый стул, — а вешалкой можно?! — и погнался за фотографом по длинному барачному коридору.

Приключения французского сыра Подражание классике

«С Юстонского вокзала я отвез сыры на квартиру моего приятеля. Его жена, войдя в комнату, понюхала воздух и спросила:

— Что случилось? Скажите мне все, даже самое худшее.

— Я ответил: это сыр...»

Джером К. Джером.

«Трое в одной лодке, не считая собаки».

Его звали Рубо де Понтевес. Урожденный французский дворянин с благородной сединой в волосах и изысканно холеными руками, он работал плотником в нашей конторе. Человек двести бездельников занимали два этажа одного из зданий в центре города, подсчитывая за нашими героическими нефтяниками пробуренные метры, добытые тонны и прочие цифры бесконечно социалистического соревнования. А Понтевес сколачивал стеллажи, полки, ящички для всего этого бумажного хлама. От него вечно пахло свежей стружкой и смолой благородных старых сосен. И когда он, урожденный французский шевалье, подошел ко мне, потомку татарского княжеского рода, и попросил из очередной московской командировки привезти пару кило сыра, я не смог отказаться.

— Дорогой Айрат, — сказал он, доставая из бумажника двадцатипятирублевую купюру кончиками ногтей большого и безымянного пальца, — вы меня бесконечно обяжете... — И, словно смутившись, замолчал, глядя на мой комсомольский значок с надписью «Я строил Беркакит». Я проследил направление его взгляда и поспешил помочь: — Беркакит — это станция в районе БАМа, я был там в журналистской командировке.

— Увы, — задумчиво молвил Понтевес, — мне больше знакомы селения в районе Воркуты и Магадана. Впрочем, я совсем не об этом... Не могли бы вы купить для меня в Москве два кило сыра рокфор?

— А что, в Уфе этот сыр не продается? — задал я наивный вопрос.

Понтевес посмотрел на меня долгим взглядом бывшего окололагерного детдомовца, которого именно там научили управляться с молотком и фуганком, и терпеливо принялся объяснять:

— Более того, милый мой, рокфор и в Москве не везде продается. Я даже думаю, что и в том единственном месте, где он бывает, его может не оказаться. Поэтому вот вам еще пять рублей на тот случай, если придется съездить туда несколько раз. Услышанное потрясло меня. Оказалось, что рокфор бывает только в магазине «Российские сыры» на Горького, что стоит он двенадцать рублей за килограмм и является собой субстанцию голубого цвета с весьма специфическим запахом. Не будь мое дворянство испорчено шестьюдесятью годами безродного большевизма, я бы понял, почему никто в конторе так и не согласился выполнить просьбу благородного плотника. Но стоимость продукта (двенадцать рублей — обалдеть!), его высокопарное название рокфор (чуть ли не один из героев Дюма!) совершенно заслонили прозаическую сторону дела. Я потом тысячу раз пожалел, что невнимательно выслушал своего собрата по голубой крови о том, как следует правильно транспортировать этот голубой сыр. Лишь обещанная бутылка вина в случае удачной доставки и слова «сдачу оставьте себе» запечатлелись в моей неразборчивой юношеской памяти. Я принял деньги и записал поручение плотника в блокнот, уже испещренный просьбами сослуживцев привезти растворимый кофе, карамель «Коровка», миндаль в шоколаде, польских цыплят, детскую железную дорогу, любую обувь марки «Саламандра», альбом с гравюрами Дюрера, духи «Пани Валевская» и еще

массу барахла, которое в те годы можно было купить только в Москве.

К чести столичных коллег, в обмен за башкирский мед и легкую переплату большинство из перечисленного мне принесли прямо в гостиницу. Но стоило завести речь о сыре рокфор, мои собеседники либо пожимали плечами, будто не понимая, о чем идет речь, либо начинали глупо хихикать и жестикулировать, словно отгоняя мух, жужжащих вблизи лица. Лишь Жора Топуридзе, ответственный секретарь журнала «Советский нефтяник», куда я привез материалы о подвигах башкирских буровиков, загадочно улыбнулся и спросил:

— Старик, а ты читал такого писателя — Джером К. Джером? Не читал? А зря... Классику нужно знать, — и ехидно замолчал.

Словом, покупка загадочного сыра отложила на последний день. Водитель дежурной министерской «Волги», на которой я должен был попасть в Домодедово, был важен, как портрет Брежнева на первой полосе газеты «Правда». Мне с трудом удалось уломать его подождать возле магазина, пока я покупаю этот злосчастный сыр. Времени он мне дал в обрез, поэтому я ворвался в торговый зал, как царская конница в пылающую Казань. Пронесаясь вдоль прилавков и нигде не обнаружив дворянского названия, я наконец уткнулся в небольшой закуток, из которого воняло, как из неубранной покойницкой. Возле прилавка я застал единственного покупателя с шарфом через плечо и в широкополой белой шляпе.

— Вы моя благодетельница! — рассыпался он перед продавщицей в засаленном фартуке, нарезавшей сыр огромным ножом.

— Ну что вы, Самуил Яковлевич, — ворковала та хриплым от «Портвейна» голосом. — Я всегда рада вам услужить. Рокфор сегодня свежайший!

Я с опаской выглянул из-за спины московского пижона и увидел голубой сырный шмат, покрытый толстым слоем шевелящейся плесени. Меня замутило, как студентку на третьем месяце беременности, а пижон, словно нарочно, отправил кусочек этой субстанции в рот, со вкусом пожевал и воскликнул:

— Действительно, свежайший!

Я невольно издал горлом утробный звук. Москвич участливо посмотрел на меня и сказал с интонацией психиатра:

— Милейший, вы, боюсь, ошиблись отделом. Плавные сырки «Дружба» продаются вон там.

Меня возмутил тон, с которым говорил со мной этот столичный хлыщ, и я, стараясь дышать ртом, а не носом, упрямо заявил:

— Нет, я не ошибся. Мне нужен именно рокфор, и именно вот этот, свежайший. Пожалуйста, взвесьте мне два кило и побыстрее, а то меня машина ждет. Я на самолет опаздываю.

— И куда же вы полетите с двумя кило рокфора? — заинтересовался мой собеседник.

— В Уфу, — ответил я. — Его заказал мне мой знакомый французский дворянин.

— А что французский дворянин делает в Уфе?

— Плотником работает.

Продавщица уронила нож и заржала, как курящая лошадь, а Самуил Яковлевич улыбнулся уголками губ и вкрадчиво спросил:

— Вам, наверное, очень дорог этот человек?

— Почему? — спросил я, не чувствуя подвоха.

— А потому, что только ради самого близкого друга можно решиться провести два часа рядом с сыром рокфор в закрытом помещении. Да еще когда вокруг почти сто пассажиров... А вы симпатичный, — добавил он после паузы и погладил меня по щеке рукой, пахнувшей французскими духами пополам с рокфором...

Водитель уже было разинул рот, чтобы сказать, что ему, возившему космонавтов и клоуна Енгибарова, не пристало ждать по полчаса провинциальных уральских хамов, но вдруг замолчал и задумался. Минут пятнадцать наша «Волга» неслась в сторону аэропорта, пока от запаха не начали слезиться глаза. Тогда шофер остановился, вывалился из кабины и задохнулся ароматом прелой подмосковной листвы.

— Парень, ты это кончай, — сказал он мне, натужно прокашлявшись. — Ты чем сегодня завтракал?

— Яичницей с колбасой, — ответил я, краснея от корней волос до самого кончика.

— А яйца точно были свежие?

Пришлось признаться, что все дело в авоське, которая по причине своей сетчатой фактуры не в состоянии сдерживать запаха только что купленного сыра.

— Фу ты, слава тебе Господи! — вдруг вздохнул водитель и облегченно перекрестился. — А я-то ведь черт те что подумал...

— Понимаешь, неделю назад у нас дома кошка сохла, — объяснял он мне после того, как мы обмотали сыр куском грязной ветоши, полили ее автолом из канистры и продолжили путь. — Так ведь нет умереть, как все нормальные люди. Она, дура, залезла за батарею и там преставилась. Пока нашли, пока то да се... Ну, сам понимаешь. И вот я еду и думаю: а уж не моя ли Муся с того света вернулась?

— Между прочим, — заканчивал водитель свой рассказ уже в аэропорту, доставая из багажника мои тюки и свертки, — та история с Мусей не без пользы для меня случилась. Теща три месяца у нас жила, выгнать не могли, а тут в два дня собралась и укатила в свой Днепропетровск... Ты не женат? Нет? Ну, когда женишься, приезжай к нам в Москву за сыром. Верное средство от тещ...

В зале ожидания я с дрожью в сердце пристроился к концу очереди на регистрацию. Через пятнадцать минут выяснилось, что мои надежды на автол и ветошь напрасны. Сначала рядом стоящая женщина с размаху шлепнула по заднице своего малолетнего сына и потащила того в сторону туалета. Пацан громко заорал, не понимая, за что его бьют. Потом какой-то мужик заявил, что наша очередь напоминает ему траурную процессию. Пассажиры нервничали и бросали друг на друга подозрительные взгляды. Запах, исходящий из моей авоськи, создавал столь причудливые ассоциации, что непосвященному человеку могло показаться, будто люди топчутся на месте бывшего скотомогильника рядом с только что отстроеными автомастерскими. Наконец дежурная на регистрации

сунула голову в амбразуру, в которую по транспортеру уплывал багаж, и заорала:

— Сысоев, сволоочь, сколько раз тебя просили, не бери кур в нашем буфете! А раз уж взяли, сожрите всей бригадой, а то у меня здесь пассажиры задыхаются!

И только в салоне «тушки» мне немного повезло: я разместился по соседству с группой знатных свинок, возвращавшихся с сельскохозяйственной выставки. Румяные тетки пили водку, пели «Утырале янарима»* и абсолютно не обращали внимания на аромат моей поклажи. Только одна из них на втором часу полета ткнула пальцем в авоську и поинтересовалась, где я в Москве брал дыню. Я проблаженствовал в их компании все время до посадки в Уфе.

Дальнейшее уже было делом техники. В автобусе я, вспомнив студенческие годы, вывесил сетку с сыром за окно, и ни один пассажир ничего не заметил. Правда, следующие за автобусом легковушки громко сигналили и вихляли из стороны в сторону, но это меня уже мало беспокоило.

Прямо с остановки, не заходя домой, я ломанулся на работу. Взлетев на свой этаж, я добежал до двери плотницкой и забарабанил в нее, надеясь, что француз на месте. Тот, открыв дверь, не успел и слова вымолвить, как я сунул ему в руки авоську с сыром и исчез в коридорном сумраке.

Следующим утром, сидя на рабочем месте, я со страхом ожидал, что старик обрушит на меня обвинения по поводу тухлятины, которую я привез ему из столицы. Но тот вошел в кабинет весь сияющий, сердечно поблагодарил за оказанную услугу и на глазах у сослуживцев водрузил на мой стол бутылку дорогого вина.

— Надеюсь, у вас не было проблем с моей покупкой? — спросил он участливо.

— Ну, что вы, — ответил я, — напротив: мне было так интересно.

— Вы знаете, — склонился он ко мне и хитро подмигнул, — я только что говорил с вашим начальником, и он мне сообщил по секрету, что на следующей неделе вас вновь отправляют в Москву. Так вот там, при французском посольстве есть единственный в столице магазин, где можно купить свежемороженые лягушачьи лапки. Айрат, дорогой, вы меня очень обяжете... — И полез в карман за бумажником...

С тех пор минуло три десятка лет. За это время я распробовал, что такое рокфор. Этот мягкий сыр с голубыми прожилками и благородной плесенью следует тонким слоем нанести на кусочек белого хлеба, добавить немного сливочного масла и запить белым трехлетним «Шардонэ» позднего урожая. Представьте себе, очень вкусно. Это я вам как дворянин говорю.

Трое на кухне, считая собаку Праздничные будни типичного мужчины

Утром 8-го Марта ты тонко намекаешь жене, что намерен сделать ей кулинарный сюрприз. Она тебе со своим вечным ехидством отвечает, что накануне ты уже сделал ей сюрприз, когда до двух ночи сквернословил в телевизор, потом сказал «ЦСКА — мясо!»,

накрылся одеялом и захрапел, несмотря на недвусмысленное шмыганье и покашливание супруги. Так что большое тебе спасибо за любовь и неземную ласку, а также за сувенирный набор ершиков для мытья посуды. Она о таких мечтала всю жизнь. Особенно вот об этом, миниатюрном, которым теперь сможет проникнуть в самые недоступные места. Как будто кроме ершиков ты не вручил ей флакон супердорогого парижского парфюма, на который целый месяц экономил, отказывая себе в самом необходимом. Цельный месяц без ста грамм в день! А то и без ста пятидесяти! Кто перенес такое, тот меня поймет.

После полутора часов ворчаний и прихорашиваний жена, наконец, сообщает, что ненадолго сходит к подруге. На вопрос, почему она берет с собой ершики, жена отвечает: «Какой-нибудь бомжихе подарю. Должен и у них быть праздник!». В ответ на твое обиженное лицо она смягчается и смеется, что просто хочет похвастать перед Галкой, какой у нее муж заботливый. Все это означает только одно: Галка и твой приятель Леха, а по совместительству Галкин супруг, будут прикалываться над тобой, трескать голубцы под фирменную селедочку, а после обеда припрутся к нам отмечать 8-е Марта, и не дай бог у тебя ничего не будет готово!

Как только за женой закрывается дверь, ты бросаешься на кухню и начинаешь все делать одновременно: доставать муку для пирога, размораживать мясо, наливать воду для солянки и здесь же, в кастрюле, отмывать пятилетнего сына от сгущенки, которую ты приготовил для праздничного пирога.

Суматоху усиливает мечущаяся под ногами собака, пожирающая все, что падает со стола. Когда-то по настоянию Лехи ты решил заняться охотой и купил щенка, которого почему-то назвали ризеншнауцером. В итоге из славного пушистого комочка выросла жирная наглая вечно голодная свинья, покрытая комками грязной, свалившейся шерсти. Сделать сейчас уже ничего нельзя, потому что жена с ребенком в псине души не чают, а любые твои пинки для этого чудовища, как легкие поглаживания. Поэтому приходится швырять ему колбасные шкурки и часть говяжьих костей, которые не поместились в кастрюлю. К счастью, на ружье не хватило денег и до охоты так и не дошло, иначе этот лающий боров застрял бы в первой же норе.

Ну вот, кажется, вода кипит, мясо шкворчит, и теперь пора заняться пирогом. В восхитительно красивом кулинарном каталоге, откуда ты почерпнул редкий рецепт, это чудо поварского искусства выглядит как древний рыцарский замок тех времен, когда в Европу еще не пришли племена с дикого Востока. В нем чертова туча ингредиентов, название многих из которых ты даже и не слышал. Поэтому часть из них отбрасывается за ненадобностью, а часть заменяется консервированной сайрой, зеленым горошком и свежесколотым чесночком.

Ты бросаешься с мукой к столу, чтобы замесить тесто, и поскользывается на лужице разлитого подсолнечного масла. Как гармонично сочетаются звон упавшей кастрюли со звоном в ушах от удара головой о холодильник!

— Ой, папа,— радостно кричит сын, глядя на тебя, обсыпанного мукой,— ты похож на Каспера из мультфильма! Только он так не ругается.

— Кто разлил здесь масло, десять ершиков мне в ухо?! — спрашиваешь ты, кипя от бешенства.

— Да ты же сам разлил,— говорит малыш, доедая оставшуюся сгущенку,— сказал: «Ладно, хрен с ним, потом подотру».

— Не повторяй за папой плохие слова,— говоришь ты, с трудом поднимаясь с пола. Действительно, вину свою свалить абсолютно не на кого. Жалко, что масло не разлила эта противная собака, а то бы лететь ей сейчас с балкона, как журавлю, только не курлыкать.

Мука смешалась с семечковым маслом, легла на полу жирными мазками и на желтом линолеуме теперь напоминает картину Ван Гога «Подсолнухи». Ты хватаешь тряпку, чтобы навсегда уничтожить этот живописный шедевр, и только в последний момент обнаруживаешь, что вместо тряпки использовал любимое женою полотенце. Но поздно: полотенце безнадежно испорчено и тоже напоминает, но не Ван Гога, а кусок серого теста из соседней кулинарии.

Замесив-таки тесто, набив пирог начинкой и запуснув его в духовку, ты решаешь уничтожить все следы разгрома и в первую очередь испорченное полотенце. Жена, глядишь, как всегда, поищет-поищет да забудет. Ты хватаешь ведро с мусором и идешь к мусоропроводу. Руки от масла скользкие, поэтому ведро выскальзывает и падает в мусоропровод вместе с содержимым. Ну, полотенце еще куда ни шло, но вместе с ведром — это уже перебор. Поэтому пока ты спускаешься вниз, пока ищешь дворника, пока ходишь в магазин за чекушкой, потому что этот гад категорически отказывается открывать мусоропровод в праздничный день, пока распиваешь с ним эту чекушку (че он, алкаш что ли, в одиночку бухать!?), пока сам роешься в мусоре в поисках ведра, ибо дворник только из-за стола и не собирается пачкать выходной костюм, пока полчаса плещешься в душе, чтобы смыть с себя остатки миазмов, пирог сгорает в духовке, как Жанна д'Арк на костре! Квартира вся в чаду, сын с собакой носятся с видом пожарников, забывших привезти воду. Ты распаиваешь все окна и, мокрый после душа, дрожа, достаешь из духовки останки пирога. Помня о ведре, ты предусмотрительно сыпашь сухари в специальный мешочек. Ну, блин, крематорий, а не кухня!

До прихода жены с гостями остается меньше часа. На полке с приправами лежит старая замусоленная книжонка под названием «Кулинария для тупых». Ты хватаешь это не раз спасавшее тебя уникальное издание и отыскиваешь в нем рецепт «Печенья пушистого с кремом». Правда, сын слопал всю сгущенку, и побеги ты в магазин, погибнут солянка и жаркое, поэтому обойдемся вареньем с сахарной пудрой. Рецепт прост, как чавканье нашей собаки, когда она доедает остатки вчерашнего супа. Поэтому не проходит и пятнадцати минут, как печенья оказывается в микроволновке. В духовку его класть нельзя, потому что там с потолка еще свисают зловещие остатки сажи.

Когда ты садишься на стул перевести дух, ребенок орет, что вы забыли про сахарного человечка. Оказыва-

ется, он специально для мамы слепил эльфа, посыпал его пудрой, и теперь человечек погиб.

— Почему же он погиб? — спрашиваешь ты малышка голосом доброго сказочника.

— Потому что ты на нем сидишь! — кричит ребенок и заливается слезами.

Из того, что удалось соскрести со старого трико, вы с сыном вяете еще одного эльфа, хотя он скорее напоминает Шрэка в глубоком запое. Но сынишка успокоился, и это самое главное. Уродец отправляется в печь, а тут пора мешать солянку. Из-за того, что ты переложил картошки, половник с трудом погружается в булькающее варево и с еще большим трудом извлекается обратно. На ходу ты решаешь, что это не солянка, а фирменный казацкий кулеш, поэтому нет смысла класть туда лимон, маслины и колбасу. Их можно нарезать и так, на закуску, даже лучше будет.

С мясом тоже происходит что-то странное: оно вместо того, чтобы приобрести характерный для лангетов коричневый колер, темнеет и сворачивается в трубочки. Ничего не остается, как набить их вареным картофелем, которого девать некуда, и назвать мясными рулетиками по-молдавски. Почему по-молдавски? Да потому же, что и кулеш казацкий!

И тут раздается звонок в дверь. Гости в восторге от праздничного стола! Соленые помидорчики с хрустящими огурцами, домашние грибочки, паюсная икорка, купленная по случаю на рынке, свежие овощи уходят на «ура». От остального женщины тактично отказываются, но говорят, что все это очень оригинально, а Леха почему-то вспоминает армию. Ну да он после третьей всегда армию вспоминает. А ты думаешь, что как ты все-таки угодил жене: ей теперь месяц не нужно ничего готовить!

Чемодан

Чемодан был старый, тяжелый и раненный беспощадным временем. Кажется, еще Ромкин отец ронял его с поездной полки, когда ехал в Уфу учиться на инженера. Так что сыну достались от отца любовь к точным наукам и вот этот вот затрапезный чемодан. Укладывая в него изрядно ношенные кроссовки производства КНР, костюм, пару рубашек и еще какие-то тряпки, Рома думал, что хорошо бы, конечно, купить модный кожаный саквояж, но зарплата преподавателя, пусть даже и кандидата физико-математических наук, заставляла экономить каждый доллар. Тем более что предстояла поездка в США, явление еще довольно редкое к моменту описываемых событий, и Рома намеревался сделать несколько покупок, о которых давно мечтал.

Следующим утром пришлось прибегнуть к помощи еще двух соратников по вояжу, чтобы затащить багажное чудовище в автобус. Под ехидными взглядами ученых коллег Ромка взгромоздил свое имущество на заднюю площадку и всю дорогу до аэропорта пинал его ногой, словно вымещая на чемодане злобу за свой скромный достаток. И этот искусственно-кожаный гад не преминул-таки отомстить: в Москве, уже в Шереметьево, на таможенном контроле два шпингалета вдрут, как по команде, отщелкнулись, и очередь три минуты

ржала, пока Ромка собирал в широко распахнутый зев свои смешные пожитки. Сын интеллигентных родителей, утонченно вежливый со студентами, знавший наизусть почти всего Уитмена, причем в подлиннике, Ромка сыпал таким отборным матом, что, кажется, даже его любимые трусы в цветочек из розовых стали красными. И только сдав этот гроб в багаж, Ромка немного успокоился и всю дорогу до Франкфурга-на-Майне, где предстояла пересадка, мечтал, как купит в Вашингтоне шикарный кофр, и плевать на деньги. Нужно только не забыть сберечь пару долларов чаевых, чтобы горничная отеля отнесла этот мерзкий фибр на самую грязную американскую помойку.

Во Франкфурте оказалось, что над Атлантическим побережьем США лютует грозовой фронт и Вашингтон не принимает, поэтому лететь придется в Нью-Йорк. Уже в воздухе выяснилось, что аэропорт Нью-Йорка также закрыт и их ждет посадка в небольшом городке штата Нью-Джерси. И вот, наконец, измученная болтанкой и тревожной неопределенностью, делегация уфимских ученых расположилась в уютном зале в ожидании багажа.

Сумятица с рейсами нарушила четкую жизнь аэропортового конвейера, и минут чуть ли не час, пока над багажным терминалом загорелись желанные цифры. Ромка первым бросился к эскалатору, намереваясь поскорее забрать с глаз людских свой гадкий чемодан и затолкать его подальше в багажный отсек автобуса. Лента с багажом ползла медленно, Рома стоял у самого ее начала. Получающие поклажу пассажиры толкали его, шпыняли, отпихивали и отходили в сторону, на их место протискивались другие. Ромочка торчал у эскалатора как дурень на ярмарке, но этот урод все не появлялся. Наконец вещи закончились, и Ромкиного сокровища среди них не оказалось. Представитель принимающей стороны, шустрая тетка с характерным одесским акцентом, пошла разбираться к дежурному. В результате из недр багажного отсека вышел здоровенный негр и, виновато шлепя толстыми губами, сообщил, что багаж нашего героя утерян. Поэтому Роме следует заполнить небольшую справку, которая станет основанием для выплаты положенной по закону компенсации. При слове «компенсация» коллеги притихли и придвинулись поближе к своему молодому товарищу, а тот принялся читать документ, по толщине напоминающий конспект старательной первокурсницы. С каждой строчкой на душе у Ромки становилось все радостнее и радостнее, и когда перевернулась последняя страница, он поднял голову и посмотрел на своих коллег глазами абсолютно счастливого человека. Вспомнив насмешки, которым он подвергся в самом начале пути, Рома с садистским удовольствием стал вслух переводить справку на русский язык.

После дежурных извинений за доставленные неудобства, справка сообщала, что авиакомпания намерена отыскать пропавшие вещи в течение двух недель. На всем протяжении этого времени пострадавший пассажир ежедневно будет получать сто долларов наличными. Кроме того, компания обязуется обеспечить Ромку минимумом необходимых вещей взамен утерянных. Далее следовал список из трех десятков наименований,

куда входило все — от зубной щетки, мыла, лезвий для бритья и прочих принадлежностей до полотенец, банного халата, нескольких пар нательного белья, набора парфюмерии, словом, всего, вплоть до купальной шапочки и туалетной бумаги. Если же паче чаяния в течение указанного срока вещи найдены не будут, сообщала справка, авиакомпания обязуется уплатить по тысяче долларов за каждый килограмм багажа.

После этих слов Ромка с улыбкой садиста продемонстрировал коллегам багажную квитанцию. Там значилось 8,5 кг.

Стоявший рядом негр развел руками и сказал:

— Да, мы понимаем, что компенсация невелика, но, к сожалению, иное законом не предусмотрено. Впрочем, если содержимое утерянного чемодана значительно дороже указанной суммы, пассажир имеет право обратиться в суд.

— А бывает, что вещи не находятся? — с робкой надеждой спросил Роман.

— К сожалению, сплошь и рядом, — вздохнул негр. — Служба поиска несовершенна, поэтому вам следует приготовиться к худшему.

— Вот повезло пацану, — сказал кто-то из группы, и народ, волоча за собой теперь уже совершенно постылый багаж, уныло поплелся к автобусу.

Между тем Ромка, исследовав содержимое выданного комплекта, обнаружил в нем гигиенические прокладки и длинную ночную рубашку. С видом глубоко оскорбленного человека Роман пошел к негру, и тот, тысячу раз извинившись, выдал ему мужской набор. Женская часть делегации потребовала разыграть содержимое ошибочного пакета среди дам. Ромка согласился, оставив себе только духи для мамы, остальное дамы делили между собой всю долгую дорогу до Вашингтона.

В отеле шустрая тетка с одесским акцентом обналичила для Ромки чек на сто долларов и обратилась к «ресепшн» с жаркой речью о молодом российском ученом, ставшем жертвой американской преступности. Администрация отеля прониклась происходящим и вручила Ромке еще один тугой пакет с разнообразным содержимым.

Так продолжалось на протяжении почти всей поездки. Ромочка засыпал и просыпался с молитвой на устах: «Только бы не нашелся этот поганый чемодан!». Мелькали города и отели, и каждое утро Рома получал вечные сто долларов и очередной благотворительный набор. Его номер стал напоминать что-то среднее между парфюмерным отделом магазина и сауной, подготовленной для приема высоких гостей. Группа терпела это все из последних сил.

Наконец, к Ромке подошел пожилой профессор и без обиняков заявил, что если Роман не подарит ему хотя бы один халат, то о защите докторской можно будет забыть навсегда. Потом пришел черед коллег помоложе, и те сказали: «Роман, не будь жлобом, делись!» Ромка жлобом никогда не был и с легкостью раздал большую часть своей коллекции, тем более что таскать с собой такую кучу белья и парфюмерии стало уже совершенно невозможно. Да и что значили эти тряпки и лезвия по сравнению с джек-потом, до получения которого оставались считанные дни.

Ромке уже устойчиво снился автомобиль, который он купит на эти деньги по приезде на Родину, как вдруг в одном из отелей группу настигло страшное известие: чемодан нашелся. Если бы Ромка получил телеграмму о смерти всех родственников одновременно, и то не был бы так огорчен. Опознавать «тело» отправились всей группой. В представительстве авиакомпании процессию встретили с цветами и улыбками. «Прощу!» — распахнула девушка дверь одной из комнат. Мужчины сняли шапки, женщины прижали руки к груди. Роман шагнул первым. Эта квадратная пятнистая сволочь стояла в углу и нагло лыбилась всеми своими складочками, словно говоря: «Хрен тебе, а не деньги!» Ромочка, так привыкший за эти дни к мысли о богатстве, стоял посреди комнаты, словно нищий мальчик с картины «Чаепитие в Мытицах», и чувствовал себя совершенно обворованным.

— Это ваш? — спросила девушка по-русски, указывая на чемодан.

— Наш, наш! — радостно и с облегчением зашумела вся группа. — Есть, оказывается, Бог-то! — Кто-то из мужчин хлопнул Ромку по плечу, а какая-то дама сунула ему в руку надкусанное яблоко. — Не переживайте, Роман, — сказала она, — если выданные «баксы» назад потребуют, мы всей группой скинемся.

— Проверьте, пожалуйста, все ли вещи на месте, — продолжала процедуру девушка, красивая, как весь гражданский флот США. — Ничего не поделаешь, — пресекла она активные крики Ромки «Не надо, я вам и так верю!», — этого требует протокол, — и открыла крышку этого мерзкого гроба. Рома сразу узнал драные кроссовки, трусы, фальшивый «Адидас» с пузырями на коленках и тюбик зубной пасты «Ягодка». Бесполезно было отпираться еще и потому, что с внутренней стороны крышки крупно были нанесены его фамилия, имя, отчество и домашний адрес.

— Вы рады? — спросила девушка Рому, когда он подписал нужные бумаги.

— Рады, рады! — загалдела группа и весело заторопилась к выходу. Ромка шел следом и с видом второго могильщика из пьесы «Гамлет» тащил свою обузу.

— Одну минуточку! — воскликнула девушка. — Осталось самое приятное. Дело в том, что ваш багаж серьезно пострадал за время поисков, и руководство авиакомпании поручило мне передать вам скромный подарок в память о путешествии по Америке. — И на глазах оостеневшей группы вручила Ромке роскошный кожаный баул фирмы «Америкэн экспресс», из тех, с которыми летают по миру миллионеры средней руки.

— Вот теперь все, — сказала девушка и указала рукой на выход. Но люди стояли, молча глядя на чудо чемоданного искусства стоимостью в тысячу долларов с гаком, и каждый думал о своем.

Техасские курочки

Тамошний журналист был абсолютно на себя не похож — ну, то есть на тот образ, каким мы привыкли видеть в фильмах крутого штатовского репортера: лохотный пижон в небрежно дорогом костюме,

обвешанный электроникой. Нет, мне предстояло сопровождать невзрачно одетого пожилого дядьку с сединой в негустом ершике и с потертым бухгалтерским портфелем. Выступая на редакционной летучке, он сказал слабым, надтреснутым голосом: «Я — аналитик широко известной в Америке газеты «Демократические курочки Техаса» и бескомпромиссный борец с чиновной бюрократией. Последняя моя публикация стала причиной скандала на Капитолийском холме».

Мои коллеги, журналисты газеты, в которой я тогда работал, напряглись, вспоминая последние выпуски новостей, но фамилии Филиппа (так звали американца) не припомнили.

— Да, конечно, это очень шумевшая история, — сказал из вежливости шеф, — но не могли бы вы напомнить нам ее детали?

Оказалось, что наш доблестный борец с чиновным произволом живет в небольшом техасском городке размером с Нижние Киги. Короче, забытая сельская глубинка. И вот местная администрация включила в число собираемых налогов небольшой платеж за возведение седьмого по счету общественного стадиона. Видите ли, число занимающихся на уже имеющихся шести превысило критическую цифру в десять человек, и теперь необходимо построить седьмой, чтобы граждане, не дай Бог, не сталкивались на беговых дорожках. Добродушные и недалекие техасцы, занимающиеся производством сыра, бекона и куриных окорочков, не обратили на новую цифру в квитанциях никакого внимания.

Но не тут-то было! Наш остроглазый Филипп привлек к исследованию проблемы три юридические ассоциации и один научно-исследовательский институт, чтобы установить законность действий администрации. Пока те разбирались, стадион успели построить. Казалось бы, ну плюнь ты на это дело и ходи на новое поле гонять футбол, тем более что вход на него бесплатный. Но наш Филипп не таков! Наш Филипп привлек две независимые аудиторские фирмы и выяснил, что стоимость травы на газоне завышена на три процента, ширина покрытия на беговой дорожке превышает проектную на 0,7 дюйма, а краны в душевых почему-то позолочены, хотя обязаны быть никелированными.

«Демократические курочки Техаса» разродились полосной статьей, приведшей общественность в ужас. Мэр города подал в отставку, чиновника, оформлявшего строительный подряд, посадили под домашний арест, а сверхпотраченные деньги разделили на число налогоплательщиков и вернули с извинениями.

Сначала заржал шеф, потом затрясся заведующий отделом экономики, за ними «покатились» все присутствующие. Редакция «валялась» от смеха, а американец стоял, как Филиппок на пороге деревенской школы, и непонимающе моргал маленькими глазками за стеклами очков в ученической оправе: отчего эти российские журналисты подняли на смех гражданский подвиг своего коллеги?

— Краники, говоришь? — вытирал слезы главный редактор. — Трава, да? Ой, не могу!

— Беговые дорожки шире! — задышался завождем экономики. — Сдохну щас! А объездную дорогу вокруг Москвы на два метра уже не хочешь?

— Понимаешь, Филипп,— утешал я огорченного аналитика, когда мы вышли из Дома печати для осмотра достопримечательностей,— у нас бывший премьер страны украл небольшой дачный поселок под Москвой, и ничего, а ты тут со своими краниками. Давай лучше выпьем! Какую кухню ты предпочитаешь?

— Я бы хотел посидеть в вашем корпоративном баре. Нам нальют там водки с содовой?

Я почесал в затылке над словом «корпоративный», и мы пошли в кафешку возле Центрального рынка, любимое место уфимских журналистов и околорыночной шпаны. Не очень корпоративно, но зато с единственным туалетом на всю округу. Пока мы шли до общепита, Филипп поведал историю своей газеты, собственником которой он является.

Оказывается, его прапрадед сто пятьдесят лет назад приехал из Европы в Техас и начал разводить там кур. Куры для местных гаучо были в новинку и пошли на ура. Предок Филиппа назвал ферму «Техасские курочки», а немного разбогатев, открыл при ней бар с таким же названием, где подавали фирменный гамбургер с цыпленком. Скотоводы со всей округи приезжали в бар узнать последние цены на животных, попить, подраться — ну, словом, повидать друг друга после долгой разлуки. Некоторым это не всегда удавалось, и однажды некий Мигель попросил владельца бара передать записку своему другу Пабло, которого все никак не может встретить. Будучи неграмотным, он продиктовал хозяйскому сынишке следующий текст: «Где ты шляешься, Пабло, скотина ты эдакая? Я не вижу тебя уже четвертый месяц и очень соскучился по твоей мерзкой роже. Будь здесь в день Святой Антуанетты, не то я измочало палку о твою тупую башку. Любящий тебя Мигель». Потом он взял бумажку с каракулями и пригвоздил ее к стене кинжалом.

Подобный способ общения быстро стал набирать популярность, и спустя некоторое время вся стена над стойкой оказалась обвешана записками, в которых гаучо передавали друг другу приветы, сообщали о новостях, торговцы вывешивали предложения о закупке скота, знающие люди давали полезные советы. Например: «Был вчера с девкой по прозвищу «Кончита три раза». Классная баба! Рекомендую. Хуан».

Наконец записок стало так много, что в них было сложно разбираться, и уже подросший хозяйский сын стал размещать бумажки по рубрикам — «Объявления», «Знакомства», «Дуэли», «Похороны» и так далее, пока в голову его отца не пришла гениальная идея, и он не привез в эту дыру первый печатный станок. Так появилась газета «Техасские курочки», а когда штат проголосовал за демократов, в ее названии появилось слово «демократические».

— Сегодня это солидное издание с большим числом подписчиков,— заканчивал свой рассказ Филипп уже в кафешке, где я взял два по сто и стакан томатного сока.

Напротив сидели приبلатненные пацаны и ярко характеризовали какого-то Быню, который должен был принести бабло, но где-то шарошился. Мы с Филиппом выпили за победу демократии во всем мире, и не успел я среагировать, как он на своем ломаном русском обратился к одному из сидящих напротив пацанов:

— Скажи, как ты относишься к новостям с Ирака?

— Кто «сырака»? Я «сырака»? — спросил побагровевший юноша, беря в руку пустую бутылку из-под пива.

— Слышь, брателло, ты его неверно понял,— вступился я за коллегу.— Он из Америки и по-русски говорит с акцентом.

Тут выпитые сто грамм без содовой сделали Филиппа абсолютно счастливым, и он, лучезарно улыбаясь, обратился к собравшимся:

— Прошу извинить мой плохой русский. Могу я вас угостить?

— Не можешь, а должен, лох залетный,— сказал оскорбленный, и пацаны пересели за наш столик.

Невесть откуда возникла бутылка водки, учпочмак и два яйца вкрутую. А спустя еще полчаса Филипп плакал, уткнувшись в бандитскую жилетку, и говорил: — Я очень лублу Россия. Я очень лублу Достоевский, очень лублу Крамской.

— Прикинь, пацаны,— удивлялся брателло, глядя журналиста по голове,— а американец-то крутой: он Ваню Крамского с Архирейки знает... Слышь, а ты Быню с проспекта знаешь?

— Бынья, это кто — художник, композитор? — спрашивал Филипп, сморкаясь в платок с монограммой.

— Падла он, а не композитор,— отвечал брателло.— Бабло должен и где-то шухерится. Вторую неделю найти не можем.

— А давай напишем ему записка,— вдруг осенило владельца «Техасских курочек»,— и повесим на стенка. Он прочтает и придет.

— Точно! — сказал кто-то из пацанов.— Маляву накарябаем и стрелку забьем.

Под диктовку на бутылочной этикетке я создал документ, который отличался от того, стопятидесятилетней давности, только более экспрессивной и осовремененной лексикой.

Надо же, думал я, когда мы с пацанами несли Филиппа до такси, пройдет еще каких-нибудь сто пятьдесят лет, и мы тоже станем демократическими курочками, способными бороться с бюрократическим произволом. Осталось только дожить...

ПРАВИЛА

для авторов научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации»

Альманах принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Альманах выпускается в восьми номерах (4 ежеквартальных выпуска).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром издания, поэтому им рекомендуется скачивать PDF-версии с сайта факультета (<http://jour.vsu.ru/izdaniya-zhurnaly-i-prodolzhayushchiesya-izdaniya/almanah-akcenty>).

Статьи принимаются в электронном виде. Они должны быть сжато написаны, аккуратно оформлены и тщательно отредактированы.

Текст статьи должен быть набран через полтора интервала, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr).

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы в бумажном и электронном виде (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru):

- 1) текст статьи, подписанный всеми авторами, таблицы, иллюстрации и подписи к ним;
- 2) название статьи, аннотацию, ключевые слова, инициалы и фамилию авторов, место работы — **на русском и английском языках**;
- 3) сведения об авторах: их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (**на русском и английском языках**);
- 4) цветное фото автора.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через запятую дается указание на страницы — [1, с. 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, с. 5; 2, с. 75]).

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать сноски.

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **ЛИТЕРАТУРА (прописные буквы)**. Список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись. **Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.**

Редколлегия